

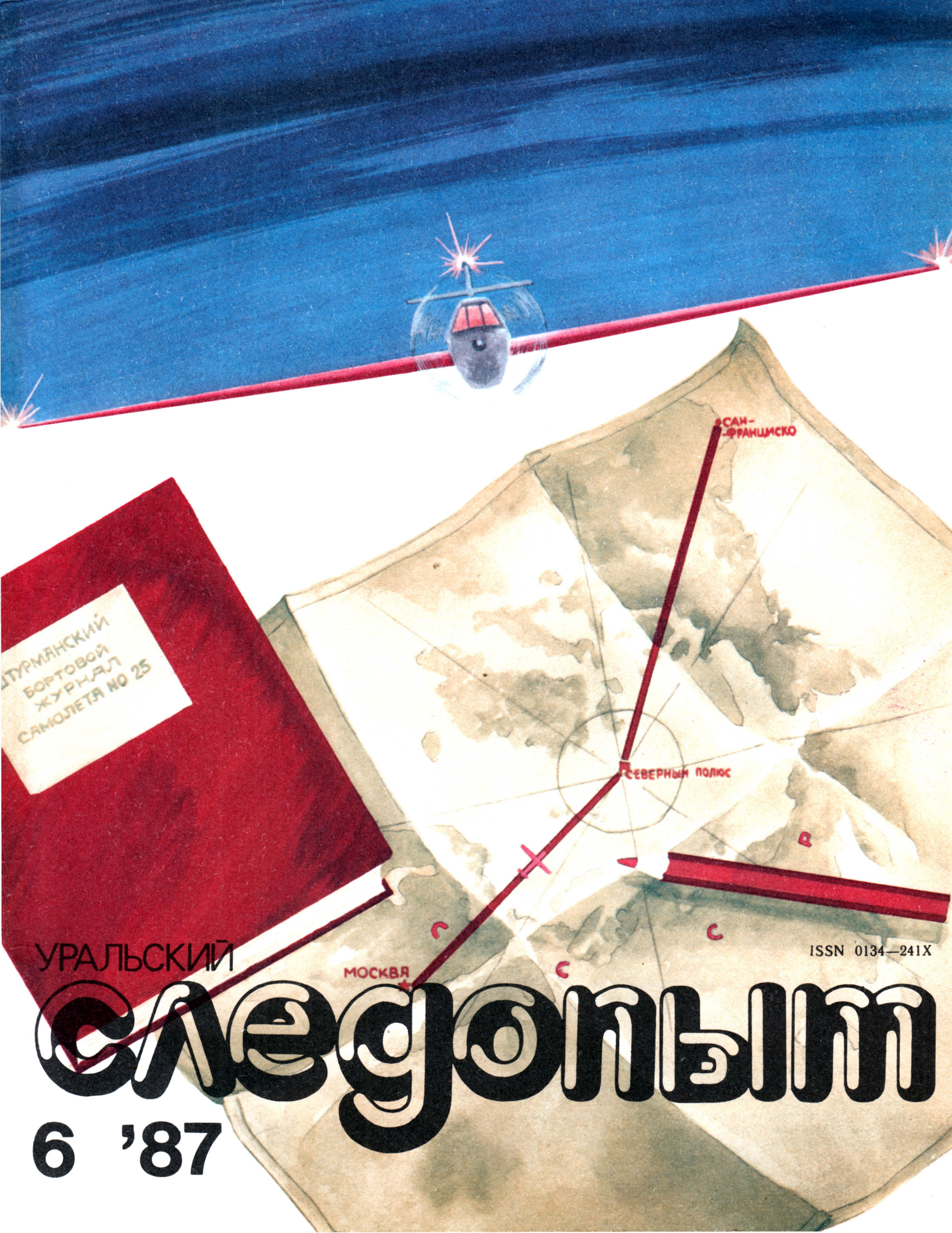
ТУРМАНСКИЙ
БОРТОВОЙ
ЖУРНАЛ
САМОЛЕТА NO 25

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

6 '87

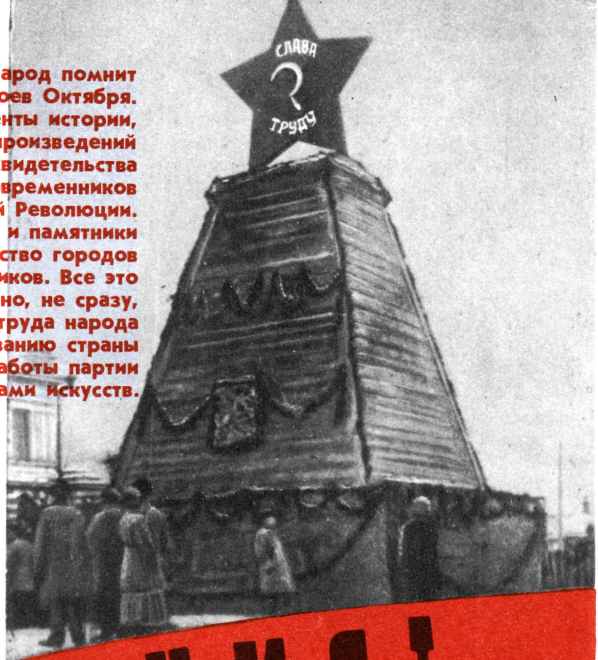
ISSN 0134-241X

ПАМЯТНИК УРАЛЬСКИМ КОММУНАРАМ. Скульптор Эрзя.

Народ помнит и свято чтит героев Октября. Об этом говорят и документы истории, и волнующие образы произведений литературы и искусства, свидетельства и воспоминания современников и участников великой Революции. Об этом напоминают и памятники в честь героев, яркое убранство городов в дни революционных праздников. Все это появилось, конечно, не сразу, а в ходе титанического труда народа по революционному преобразованию страны и как итог кропотливой работы партии с мастерами искусств.

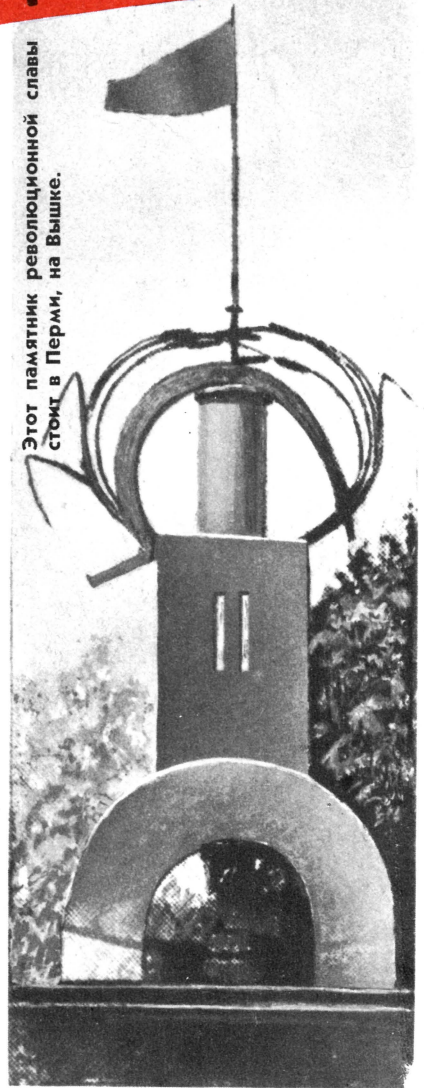

ТЕБЕ, РЕВОЛЮЦИЯ!

Но и само время торопило художников помочь Революции своим творчеством. Как светлый и радостный праздник всего человечества встретили Октябрь Н. Андреев, С. Коненков, С. Волнухин, С. Меркуров, Г. Мотовилов; в Петрограде — А. Матвеев, В. Синайский, Л. Руднев, Л. Шервуд; в Екатеринбурге — С. Эрзя, И. Камбаров; в Казани — В. Богатырев; в Саратове — П. Дундук. Список имен художников можно продолжить. Их вдохновенное искусство было обращено к миллионам людей и, безусловно, помогало революционному воспитанию масс. В ознаменование великого переворота, преобразившего Россию, по всей стране в крупных городах сооружались красочные триумфальные арки, обелиски и пирамиды, увенчанные революционной символикой, создавались многочисленные памятники, посвященные вождям и борцам революции. Всего по стране было установлено и открыто в первые послеоктябрьские годы около 300 памятников. Суров и величествен памятник Борцам Революции, сооруженный в 1918—1919 годах на Марсовом поле в Петрограде. Читая надписи, сделанные на его камнях, будто слышишь мощную музыку, льющуюся из самой глубины народной души. В то же время мемориалу присуща и просветленная скорбь, и пафос борьбы, и дальний отсвет грядущей победы. Этот памятник заложил основы нового типа мемориалов, никогда еще не встречавшегося прежде.

ОСВЕЩЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК. Скульптура Стелла Эрзя, установленная на Плотинки в городе Екатеринбурге.

Этот памятник революционной славы стоит в Перми, на Вышке.

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

6 '87

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1953 ГОДА

В НОМЕРЕ:

- 2/ Н. Кулешов
ХОДОКИ НАДЕЖДЫ
- 4/ А. Дегтярев
ИХ ДЕЛО НЕ ПРОПАЛО
- 5/ А. Бусыгин
КОММУНАРЫ
- 7/ ПИСЬМО ИЗ ПРОШЛОГО
- 9/ А. Волков
ТЕБЕ, РЕВОЛЮЦИЯ!
- 10/ В. Зюськин
МАШИНИСТ КОТЕЛЬНОЙ
- 12/ В. Сибирев
ДА БУДЕТ КРУТ МОЙ ПУТЬ... Стихи
- 13/ В. Пашин
БОРТЖУРНАЛ САМОЛЕТА 025
- 16/ Р. Подольный
ТЫСЯЧА ЖИЗНЕЙ. Рассказ
- 19/ А. Климов, И. Белоград
ЗЕМЛЯ НА ЛАДОНЯХ. Рассказ
- 23/ Г. Дурнайкин
ЧАС ИДЕТ. Рассказ
- 28/ Р. Арбитман
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ
- 31/ ГЛАЗА В ГЛАЗА
- 32/ Ю. Орлицкий
СОЮЗ ТАЛАНТОВ
- 33/ В. Крапивин
ОСТРОВА И КАПИТАНЫ. Роман.
Книга первая «ХРОНОМЕТР». Продолжение
- 66/ Ю. Липатников
ЧЕМ СЛАВЕН УРАЛ!
- 69/ А. Трошин
ГОЛОСА АМУРА
- 70/ Б. Марков
В ОГНЕ НЕ ГОРИТ, В ВОДЕ НЕ ТОНЕТ...
- 70/ Б. Кубарев
ПОЮЩАЯ ГЛИНА
- 71/ А. Шмаков
СУДЬБА ОДНОЙ КНИГИ
- 72/ В. Миронов
ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА. Июнь
- 76/ Г. Дробиз
ВЫНОСЛИВЫЕ ДЕТИ. ДУША И ПОНЧИКИ. ИЗВОЛЬТЕ
ПОБРИТЬСЯ. БЛИЖЕ К ЖИЗНИ. Юмористические ми-
ниатюры
- 79/ МИР НА ЛАДОНИ
- 80/ РИСУЕТ ЛКК

На 1-й стр. обложки рисунок Сергея Малышева

**К 70-ЛЕТИЮ
ОКТЯБРЯ**

Ходоки надежды

Николай КУЛЕШОВ

«МЫ, НИЖЕПОДПИСАВШИЕСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО КОМИТЕТА БОГОСЛОВСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА И ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ НАДЕЖДИНСКОГО ЗАВОДА, ПРИНИМАЯ ОТ ИМЕНИ УКАЗАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАВЕДЫВАНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ БОГОСЛОВСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА, ОБЯЗУЕМСЯ ПЕРЕД СОВЕТОМ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ:

— ПОДНЯТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ВСЕХ ПРЕДПРИЯТИЙ И РАБОТ В ОКРУГЕ;

— УСТАНОВИТЬ В ПРЕДПРИЯТИИ ПОЛНЫЙ ПОРЯДОК И ТРУДОВУЮ ДИСЦИПЛИНУ;

— ОРГАНИЗОВАТЬ ВООРУЖЕННУЮ ОХРАНУ КАК ВВЕРЕННОГО ИМУЩЕСТВА, ТАК И СВОБОДЫ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН;

— ВОЙТИ В СОГЛАШЕНИЕ С БЛИЖАЙШИМИ СОВЕТАМИ ДЛЯ ОХРАНЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПУТЕЙ, СТАНЦИЙ УЗЛОВЫХ, ЧЕЛЯБИНСКА И ДРУГИХ МЕСТ ОТ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ...»

Исторические, одни из первых, а возможно, и первые в Советской России обязательства перед Советским правительством. А нижеподписавшимися были А. Курлынин и М. Андреев.

...Авторы документа. Они навсегда остались в памяти потомков, в истории бывшего Надеждинска, нынешнего Серова, в истории металлургического завода имени А. К. Серова — слесарь, член исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Михаил Андреев и рабочий углехждения, председатель совета фабзавкома профсоюзов Богословского горного округа Алексей Курлынин.

Распахнутая косоворотка, открытое скуластое лицо, решительный взгляд. Таким запечатлел фотограф Андреева, уральского пролетария, го-

тового идти за правое дело в огонь и воду, в рискованное путешествие в далекий грозный Питер. На нерезком, размытом снимке Курлынин — само спокойствие, уравновешенность во взгляде. Может быть, из-за смолевой бороды, упрятавшей пол-лица? Их двоих отрядил Совет в бывшую царскую столицу, ставшую столицей пролетарской, чтобы решать судьбу уральских мужиков, завода, округа.

...Октябрь 17-го перевернул казавшийся вечным уклад жизни монархической России. Рухнул трон. «Вся власть — Советам!» И вся полнота власти в Надеждинске — в руках большевистского Совета. На повестке дня — вопрос об установлении строжайшего контроля над производством.

14 ноября 1917-го ВЦИК принимает разработанный В. И. Лениным Декрет о рабочем контроле. Но господа-держатели Богословского акционерного общества, переживающие революционную бурю в Петрограде, стоят на своем: никакого контроля. А за этим крутые меры: уже два с половиной месяца рабочие округа не получают ни копейки денег. Долг владельцев достигает огромной суммы — пять миллионов рублей. К тому же прекращено финансирование продовольственной службы округа. Господа акционеры рассчитали все с иезуитской точностью — полная остановка завода, голод и их последствия.

«В конце 1917-го года приехали мы... в Петроград искать управу на правление округа. Ходили по учреждениям, ходили, ничего для Надеждинского завода не выходило. Решили написать докладную записку на имя председателя Народных комиссаров. Тут у нас спор вышел. Я говорю: ты пиши записку. А Курлынин говорит: нет, ты пиши. Взяли мы лист графленой бумаги, вынул я карандаш, наточил его, начал писать. Когда все было написано, Курлынин прочитал и сказал, что надо выправить и переписать поллучше. А у меня рука устала, не писаря мы были: он — каменщик, я — слесарь...»

Карандашом на листе «графленой бумаги» два полуграмотных пролетария-ходока пишут вождю революции записку, которая должна решить судьбу завода, судьбу тех надеждинских мужиков-рабочих, что миром решали, кому ехать в Питер отстаивать и защищать их права.

«Ни я, ни Курлынин никогда не видели портрета Ленина. Я представлял себе Владимира Ильича могучим человеком с большой шевелюрой, наподобие Карла Маркса. Курлынин рисовал себе Ленина в этом же роде, только волосы, ему казалось, должны быть не такие, как у Маркса, а поменьше и по-другому причесаны...»

От секретаря СНК Горбунова узнали ходоки, что примет Ильич пятого декабря в одиннадцать часов вечера. И радость их была беспредельна, телеграммой известили земляков о том.

«Я был очень удивлен,— вспоминал М. А. Андреев,— что в Совнаркоме такая простая приемная... Комната метров сорок, стены, как в учебном заведении, выбелены известкой, дальше — деревянная заборка. Вся мебель составляет некрашеный стол и шесть табуреток».

Томительно ожидание встречи с «большим могучим человеком». И вдруг... «вышел человек среднего роста, коренастый. Я на голову посмотрел: волос совсем мало, большая лысина. Он улыбнулся, быстро подошел к нам.

— Здравствуй, я — Ленин.

Не помню, что мы ему сказали в ответ. Он сказал:

— Садитесь и рассказывайте, в чем дело.

Мы, перебивая друг друга, стали излагать свое дело.

— Я читал вашу записку,— сказал Ленин.— Жаль, что сидите безрезультатно, когда у вас на местах столько дела. А вы не арестовали членов правления? Нет? Плохо, плохо. Разве можно так? Сейчас ведь пролетариат у власти...»

Расспросил Владимир Ильич о положении дел на заводе, что выпускают, куда идет продукция, как смогут быстро перейти на мирное производство.

«...А справиться с вашим правлением мы поможем. Не беспокойтесь, через день смотрите в газете, будет постановление».

Бесхитростный рассказ рабочего человека о встрече с Лениным, той, что навсегда стала страницей истории завода, города, той, что протянула невидимую нить и соединила вождю революции с рабочими Надеждинского рельсового — Серовского металлургического.

А через день, как обещал Ильич, появился декрет, подписанный председателем СНК В. Ульяновым (Лениным). Он гласил:

«Ввиду отказа заводоуправления акционер-

ного общества Богословского горного округа подчиняться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством СНК постановило конфисковать все имущество... и объявить его собственностью Российской республики... Порядок управления делами общества в Петрограде и условия передачи отдельных заводов, предприятий и отраслей во временное ведение местных Советов рабочих и солдатских депутатов, фабрично-заводских комитетов и подобных учреждений будут определены особыми постановлениями комиссара торговли и промышленности».

В память о встрече с Лениным, декрете о национализации — мемориальная доска у главных ворот завода. Она запечатлела в металле тот далекий яркий эпизод. Как реликвию хранят заводчане Декрет рабочего и крестьянского правительства Совета Народных Комиссаров от 20(7) декабря 1917-го. Фотокопию декрета с «ятами» той поры. И телеграмму, пришедшую уже из Москвы 2 мая 1918 года: «Слухи о денационализации Богословского округа — глупый вздор. Ленин». И те первые обязательства, подписанные Алексеем Курлыниным и Михаилом Андреевым.

Каждый новичок, поступающий на завод, начинает знакомство с профессией, с цехом, предприятием с заводского музея. Здесь истоки, здесь живительная сила, питающая память. Стараниями и усилиями М. Ф. Бурмасова, комсомольца с 1923 года, выпускника ФЗО, много лет отдавшего родному заводу, открыт этот музей.

«Как-то в сортопркатном собралась группа комсомольцев. Ребята,— обратился к ним один из присутствующих,— в цехе плохо со спецобувью. Что бы нам придумать?»

— Давайте лапти плести из отработанных пеньковых канатов,— посоветовал кто-то. На другой день после работы приступили к делу. Положение со спецобувью улучшилось».

Факт комсомольской истории. Строки из трудной, голодной, лаптежной биографии страны. Но верили в будущее, приближали его, писали свой «Катехизис юного коммунара», который издали надеждинские комсомольцы в 1919-м:

«Первая заповедь. Старайся всегда быть активным работником. Эта заповедь одна из главных...»

Вторая заповедь. Избегай пустой болтовни. В наши дни общественного переустройства помни, товарищ, что дорога каждая минута. Помни, от тебя зависит лучезарное будущее. Работай с удвоенной энергией».

Их дело не пропало

Аркадий ДЕГТЯРЕВ

В КОНЦЕ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА В ОРЕНБУРГЕ БЫЛО ОБРАЗОВАНО РЕВОЛЮЦИОННОЕ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО. РУКОВОДИЛ ИМ ВНАЧАЛЕ П. Е. ВЕЛИЧКО, ДИРЕКТОР МЕСТНОЙ ТАМОЖНИ, ПОЗДНЕЕ, С 1822 ГОДА,— П. М. КУДРЯШЕВ, «ЧЕЛОВЕК ЧЕСТНЫЙ И ОБРАЗОВАННЫЙ», КАК СКАЗАЛ О НЕМ А. И. ГЕРЦЕН.

Вся жизнь Петра Михайловича Кудряшева прошла на Южном Урале, в Оренбургской губернии. Родился он в бедной семье военного в городе Верхнеуральске. Учился в сиротском отделении военного училища, после окончания которого поступил на службу унтер-офицером. Позднее был переведен в штат Оренбургского ордонангауза.

Возглавив общество, П. М. Кудряшев активизировал его деятельность, обновил состав. В него вошли молодые офицеры и чиновники из бедных дворянских семей, разночинцы. После разгрома восстания декабристов в Оренбургском тайном обществе произошел раскол. Либералы из него вышли, и осталось только революционное ядро.

Свои люди были у них в штабах соединений, воинских частей, в гражданской канцелярии генерал-губернатора, в уездном суде и городской полиции. Были установлены связи с политическими ссыльными — участниками восстания Семеновского полка. Велась революционная работа среди уральских и оренбургских казаков, башкир и казахов. Общество было хорошо законспирировано. Новые члены принимались после тщательной проверки.

В программе и уставе общества были записаны его цели и задачи, главная из которых — свершение политического переворота для «изменения монархического правления в России и

применения лучшего рода правления к выгодам и свойствам народа для составления истинного его благополучия». Был составлен проект прокламации, которую предполагалось выпустить при свершении переворота. В ней говорилось: «Объявить в изданной прокламации: 1. Россию свободною. 2. Уменьшение годов службы нижним чинам и удвоение им жалования. 3. Освобождение крестьян помещичьих. 4. Прощение налогов и недоимок государственных. 5. Избавление нижних чинов от телесных наказаний».

Был план восстания: поднять знамя бунта в городе; лишить свободы генерал-губернатора и верных ему чиновников; начать движение с войсками к Казанской губернии и поднимать лежащие на пути селения; избрать из своей среды достойного и храброго предводителя войска; отправить в Оренбургское и Уральское казачьи войска представителя для присоединения казаков к обществу.

Все документы свидетельствуют, что Оренбургское тайное общество по своим идеям было близко к декабристам.

П. М. Кудряшев заметно выделялся среди военных чиновников. Знал башкирский, татарский, калмыцкий языки. Изучал историю края. Петр Михайлович был известен в губернии как писатель и поэт. Начал печататься в Оренбурге, затем в столичных журналах.

Деятельность Кудряшева была прервана арестом. В начале 1827 года в организацию проник провокатор. Начались аресты.

П. М. Кудряшеву удалось добыть список лиц, названных провокатором, предупредить их об опасности. Это спасло общество от полного разгрома. При аресте не было обнаружено никаких компрометирующих документов, их успели уничтожить. Суду было предано только восемь человек, приговоренных к каторжным работам. Среди отпущенных был и П. М. Кудряшев.

Длительная болезнь, провал организации, переживание за судьбу арестованных товарищей резко ухудшили здоровье Петра Михайловича. 9 мая 1827 года он умер. 30 лет ему было. Так оборвалась жизнь революционера, талантливо-го писателя и поэта, исследователя Южного Урала.

Члены Оренбургского тайного общества относятся к первому поколению русских революционеров. О них В. И. Ленин писал, что еще «узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало».

Коммунары

Аркадий БУСЫГИН

В ИСТОРИИ УРАЛМАШЗАВОДА, ЕГО КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, ЕСТЬ ИНТЕРЕСНЫЙ ФАКТ, О КОТОРОМ МАЛО ИЗВЕСТНО СЕГОДНЯШНЕМУ ЧИТАТЕЛЮ. В 1930 ГОДУ ЗДЕСЬ БЫЛА СОЗДАНА КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННО-БЫТОВАЯ КОММУНА, И ПРОСУЩЕСТВОВАЛА ОНА ДО 1936 ГОДА.

Трудное было время. Совсем недавно закончилась гражданская война. Но чтобы выжить и дальше, надо было строить. Стройки шли по всей стране. И на окраине Свердловска начали подниматься цехи Уралмаша.

Строили их в основном крестьяне-сезонники, артели плотников и грабарей. Жили в бараках. Многие из них считали, что если жильё временное — нечего в нем и чистоту наводить. Дошло до того, что грязь, всяческие насекомые чуть было не загубили большое важное дело. Начались болезни. Неналаженный быт угрожал строительству. Нужно было срочно спасать людей и стройку.

Пленум ЦК комсомола принял решение, в котором говорилось:

«Пленум обязывает комсомольскую организацию Урала в двухдекадный срок очистить все бараки от грязи, уничтожить вшей и клопов, поставить в каждом бараке бак с кипяченой водой, организовать раз в декаду проведение генеральной чистки бараков — мытья полов, выбивки матрацев и так далее».

Первой борьбу за чистоту начала молодежь самой крупной комсомольской организации стройки — цеха металлических конструкций.

Лучшие комсомольцы цеха решили организовать коммуны. Поселились в отдельном бараке, навели там порядок и показали всем, что в тех же самых условиях можно жить в чистоте — было бы желание. На их комсомольский барак равнялись остальные.

Первыми коммунарами были: комсорг Павел Солянин, Михаил Родзутаг, Дмитрий Воронцов, Григорий Грошиков и Николай Панкратов. Чуть позднее в коммуну вступили лучшие парни и девчата из других комсомольских организаций стройки.

За короткое время бараки были отремонтированы и дезинфицированы, очищена от грязи территория рабочего поселка.

«Жили мы возвышенно...»

Так начала свой рассказ о коммуне Мария Семеновна Аникеева.

— Для меня уралмашевская коммуна — самые светлые годы в моей жизни. Помню даже день, когда меня приняли на стройку. Было это в октябре. Добиралась от центра до места на грузовике. Длинной мне показалась дорога. Затосковала я. Уже и лес начался, а машина все идет. Даже струсила: куда, думаю, он меня везет? Но вот лес кончился. Подъезжаем к бревенчатому длинному барaku.

— Приехали, — говорит шофер. — Вст управление стройки.

Вышла я, а кругом грязь непролазная. Стою в нерешительности. Выручил шофер.

— Я вон в сапогах не раз захлебывал, а ты вырядилась в туфельки. Дай-ка я тебе помогу. — Подхватил меня и перенес на тротуар.

Пошла к коменданту управления. Он поглядел на меня, почесал в затылке:

— Работа-то есть, но куда я тебя, такую махонькую, определяю? Разве только рассыльной, — стоит озабоченный. А я и этой работе рада.

Работала рассыльной у начальника строительства Александра Петровича Банникова. Подтянутый. Одет всегда в гимнастерку. Коренастый, как бы литой весь. И добрый.

Обычно утром я готовила чай. А Александр Петрович выходил из кабинета со словами: «Ну-ка, Маруся, чем он нас сегодня порадует?».

Это значит, я должна идти к экономисту за сводкой результатов работы прошлого дня. Бегу на первый этаж к экономисту. А тот, всегда надменный, этаким шеголь в желтых сапогах, небрежно подавал сводку.

Александр Петрович внимательно ее изучал. И по тому, змурится он или улыбается, я догадывалась о результатах.

— Вчера мы, Маруся, поработали хорошо, — берет красный карандаш, с ожесточением черкает, черкает, а потом мне: — Отнеси ему, пусть посмотрит...

Александр Петрович был человек простой и веселый. Запомнился он мне на одном праздничном вечере, посвященном Октябрю. Великолепно танцевал. В игре «плетень» был ведущим. Бегал, приседал, что-то придумывал. Пел и смеялся — все искренне. Мне тогда казалось необычным, удивительным поведение на вечере директора такого большого строительства.

Работа рассыльной мне нравилась. Всегда была в курсе событий, постоянно с людьми.

Вот так шла моя жизнь до коммуны.

Первыми в коммуны приняли меня, Анну (мою сестру), Асю Соколову, Марусю Мазырину, Веру Соколкину, Ольгу Громову, Дусю Елесину. Жили мы в самой удобной и теплой части общей комнаты — у печки с железным кожухом. Наша половина на ночь отгораживалась занавеской и была запретной зоной для ребят.

На деньги, которые оставались от питания, мы покупали книги, журналы. Появилась балалайка у нас и волейбольный мяч с сеткой. Помню, однажды достали ситец и сшили парням модные тогда рубашки-апаш, а себе купили майки с длинными рукавами, розовые с черными полосками. Получилось что-то вроде формы.

Во главе нашей коммуны был совет, который решал все важные вопросы. Половину своего заработка, независимо от суммы, вносили ежемесячно в общий котел. Деньги хранились у казначея, который регулярно отчитывался перед советом.

Организовали политехучебу, проводили беседы о международном положении. В 30-х годах не было такого потока информации, как сейчас, поэтому каждая беседа проходила интересно.

В 1932 году в коммуне уже было шестьдесят человек.

Со временем самым оживленным местом в бараке стало место у большой железной печки. Ее плоский бок служил классной доской. По вечерам отсюда постоянно доносился перестук мела. Решали задачи, писали диктанты... В это время в другой части помещения за длинным самодельным столом и на тумбочках читали, писали, обсуждали непонятное — одним словом, постигали основы знаний.

Мы сами себя обслуживали: стирали, мыли полы, подметали вокруг барака, белили, ремонтировали. Находили время для отдыха. Были среди нас способные танцоры, певцы и музыканты и даже свой поэт.

Некоторые наши ребята, наиболее грамотные, потом поступили в политехнический и другие институты. После учебы все вернулись на завод.

Да, жизнь наша была интересной, насыщенной и веселой. Хотя и одевались, и питались мы неважно. Помню, однажды встречали Первомайский праздник только оладьями на постном масле. Но мы никогда не пили. Нам и без вина было весело.

С нами вместе жили несовершеннолетние братья и сестры, приемыши. В те времена много было бездомных подростков. Питались они за счет коммуны. Ни о каких хулиганах и речи не было. Жил здесь и мой младший брат. И никто никогда ни единым словом меня не укорил. Большая душа тогда была у людей и доброта.

По-разному сложились судьбы коммунаров. Со многими не виделась десятки лет, но все они дороги и близки мне, как родные.

Многие из наших ребят стали видными специалистами, известными людьми.

Павла Солянина первым из коммунаров приняли в Уральский механико-машиностроительный институт (так назывался политехнический). Конечно, он не забывал коммуны, выкраивал часок, заезжал к нам.

Учился только на «отлично». От природы он был одаренным парнем. Хорошо рисовал, знал музыку, был неплохим оратором. И понятно, студенты, как и мы, любили его. Практику он проходил на нашем заводе и после института снова пришел на Уралмаш. Уже через полтора года он был председателем завкома, а через три года — начальником сборочного цеха, где не ладилось с выполнением плана. Здесь он вступил в партию. Положение в цехе Павел выправил, что еще больше укрепило его авторитет в коллективе. За умелое руководство сборочным цехом в 1939 году он был награжден орденом «Знак Почета».

Перед войной Павел Ивацович Солянин уехал в Воронеж, где работал главным инженером, директором машиностроительного завода, а затем возглавил научно-исследовательский институт.

Имя Алексея Щербинина вошло в историю развития электросварки на заводе. На Уралмашинстрой Алексей приехал за год до вступления в коммуны. Прожекторная мачта была первой его работой. Двадцать четыре метра длиной. Ажурная и тонкая, она, кажется, рассыплется, если ее коснешься. Однако служит до сих пор и освещает дорогу уралмашевцам.

Здесь, на Уралмаше, Алексей стал классным сварщиком, получил высшее образование. После Свердловска строил канал Москва — Волга, в Угличе и Щербаково монтировал арматуру гидростанций, в Нижнем Тагиле остоны доменных и мартеновских печей. За выдающиеся заслуги на строительстве Цимлянского гидроузла и Волго-Донского канала Алексею Александровичу Щербинину присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Многие наши ребята сражались на фронтах Великой Отечественной войны.

Августа Ягодкина первая из женщин на Уралмашинстрое овладела специальностью электросварщика. И это в 1930 году, когда клепка была основным способом соединения металлоконструкций, а сварка воспринималась многими с недоверием. Когда медики запретили Августе работать на сварке, она первой поступила на курсы шоферов. Сейчас женщина за рулем — дело привычное. Но в то время, в начале 30-х годов, решиться на это было непросто. Сначала она возила на грузовой машине песок и глину, стройматериалы, после работала на легковой. За сорок лет шоферской работы у нее не было ни одной аварии. В пятидесятых годах, на уборке алтайского урожая, она делала ежедневно по 22—23 рейса. Такого рекорда не могли добиться даже молодые, более выносливые шоферы-мужчины.

Более миллиона километров проехала Августа Григорьевна по дорогам страны за рулем. Были ЗИСы, ГАЗы, ЗИЛы. Но это уже в последние годы, а начинала с «Бьюиков» и «Линкольнов».

Многих бывших коммунаров уже нет в живых. Но те, кто еще остался, не сложили руки в покое — закалка не та. Они активно участвуют в сегодняшней жизни, потому что считают себя ответственными за будущее.

**ТВОЯ
РОДОСЛОВНАЯ**

ПИСЬМО ИЗ ПРОШЛОГО

Прошло более десяти лет как умер мой отец, Чумичев Иван Андреевич. Разбирая его бумаги, я наткнулся на письмо к ребятам краснопольской школы.

Отец был Почетным гражданином своего родного села.

У него и его сверстников случилась бурная, подвижническая, комсомольская молодость.

Думается, что обнаруженный мной документ будет интересен молодым читателям «Уральского следопыта».

Видимо, сельские ребята обратились в свое время к отцу с просьбой рассказать, как возникла комсомольская ячейка. Похоже, они собирались открыть музей в селе. Не знаю, чем кончилась эта переписка. Ребята давно выросли, но, может быть, кто-нибудь из них прочтет эти строки и откликнется, расскажет, чем кончилась их поиски. Ведь дело мне представляется очень стоящим: воссоздать историю своего села, своих отцов и дедов — значит воссоздать и сберечь свою родословную.

Левнан ЧУМИЧЕВ,
кинодраматург

КОМСОМОЛЬЦАМ КРАСНОПОЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

Мои юные незнакомые друзья, товарищи комсомольцы! Это малюсенькое письмецо ваше, вы не можете себе представить, как оно меня взволновало, взбудоражило уснувшую было память. Поэтому, ребята, извините меня, если я буду не очень краток и не только постараюсь вам «помочь в розыске первых комсомольцев Краснополя, послать их адреса».

Дорогие ребята, ведь прошло столетия! Вам трудно пока понять, что это значит. Но вот настанет год столетнего Юбилея, и к вам, нынешним комсомольцам, обратится с вопросом племя юное, незнакомое. Вы попытаете вспомнить, что было. И невольно встанут вопросы наедине с собой: а как же Вы, дорогой товарищ, прожили эти пятьдесят лет? Что вы делали? Тепло ли было людям около тебя, приносил ли ты радость им или был себялюбцем, мелконьким человечешкой, беспринципным, размазней неорганизованной, коптившим понапрасну планету нашу? Какой след после себя оставил на земле?

Видите, ребята, какой я неудобный ваш корреспондент.

Вы спрашиваете об одном, я говорю и о другом. Такова уж моя закваска — «комсомольца двадцатого года» да еще немножко вожака.

Итак, какие же чувства, мысли, соображения, раздумья вызвала у меня маленькая записка?

Показалось мне, дорогие мои ребята, что у вас умные, настоящие учителя, наставники духовные ваши. Стало радостно за вас. Это же здорово — учредить музей — НАШЕ КРАСНОПОЛЬЕ.

Здорово, например, хотя бы потому, что в селе, в деревне никогда в жизни не было музея, а теперь открывается музей. А вы знаете, ребята, что в «Толковом словаре» знаменитого Владимира Даля даже не помещено это сло-

во — «музей»? Есть «муза», есть «музовер» (изувер, басурман, злодей), а для слова «музей» не нашлось места в четырехтомном словаре, не было нужды в объяснении содержания этого слова. А вот в «Словаре русского языка» Ожегова, изданного в советское время, уже есть слово «музей». Объясняется оно и в действующем «Словаре иностранных слов», изданном под редакцией Лехина, и в других. Это и понятно. В наше время много создается музеев, и надо знать, по крайней мере учредителям, что значит то, что начинаешь делать. А то мне вспоминается такой случай. В конце 1919 года мы, комсомольская организация, решили провести очередной вечер молодежи в Народном доме. Вечер по своей программе намечался необычайно интересным. Федя Бобров (он учился в Невьянском высшем начальном училище, ну, по-теперешнему, наверное, в классе шестом и был среди нас самым «образованным»), так вот Федя Бобров предложил назвать вечер — «Вечер-Кабарэ». Это было что-то новое, непривычное. И мы дали афиши о вечере-кабарэ в Народном доме. А потом над нами, конечно, немножко посмеялись товарищи из местной интеллигенции. Во-первых — не кабарэ, а кабаре. А кабаре означает просто небольшой ресторан с эстрадой.

Вообще, ребята, нам ужасно не везло со словами. Вероятно, мы не знали состава слов. Мы не знали и не могли знать прекрасных книг Корнея Чуковского и Льва Успенского. Как-то в 1919-м же написали мы объявления, что организация союза молодежи начинает ликвидацию неграмотности и все не грамотные могут прийти учиться. А на следующий день учительница, приехавшая к кому-то в гости, зашла к нам в комсомол и с дружеской усмешкой спросила: «Кто из вас тот грамотей, что писал объявление о ликвидации неграмотности?» Мы ответили, что такие ответственные объявления мы пишем совместно, обсуждаем, чтобы ошибки не вышло. Учительница покачала головой, вздохнула и сказала: «Ошибка-то все-таки вышла. Вы, значит, ВСЕ неграмотные. Как же вы других будете учить?» А мы учили, ликвидировали неграмотность и у неграмотных, и у себя. Упорно учились.

Как-то мы дали объявление и пригласили взрослых Краснополя НА ЛЕКЦИЮ в Народный дом. Тема лек-

ции — о сельскохозяйственных коммунах. Народу привалило много. Бородачи. И вот выхожу я на сцену, ставлю на стол керосиновую лампу, открываю брошюрку (помню, была она с зелеными корочками) и начинаю читать книжку о коммунах. Представляете, ребята, полуграмотный мальчишка, да еще при тусклом свете, читает книжку народу, заполнившему весь зал. Книжку, в которой масса непонятных, иностранных слов. И все-таки я читал, а мужики сидели и слушали, жадно ловя каждое с трудом вычитанное слово. Велик был интерес народа к новому, незнакомому — к коммуне.

Итак, о музее вашем. Здорово! — потому что в деревне. Здорово и потому, что если вы и ваши наставники решите серьезно делать задуманное, то добрая половина из вас станет исследователями, людьми с живым интересом, с навыками самостоятельного подхода к оценке вещей, явлений, с острым глазом, любознательными, словом — СЛЕДОПЫТАМИ!

Сколько интересного ожидает вас, ребята! Следопыт-географам стоит выйти из школы на дорогу, пройти метров 200, как их взору откроются на левой стороне огромные округлые камни. Свернув на север, увидите камни в логу, на гуменье, на горе. На площади в 100—200 гектаров разбросаны колоссальные валуны. Откуда они?

Или если идти от Вилюя к церкви, то с левой стороны на горе выходят древние погребения. Почему бы не привлечь к ним внимание ученых, специалистов? Наверное, там зарыто много интересного и поучительного для всех нас.

Если пройти вверх по речке Мостовой, то можно собрать коллекцию разнообразных самоцветов.

В окрестностях Асбеста — охра, краска, а по тракту — железная руда.

Двинуться на Алабашки, Мурзинку и Южакову — там богатейшие залежи драгоценных камней. А графит! Вот и поразведать следопытам. Да непременно связаться с редакцией и читать славный журнал «Уральский следопыт».

Юные биологи могли бы, например, задать вопросом: нельзя ли возродить кедровник? Или организовать прививки его на сосну в нашем сосновом бору.

До 1910—1911 годов в нашей округе траву косили только косами, сгребали сено только ручными деревянными граблями, хлеб жали только серпами, правда, некоторые, овес например, косили косами со специальными граблями с длинными зубьями, хлеб молотили цепами (вот почему строили овины — хлеб молотили зимой). Все эти орудия, вместе с сохой, с телегой, на деревянном ходу в музей бы, а? А тут же где-то фотоснимки о теперешней сельскохозяйственной технике.

Юным историкам нашлась бы увлекательная работа тоже — ведь за плечами нашего села — трехсотлетняя история! Краснополье появилось при царе Алексее Михайловиче. Он из казны государевой отпустил тринадцать с половиной на строительство Краснопольской слободы. Видно, на важных путях и месте была заложена эта слобода. Пройдите-ка по косогору правого берега Вилюя чуть повыше Народного дома. На этом косогоре стояла когда-то малюсенькая часовенка. Вглядитесь в площадку. Вы, наверно, заметите вал, интересно?! Что это за место? Почему царь придавал такое значение столь отдаленному от Москвы пункту? Здесь не было заводов, не было острогов. Почему первая земская четырехклассная школа была построена в Краснополье, а не где-либо в другом месте, и какую роль она и ее воспитанники сыграли в жизни села? Почему, скажем, такая стройная, красивая кирпичная церковь, которую видно далеко-далеко, построена в Краснополье, а не в Петрокаменске (там была деревянная), не в Бродовой и не в Решах?

Я давно, лет пятьдесят, не был в этой церкви. А интересно было бы посмотреть, как сохранилась в ней на

стенах живопись, имеет ли она художественное значение.

Почему первый Народный дом был построен именно в Краснополье? Там же работал первый кружок самодеятельности, показывались «туманные картины» (это вроде фильмоскопа, словом, какой-то простенький проектор), в Краснополье же появилось первое электричество.

Знаете ли вы, ребята, что к концу царствования Романовых у нас в Краснополье имели образование выше 4-х классов только 5 человек? А как интересно проследить перемены в устной речи? Все ли еще говорят «сплицы», а не «спички»? Экономятся ли звуки-буквы в словах — ШЕ, а не ЧТО, ЗНАШЬ, а не ЗНАЕШЬ? Широко ли употребляются — ПОШТО, ШИБКО, КОЛДЫ (вместо когда) и т. д.? И провести бы запись на магнитофон беседы со старожилами. А проследить, как менялись частушки! Их темы, содержание...

Интересные факты можно собрать по истории колхоза, о первых шагах партийной, комсомольской и пионерской организаций.

Как, например, создавалась наша комсомольская организация?

Об этом — несколько страничек моих воспоминаний.

Ячейка в Краснополье впервые была оформлена вскоре после изгнания белых, вероятно, 17—20 августа 1919 года, не позднее. А этому предшествовали многие драматические события, я был свидетелем некоторых из них.

В конце 1917 года у нас в избе собрались бывшие фронтовики, в их числе мой брат Николай. Они установили в селе Советскую власть.

Был создан комбед. Стали раздавать беднякам пшеницу, шить для бедных обувь из конфискованной у Г. К. Семячкова кожи... Но укрепиться новая власть не успела. Вскоре через Краснополье, отступая, прошли красные войска. А однажды утром пришли белые.

Через неделю или немного более появился дома мой брат Николай. Я не помню, где он был: отступал ли с красными или скрывался где. Его тут же арестовали местные белые власти. Решили, что если «общество» даст «одобрение» на сходке, то Николая отпустят, если нет, то его расстреляют. Я вечером по поручению отца обошел всех друзей, чтобы они пришли на собрание и сказали слово за брата. К счастью, все кончилось благополучно. Николая освободили.

Запомнился вечер, проведенный нами в январе 1919-го под руководством учителя Анатолия Рафаиловича Заленского и посвященный Н. А. Некрасову. Вечер собрал полный зал Народного дома, стал протестом и демонстрацией против белых властей. Вместо «Эх полна, полна коробушка» мы пели «Эх полна, полна тюрьма...» В исполнении Анатолия Рафаиловича и хора слова «У парадного подъезда» звучали разоблачающе, новый смысл был вложен в слова: «...Стонет он по тюрьмам и острогам, в рудниках на железной цепи».

Летом, вероятно уже в июле, словом, перед отступлением белых, стало известно, что вот-вот должны пройти обыски, а затем аресты в Краснополье. Вся активная часть населения, в том числе и мы, юнцы, по одному, конечно, на лошадях уехали в леса. Краснополье вымерло. В лесу была партизанская организованность, дисциплина, караулы и прочее. Бессонные ночи. Наконец-то разведка доложила, что белые уже отступили. Ночью вернулись все из леса. Следующий день выдался тихий, солнечный. Прошел словно в ожидании чего-то. Вечер. Сажу на сарае. Вдруг послышались звуки какие-то. Громче. Это по мосту проскакали всадники по направлению к школе. Выстрел. И снова все замерло. Разве усидишь тут на сарае в конце улицы Пестеревой! Побежал в слободу как вихрь, а там бегут и другие. Старые и дети. Мужчины и женщины. Вдруг услышали: «Смело, товарищи, в ногу». Приближа-

ется кавалерия. Митинг. А ночью во всех избах шумная, радостная встреча освободителей, угощение, рассказы, рассказы. Похожие чувства я пережил, когда проезжал из Невьянска через деревни на первом тракторе, полученном для ТОЗов Петрокаменского района. Надо было видеть удивление и радость хлебопашцев... Сразу же после освобождения Урала от Колчака и у нас, в Краснополюе, легко и просто создалась комсомольская организация. В нее вошли, кроме нашей группы, брат Петра Мунтякова Дмитрий Бунин, Петр, Георгий и Кирилл Косиковы, Савватей Пунтяков и друг наш Петр Камаев, его сосед Дмитрий Гаев.

Когда комсомол страны объявил мобилизацию комсомольцев на фронт, наша организация выделила 18 человек. В Екатеринбурге собрались комсомольцы всего Урала. Из нас приняли только двоих, которые были постарше — лет семнадцать, — Петра Косикова и Кирилла Косикова. Остальных всех обком вернул домой. С руководителями делегаций беседовала председатель Уралобкома комсомола Жеребцова. Обком тогда находился в двухэтажном доме по ул. Пушкина... Екатеринбург на нас произвел сильнейшее впечатление. Он был действительно центр революционного Урала. Запомнился крупный лозунг в зале екатеринбургского вокзала, который гласил: «Торжеству рабочих и крестьян не будет конца». Впоследствии этот лозунг был справедливо раскритикован В. И. Лениным. На нынешней площади им. 1905 года стояла колоссальная фигура рабочего. Комсомольцы рвались на фронт, на Колчака. Распевали песенку — «мундир японский, правитель омский».

Перед отъездом домой в обкоме комсомола нам выдали несколько килограммов конфет-леденцов для школьников Краснополюской школы к годовщине Октябрьской революции. Это был первый подарок детям. Мы его бережно привезли и вручили ребятам. Никто из нас не съел ни одной конфеты. А были мы, вероятно, довольно голодные, так как впервые в жизни, невзирая на предубеждения, веками воспитанные в нас, с аппетитом ели кусочек конины с фасолью, поданный на второе в столовой кино на углу улиц Ленина и К. Либкнехта.

Если вам, товарищи комсомольцы, удалось бы собрать всех старых комсомольцев в Краснополюе! Адреса некоторых из них я вам дам. Это было бы здорово! Я бы, например, где-нибудь на каком-либо сборе рассказал о некоторых интересных односельчанах, а также о встречах с А. В. Луначарским, Н. К. Крупской, Андреем Шохинным, об Орджоникидзе, Сергее Гессене, Лядове, Мархлевском и т. д.

До свидания, ребята!

Будьте здоровы, бодры, веселы, прилежны. Желаю радостно, с охотой трудиться и трудиться, учиться и учиться.

Тоже был комсомолец Иван Чумичев
12 марта 1968 года

Желаю счастья и успехов. В те годы нам нравилась песенка, напечатанная в какой-то газете летом 1918 года, в которой были слова:

Я сразу в двух влюбился,
Две милых у меня.
Одну зовут работа,
Другую звать мечта...

Мечтайте, держайте, учитесь!

ТЕБЕ, РЕВОЛЮЦИЯ!

См. 2-ю стр. обложки

Памятники революции, сохранившиеся до наших дней, были созданы и воздвигнуты и у нас, на уральской земле — в Златоусте и Каслях, Челябинске и Нижнем Тагиле, Ревде и Свердловске, Перми и других городах.

Идея ведущей роли пролетариата в революционном обновлении мира нашла своеобразное выражение в арке Красного Урала. Колонны этой единственной в своем роде арки представляли два гигантских молота и соединялись деревянной перемычкой. Арку украшали переплетающиеся гирлянды из хвойных веток. Верхняя часть четко выделялась на фоне неба, привлекая внимание зрителей призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Простота и лаконичность арки придавали как в целом конструкции, так и каждой ее детали не только конкретность, но и выразительную метафоричность. Прославляя в аллегорической форме силу и мощь Красного Урала и призывая к единению пролетариев всего мира, памятник словно бы представлял собой портал здания светлого будущего, как бы символизируя вход в новую эру.

Арка Красного Урала была возведена на площади Труда в Екатеринбурге в 1919 году в честь 2-й годовщины Октябрьской революции. А на площади Парижской Коммуны перед театром имени А. В. Луначарского стоял тогда гигантский обелиск-пирамида «Слава Трудом».

Монумент «Слава Трудом» был украшен большой красной звездой, по сторонам изображены раздельно серп и молот. На одной из сторон помещены скульптурные рельефы. Вверху — портретные изображения В. И. Ленина и К. Маркса, в центре, ближе к зрителю, располагалась композиция, славящая людей труда.

В памятнике на Вышке в Мотовилихе (Пермь, 1920 год) скульптура вообще не используется. В этой композиции роль революционного символа выполняет паровой молот, увенчанный серпом и высоко взметнувшимся красным знаменем. Нет здесь и обычного для памятника пьедестала. Но, несмотря на кажущуюся необычность пластического воплощения идеи, памятник не выпадает из сложившихся стилистических форм агитмассового искусства первых послеоктябрьских лет на Урале. Это создание является важной частью мемориального комплекса, посвященного борцам революции.

Значительный вклад в создание революционных монументов внес С. Эрьзя, живший в двадцатые годы в Екатеринбурге. С. Эрьзя стремился, говоря словами А. В. Луначарского, «небывало широко выразить то, что творилось в душе народа в течение сотен лет». Он мечтает «развернуть гору», из которой можно было бы высечь гигантский монумент революции, который служил бы на протяжении целых тысячелетий незыблемым памятником Октябрьской революции. С этой целью он специально обследовал Уральские горы и волжские утесы. Стремление служить революции порождает и другую его мечту — создать на Урале скульптурную академию. Ведь Урал — «это царство мрамора, здесь лучшие материалы, они в сотни раз превосходят по своему качеству все материалы Европы», — говорил скульптор со страниц газеты «Уральский рабочий». Оба проекта получили одобрение и только невероятные трудности, переживаемые страной, помешали их осуществлению.

Первым революционным монументом Эрзы на Урале стал мраморный бюст К. Маркса. В его понимании и Маркс и Ленин — это самое яркое олицетворение революции. Поэтому скульптор стремился не столько воспроизвести портретное сходство (хотя не отказывался и от этой задачи), сколько добивался отображения наиболее важных, на его взгляд, чувств и идей, воплощения в скульптурном образе выдающейся личности массового разума и миллионных воль рвущихся к победе над старым миром трудящихся.

Памятник К. Марксу был открыт в январе 1920 года в Екатеринбурге во время проведения «недели фронта».

Памятники «Парижским коммунарам» и «Уральским коммунарам», установленные в Екатеринбурге по проектам С. Эрзы, посвящались героической борьбе рабочего класса и выражали идею международной солидарности борцов за свободу. «Память борцов Коммуны,— подчеркивал Ленин,— читается не только французскими рабочими, но и пролетариатом всего мира. Ибо Коммуна боролась не за какую-нибудь местную или узконациональную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных». Памятник «Парижским коммунарам» представлял собою гармоничный по пропорциям обелиск, установленный на кубическом основании с барельефами по сторонам. Слева и справа от памятника были укреплены живописные портреты видных деятелей Парижской коммуны — Ф. Пиа, Ш. Амуру, Р. Виго и других коммунаров.

Восторженное отношение к революции выразилось у Эрзы в создании обобщенного символично-аллегорического образа Свободного человека в его «Памятнике Свободы». (Был установлен 1 мая на площади 1905 года в Екатеринбурге.) Обнаженная фигура Свободного человека сдержанным, но исполненным силы жестом как бы утверждает завоеванное и вместе с тем олицетворяет страстный порыв в грядущее. Силу художественного воздействия памятника отмечали современники. С восхищением отзывался об этой мраморной статуе художник Н. Сазонов: «Неисчерпаемой энергией и несокрушимой мощью веяло от нее; спокойно и уверенно человек-титан с гордым лицом смотрел вдаль, на пути новой небывалой жизни».

Глубокий и мощный революционный порыв, ставший образной основой многих произведений художника, был отмечен одной из московских газет, которая справедливо назвала Эрзю «скульптором революции». Революционные монументы С. Эрзы образно выразили новую советскую эпоху и вместе с работами других художников того времени они составляют важную главу истории советского искусства.

Время не пощадило многие работы тех лет, так как большинство их было выполнено из недолговечных материалов. Но, несмотря на драматизм борьбы тех лет, в памяти людей они остались навечно как яркие поэтические образы величайшей из революций.

Сохранившиеся в архивах изображения позволяют нам познакомиться читателя в этом и в ближайших номерах с некоторыми памятниками, воздвигнутыми в честь Октября в первые годы Советской власти.

А. ВОЛКОВ

рняв смену, сразу уточнил уровень воды. Полтора метра! Это много. Значит, четвертый котел растоплю попозже. Пока послезу за вторым котлом. Он отапливает жилье в городе.

За окном — осенний вечер. Термометр на внешней стороне окна котельной показывает три градуса тепла. Температура воды в котле должна быть 50 градусов, а у меня 52. Слегка привертываю газ. Вот и все пока дела. Можно полистать газеты. Подумать над житьем-бытьем. Времени предостаточно.

Машинистом газовой котельной энергоучастка Свердловского отделения железной дороги я работаю недавно. Пришел летом, в пору для котельщиков, как говорится, страдную. Только успевай поворачиваться. Все оборудование, а его тьма-тьмушая, должно быть тщательно проверено и подготовлено к зиме. Месяц возились только с одними задвижками: опрессовывали, разбирали, шлифовали «щеки» по несколько раз, добиваясь, чтоб они не пропускали воду под давлением. Чистили теплообменники, насосы, латали изоляцию бака-аккумулятора горячей воды, меняли изношенные трубы, перекладывали кирпичные топки котлов. А поленишься, понебрежничаешь — получишь, как говорится, себе дороже.

— Для себя делаем, — любит говорить Лудишев.

Не умеет он без дела сидеть, так же как и работать вполсилы. То, извернувшись, как йог, среди переплетений труб в подземном туннеле, искрит электросваркой; то над котлом, предельно напрягшись, держит тяжеленный предохранительный клапан, пока другие его крепят; то спускается в огромный бак, чтоб исследовать его стенки. Числится Лудишев слесарем по газу, но летом у него ипостасей больше, чем у мифического сверхсущества. Сегодня — каменщик (перекладывает котел), завтра — штукатур (восстанавливает теплоизоляцию бака), послезавтра — паяльник (крепит стрелки-ограничители к манометрам). А будет нужна — выточит деталь на небольшом токарном станке, стоящем в котельной.

Все рабочие котельной в какой-то мере универсалы. Даже белят и красят сами. Но ни у кого нет столько смежных профессий, сколько у Петра Лудишева. Его руки — в шрамах, а роба — в глине, цементе, машинном масле, в прожженных дырах. Весь день — от одной работы к другой, да еще и подбадривает. А после смены выйдет из душевой, расчесывая влажные волосы, и удивленно скажет: «Я и не заметил, как день пролетел!»

Стрелки манометров словно приклеились. Пламя в топке котла гудит ровно. Я встаю, чтоб полить цветы, лимоны, растущие в ящиках и вазе, которые любовно украшены мозаикой, чеканкой. Слово «котельная» звучит как-то мрачно. Его обычно ассоциируют со словами «гарь», «сажа». Здесь же котлы поражают чистотой побелки. Оборудование, выкрашенное в синий, серый, красный, черный цвета, смотрится весело. Пол блестит чистотой (он тоже выкрашен в четыре краски).

Порядок непросто поддерживать и дома, а здесь, где пият, сверлят, варят, точат металл, — тем более. Но стремление к опрятности у рабочих со старым стало почти инстинктом. Они умеют работать чисто. Глядя на них, привыкают к порядку и новички: кому хочется, чтоб указывали на невыключенный свет или на совок с венком...

За окном сгустилась ночь. Температура на улице снизилась и продолжает медленно падать. Соответственно надо повышать расход газа. Периодически подкручиваю штурвал задвижки.

Когда новому дню исполнилось 10 минут, приступил к растопке четвертого котла. Чтобы разжечь газ на кухне, достаточно поднести к конфорке горящую спичку. Здесь же горелка — около трех метров, так что пользуются

МАШИНИСТ

КОТЕЛЬНИКОМ

Владимир ЗЮСЬКИН

специальным запальником. Вообще, растопка котла — целый ритуал. Не включил какой-нибудь прибор или систему безопасности, перепугал последовательность действий — не разожжешь.

Флажок взвелся с первого раза. Зажег запальник, установил его над горелкой и начал медленно давить на рычаг крана.

Момент этот очень ответственный. Перед самым пуском газа рычаг надо двигать со скоростью минутной стрелки часов: если пустить сразу много газа, усилитель бьюка упадет — пламя погаснет. Может загазоваться топка. А это опасно: газ обладает свойством взрываться.

Робко загудело пламя. Флажок блока (я вижу его через стекло) зашевелился, как живой. Но вот рычаг доведен до предела. Пламя гудит, клокочет. Сейчас надо следить за показателями приборов, периодически добавлять газ. Можно, конечно, сразу пустить на всю мощность. Но резкий перепад температур быстро разрушает оборудование.

Добившись стабильной температуры, я сел за стол, сделал запись в журнале о пуске котла и задумался. Объявления, приглашающие на работу в котельные, появляются довольно часто. У нас, например, не хватает двух операторов: нет желающих. А ведь оплачивается работа неплохо. Оператор зарабатывает 170 рублей. Слесарь — 200—220. Чтоб столько получить на заводе или стройке, надо покрутиться.

Как-то заговоря я об этом с механиком котельной А. И. Додровым:

— Считаешь, что работать в котельной непрестижно, — сказал он. — Я раньше так же думал. Помню, после окончания школы пришел в отдел кадров. И когда мне там предложили работу в котельной, сначала отказался. Даже возмутился в душе, будто сделали какое-то униженное предложение. Хорошо, отец растолковал, что к чему.

Анатолий Иванович начал рабочим. Телотехника увлекла. Поступил учиться на механика.

Сейчас Додров свою работу ни на какую другую не сменяет. А тогда в отделе кадров... Ох уж это деление профессий на престижные и непрестижные! Все что-то спешат в актеры, писатели, ученые. И кое-кто, обладая большой пробойной силой, проскакивает, хоть и не имеет соответствующих способностей. Такая, с позволения сказать, победа дорого обходится не только обществу, но и тому, кто ее одержал, ибо рано или поздно жизнь ставит всех на свои места.

Как тут не вспомнить Игоря Тарабукина: «Бездарных нет! Есть люди не при деле, похожие на тусклую свечу: свое призвание как-то проглядели, чужая роль пришлось не по плечу».

Гвозди изготавливают из стали, а обшивку самолета — из алюминия. Попробуйте — наоборот. Что получится? И человек, подобно этому, хорош на своем месте. Бедь любой из нас обладает определенными качествами,

только они не так открыто выражены и не сразу видны.

Всегда ли престижность профессии соответствует истинному содержанию профессии? Взять хотя бы диктора телевидения. О случайной встрече с ним на улице порой сообщают как о крупной удаче. Да, привлекательная внешность, хорошая дикция. А еще? Подобное несоответствие дел и почестей, вероятно, имел в виду Борис Пастернак, когда писал: «Быть знаменитым некрасиво. Не это поднимает ввысь».

А работа стюардессы — предмет вождения многих девчонок? Далеко не все из них знают, что слово «стюард» переводится как официант на судне или самолете. В обязанности бортпроводницы, так же как и вагонной проводницы, входят мытье посуды, уборка помещений, в том числе и санузлов, но это как-то выпадает из поля зрения пассажиров.

Не хочу обидеть ни дикторов, ни стюардесс. Их работа, как и любая другая, достойна уважения. Но я против перебора в оценках, так же как и недобора, который оборачивается уже осязаемым недобором кадров и гекучкой.

Об этом как-то зашел разговор в котельной.

— У нас тут — проходной двор, — с горечью сказал Лудищев. — За мои четырнадцать лет работы, наверно, целый полк наберется тех, кто устраивался, но не задержался.

И многие подают заявления об уходе, потому что не понравилась работа. Чем же?

На этот вопрос ответила Анастасия Михайловна Соколова, оператор.

— Знаете, как цыган работу выбирал? Туда едет на поезде — стоит путейские рабочие, курят. Обрато едет — то же самое. Вот, думает, это по мне. Устроился, но в первый же день понял, что отдыхают путейцы лишь тогда, когда поезд идет. Пришлось увольняться. Так и с нашей работой. С виду кажется: делать нечего. Газ — не уголь, лопатой кидать не надо. Пустил его и сиди, поглядывая на приборы. К тому же не каждый день — на работу. Два дня по двенадцать часов отдежуришь — два дня отдыхаешь.

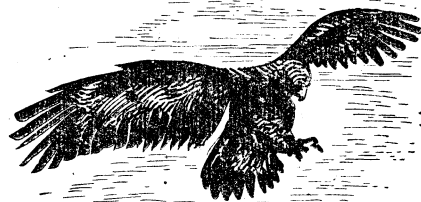
До меня в котельной работала женщина, которая дисциплину не нарушала и за спины товарищей от работы не пряталась. Напротив, всегда первая бралась за дело. И вдруг перешла на другую работу. Оказалось, что тяжело ей было не летом, когда за смену порой семь потов сойдет, а зимой, когда физический труд невелик, но чаще — в одиночку. «Словом перекинуться не с кем», — объяснила она.

...Пробирка, сообщающаяся с баком горячей воды, показывает, что он полон. Я останавливаю котел № 4. Чтоб он остывал быстрее, задвиги на трубе, ведущей в бак, закрою минут через двадцать. До конца смены осталось два часа. Второй котел и насос гудят ровно.

Владимир СИБИРЕВ

Рисунки Сергея Копылова

ЭПИЗОД

От парашютов и оружия
Горбятся,
Через нелегко,
Мы втискивались по-верблюжьи
В люк, как в игольное ушко.
Дюраль подрагивал неровно,
Когда машина шла на взлет.
И гул катился,
Словно бревна,
Обрушившиеся на лед.
А дальше шло, как по тетрадке —
Сигнал,—
И все мы в тот же люк
В обратном двигались порядке,
Став худощавей как-то вдруг.
И вот уже в лучах восхода
Я вижу реки и леса,
Ребят пристрелочного взвода,
Их купола, как паруса.
Но что со мной?!
В каком-то транс
Я в мертвом штопоре кружил.
Мой парашют, застрявший в ранце,
Раскрыться явно не спешил,
Испытывал мое терпенье...
Вот я и думаю сейчас —
Такие, видимо, мгновенья
И делали бойцами нас.

ВУЛКАНЫ

Столетиями дремлют вулканы,
Но кратеры их начеку.
Все чаще бурлят океаны
На нашем горячем веку.
Жаль только, что в лаве кипящей,
Окутанной дымкой густой,
Так мало руды настоящей,
Так много породы пустой.
И все же, пока не остыла
Земля,
Пусть среди ночи и дня
Ее первородная сила
Толкает под сердце меня,
Пусть в душу вселяет порывы
И сводит на нет холода...
...Вулканы.
Пока они живы,
Жив я
И Земля млода!

ПУТИНА

Дребезжа, ворчит водосток.
Фонари во мгле, как икринки.
Дождь, наверное, по крупинке
Их склевать хотел,
Да не смог.

И при свете огней лиловых
Рыбный порт
Поднял сто голов.
Так что мне подобру-поздорову
В эту ночь
Выходить на лов.
...Вновь волна закипит, как лава,
Обожжет причальный горбыль.
...Сон — налево,
Уют — направо
И семь футов —
Под острый киль!

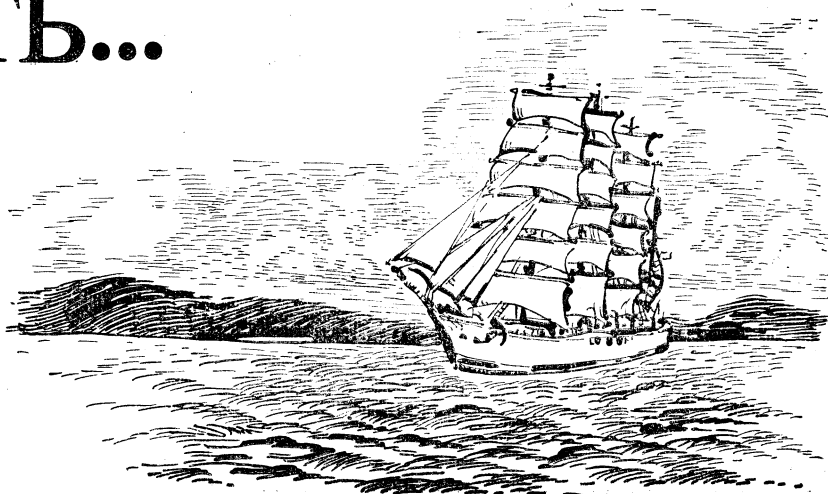
ВЕЧЕРНИЙ ЭТЮД

Кому-то
Житейская проза —
Березовых дров нарубить
И в печку
С охалкой мороза
Веселое солнце впустить.
А здесь это счастье познали.
Вглядись в них, ушедших в мечты,
Колдующих, как у рояля,
В четыре руки
У плиты.

Да будет крут МОЙ ПУТЬ...

ПРОТИВОЮБИЛЕЙНОЕ

Наверное,
Назло и вопреки
Тому, что я замкнул
Шестой десяток,
Мне снятся
Парашютные прыжки
И паруса в мозаике заплаток.
И впредь мой путь
Да будет столь же крут,
И годы пролетают, как минуты,
Пока меня дельфины узнают
И боевые держат
Парашюты!

Бортжурнал самолета 025

Виталий ПАШИН

Дважды в жизни случилось со мной невероятное.

Первый раз это было в пятом классе: в один день по пяти предметам я получил пять «пятерок»! В субботней ячейке дневника они выстроились этакой симпатичной этажерочкой. Олег Свистунов, мой сосед по парте, поглядывая искоса на эту, прямо скажем, сказочную картину, украдкой тяжело вздыхал: в его дневнике отличные отметки были только по поведению.

Домой я в тот день не шел — летел. Возле булочной меня догнал Олежка.

— Ну? — спросил я, почувствовав, что приятель бежал за мной не просто так.

Олега, очевидно, смутила такая прямота вопроса. Он покраснел и после некоторого колебания попросил:

— Дай мне твой дневник до завтра.

— Зачем? — удивился я.

— Нужно.

— Да зачем нужно-то?

— А если скажу, дашь?

— Да.

— Честное пионерское?

— Вот еще, — возмутился я. — Не веришь — не проси.

Олег отвел глаза в сторону и промямлил:

— Там у тебя пять «пятерок»...

— Ну а тебе-то от этого какая польза? — попытался я.

Олег еще немного помедлил, но, увидев мой нетерпеливый жест, произнес скороговоркой:

— Чкалов на машине прокатит.

Ах вот оно что! Я сразу вспомнил Олежкин рассказ о том, что каждую субботу в Тушинский аэроклуб, по соседству с которым живут Свистуновы, приезжает шеф-пилот Валерий Павлович

Чкалов. Потом, по пути домой, катает он ребят на своей машине, подаренной ему правительством после знаменитого перелета из Москвы через Северный полюс в Америку. Правда, катает не всех желающих, а только пятерых (столько умещается на заднем сиденье его лимузина). Попасть в эту пятерку очень даже не просто. Чкалов завел такой порядок: к семи часам вечера — в это время он заканчивал свои дела в аэроклубе — ребята приходят к машине с дневниками. Пока прогревается мотор, Валерий Павлович просматривает их, откладывает пять с лучшими отметками за неделю и потом объявляет фамилии отличников.

Валерий Павлович довозил ребят до Покровского-Стрешнева, а иногда до Коптева, высаживал возле автобусной остановки, давал рубль на обратную дорогу, а сам ехал дальше, в центр Москвы. Чкаловский рубль ребята, конечно, пускали на мороженое, а до Тушина добирались пешком.

Олег Свистунов ни разу не устаивался чести прокатиться на легковушке прославленного летчика. Он даже и к машине близко не подходил — со стороны наблюдал процедуру отбора пассажиров.

И потому я решил выручить товарища: дневника мне не жалко!

— Только, — говорю, — сначала пойдем ко мне домой, покажем дневник бабушке — ей это для здоровья необходимо, а потом бери.

Всю дорогу Олежка молчал. Я догадывался, что творится в его душе: наверно, первый раз за свою тринадцатилетнюю жизнь он шел на обман.

В наш дом Олежка не заходит — стесняется. Остается ждать у подъезда. Я выхожу минут че-

рез десять с дневником под мышкой и двумя кусками хлеба, посыпанными сахарным песком.

И тут хлеб он берет, а от дневника отказывается.

Я по-своему понимаю причину такой неожиданной перемены и спешу заверить его честным пионерским словом, что по гроб жизни буду молчать — ни одна душа не узнает о подмене. Но Олежка непреклонен.

— А знаешь что, — оживаетесь потом приятель. — Пойдем в аэроклуб! Покажешь Чкалову свой дневник, и он тебя обязательно прокатит!

Обычно, повторяю, Чкалов выходил из здания аэроклуба в семь, а на этот раз мы прождали его до восьми. Вот и он, но...

— Ребятки, сегодня я вас не возьму: поздно. Получайте все по конфетине «Мишка на Севере», и — до следующей субботы!

Огорченные, мы молча и не смея закусить пальцы в кулек, протянутый Чкаловым, стояли. Вдруг Олежка выхватил из моих рук дневник и смело шагнул к Валерию Павловичу:

— А вы все-таки посмотрите, какие отметки получил сегодня вот он. — Олег кивнул в мою сторону.

Летчик удивленно взглянул на меня, на Олежку, но дневник взял, развернул...

— Ух ты, вот это дело! Русский язык — отлично, ботаника — отлично, алгебра, история, рисование... Это что ж, всегда у тебя так?

— Нет, — потупился я. — Только сегодня.

— Следовательно, повезло?

— Да.

— А не сам ли ты этот марфагет навел? — Валерий Павлович лукаво погрозил мне пальцем.

— Что вы! — оскорбился за меня Олег. — Мы же с ним за одной партией сидим...

— Ну извините, извините, — Чкалов приложил руку к сердцу и склонил голову. — Прошу в кабину.

— Куда? — не понял я.

— На заднее сиденье... И ты с ним за компанию, адвокат! — Валерий Павлович раскрыл перед нами дверцу машины.

Когда мы выехали на Волоколамское шоссе и миновали тоннель, Чкалов, не отрывая левой руки от руля, правой расстегнул стоявший на переднем сиденье портфель, пошарил в нем и извлек какую-то книгу в красном переплете. Не оборачиваясь, подал ее нам.

— Взгляните-ка и на мой дневник.

— «Штурманский бортовой журнал самолета номер 025», — прочитали мы вслух наклейку на обложке.

— Соображаете? — спросил через некоторое время Чкалов. — Да вы полистайте... Смелее, смелее... Здесь вся история нашего перелета в Америку.

Мы осторожно перелистали два десятка плотных листов и, разумеется, ничего не поняли в колонках многозначных чисел, не разобрали торопливого рукописного текста на разграфленных страницах. Единственное, что не нуждалось в комментариях, — приклеенная к первому листу карта Северного полушария с жирной линией, соединяющей Москву, Северный полюс и Сан-Франциско.

— Ну? — опять спросил Чкалов.

— Здорово! — только и сказали мы.

— То-то что здорово, — подтвердил Валерий Павлович. — А теперь кладите журнал в портфель, подъезжаем к Коптеву...

Бортжурнал самолета 025 мне довелось увидеть еще раз, но уже совсем другими глазами. И случай этот был в тысячу раз невероятнее, нежели тот, о котором я только что рассказал. Да вот судите сами.

Берлин был взят нашими войсками 2 мая 1945 года. Я попал

в столицу поверженной Германии на следующий день. Наш авиационный истребительный полк перебазировался из Франкфурта-на-Одере в Ораниенбург, городок в сорока километрах западнее Берлина.

В кабине нашей головной машины ехал начальник штаба полка майор Душин — невысокий, подвижный, веселый человек, любитель разных побасенок, присловий и каламбуров. До войны он работал стартером на Тушинском аэродроме и очень гордился тем, что был лично знаком с такими героями пятого океана, как Чкалов, Байдуков, Беляков, Громов, Коккинаки... Когда однажды я осмелился заметить майору, что тоже жил в Тушино и тоже видывал знаменитых асов, а из рук Валерия Павловича однажды получил конфету «Мишка на Севере» и прокатился на его машине, начальник штаба проникся ко мне особым расположением и называл меня не просто по фамилии, а с непременно прибавлением слова «земляк». Частенько, встречая меня, волокущего на старт запасной контейнер с пудовым аккумулятором, Душин с сочувствием спрашивал:

— Тяжело? — И насмешливо прибавлял: — Да, земляк, это тебе не чкаловскую конфетку сосать.

До Берлина мы добрались под вечер.

Когда до цели, казалось, было рукой подать, на пути оказался завал. Тяжелый снаряд отщипнул от многоэтажного здания угол и обрушил его на проезжую часть. В разрушенном доме находилась какая-то библиотека — на мостовую выплеснулись потоки книг.

Душин взял с собой пятерку автоматчиков и пошел искать выезд из тупика. А мы, высипав из кузовов, чтобы чуток подразмяться, ринулись через выбитые окна в библиотеку. Взрывная волна обрушила многоярусные стеллажи, и тысячи томов в дорожных переплетах, украшенных золотым тиснением, валялись под ногами. При занимавшемся свете майского утра поблескивали благородным металлом готические и латинские литеры на крышках фолиантов.

Вдруг глаза мои уперлись в родные русские буквы. Они четко выделялись на белом фоне листка, приклеенного к красной обложке книги: «Штурманский бортовой журнал самолета номер 025».

В этот момент с улицы слышалась зычная команда вернувшегося майора:

— По машине!

По-настоящему рассмотреть свою находку решил, только когда колонна наша выбралась из лабиринта берлинских улиц и покатила по асфальтовой глади Ораниенбургского шоссе. Я не торопился раскрывать книгу, боялся нарушить сладостную иллюзию. Рукавом шинели долго стирал с алого коленкора нашивку на обложку известковую пыль. Потом отвел глаза в сторону, чуть приподнял верхнюю крышку переплета и пальцем нащупал под ней крошку твердой бумаги. Так и есть! Там — приклеенная к первой странице карта Северного полушария! Смело переворачиваю корку переплета, читаю в углу: «Карта астрономической ориентировки и генерального маршрута самолета 025. 1937 год».

Сомнений нет: я держу в руках ценнейший документ. Тот самый, который когда-то показывал мне и Олегу Свистуну Валерий Павлович Чкалов. Другого подобного нет и быть не может!

Но как он попал в Берлин, в фашистское логово? На этот вопрос ни я, ни мои изумленные товарищи, которым я показал находку, ответить, разумеется, не могли. Даже предположительно. Майор Душин познакомился с журналом, когда мы разгрузились на стоянках Ораниенбургского аэродрома. Он молча перелистал его страницы, просмотрел их на свет, пощупал пальцами коленкор переплета и, усмехаясь, покачал головой. Наконец, произнес не совсем уверенно:

— Черт его знает... Вроде бы вещь настоящая.

Душин вновь углубился в изучение журнала.

— Вот что, земляк, давай-ка сообщим в дивизион о твоей находке. Пиши рапорт на мое имя: так и так, мол, обнаружил в Берлине документ мирового значе-

ния... Ты хоть место запомнил, где нашел?

— Еще бы не запомнить! С завязанными глазами найду дом с отхваченным углом.

— Ну, дом этот у меня на карте помечен. Вот он, голубчик! — Майор постучал ладонью по планшету с картой Берлина.

...Пошел мой рапорт вместе с приложенным к нему бортовым журналом путешествовать по инстанциям. Из дивизии — в корпус, оттуда — в армию. А уж куда дальше — и не знаю. При каждом удобном случае я спрашивал Душина, не пришел ли ответ. Но он только пожимал плечами и обнадеживающе хлопал меня по плечу:

— Жди, земляк... Чует мое сердце: крутая каша из твоей находки заварится.

И вот однажды во время подготовки самолетов к очередным вылетам меня вызвали к Душину. Не чуя под собой земли, грубейшим образом нарушив наставление по инженерно-авиационной службе, я пересек по прямой взлетную полосу, добежал до штаба и предстал перед начальником. В кабинете майора сидел незнакомый капитан. Увидев меня, он улыбнулся и спросил Душина:

— Эго?

— Он самый, — подтвердил начальник штаба.

— Однако сыграл ты с нами шутку, — произнес незнакомый офицер. — На всю воздушную армию переполох устроил.

Такое начало ничего хорошего не предвещало. А капитан, глядя на меня, рассказывал вроде как майору Душину:

— Начальник политотдела с самим Беляковым разговор имел. Благо, он одно время был прикомандирован к нашей армии. И представьте, Беляков поведал ему об аналогичном случае в 1942 году. На Большой земле получают шифровку из партизанского соединения, действовавшего в Белоруссии. Партизаны просят дать «добро» на операцию по захвату немецкого штаба, где, по данным разведки, хранится боржурнал чкаловского самолета. Руководство партизанским дви-

жением тотчас связывается с Байдуковым и рассказывает о предстоящей атаке. Тот просит срочно отменить операцию: мол, подлинный журнал находится в Москве, а партизаны, видимо, узнали о копии... Вот и ты, товарищ гвардии сержант, за подлинник принял копию.

— Не может быть! — в сердцах воскликнул я. — Спросите у майора, он сам видел.

— Не горячись, — остановил меня капитан. — Выслушай до конца. В 1939 году, когда готовилась международная выставка в Париже, издательство «Искусство» небольшим тиражом выпустило воспроизведенный литографическим способом бортовой журнал легендарного самолета АНТ-24. Очень удачно были подобраны цвета чернил, простого и химического карандашей, которыми члены экипажа заполняли графы и делали заметки. Почти весь тираж был отправлен в Париж, его быстро распродали в киоске нашего павильона. Повторить издание для советских читателей помешала война. Да ты, брат, не огорчайся... Генерал велел поблагодарить тебя за находчивость, за искреннее стремление вернуть, так сказать, законному владельцу ценный документ. И еще...

Капитан расстегнул летный планшет, вынул из него ту самую копию журнала, которую нашел я в пылающем Берлине, и протянул мне.

— Генерал велел вернуть тебе... На память.

...Много лет прошло с того дня. И все эти годы я бережно храню свою находку. Вот она передо мной. Осторожно перелистываю страницы со строгими колонками цифр, обозначающих высоту, скорость, температуру за бортом, обороты мотора, показания бензиномера. В графе «Заметки в пути» читаю строки, написанные рукой Белякова: «Чувствуем себя бодро. Немного побалтывает. Впереди многоярусная облачность». Это на шестом часу полета. Через час: «Ура. Ясно кругом. Под нами темно-синее Баренцево море». Но недолго светило в иллюминаторы самолета

яркое полярное солнце. Машина снова попадает в слоистые облака. Чкалов набирает высоту и вырывается из молока.

В 17 часов 37 минут началось обледенение самолета. Температура в кабине 6 градусов, за бортом — 25. Пропали сигналы радиомаяка с острова Рудольфа.

Над полюсом пролетели 19 июня в 4 часа 15 минут утра. Байдуков пишет в журнале: «Видны льды полюса, белые с трещинами, разводящими и торосами. Стрелка компаса ходит кругом. Трудно ориентироваться».

В 12 часов 30 минут радостная запись: «Внизу земля с озерами... Это Америка...» И тут же тревожный сигнал: «Лопнула водяная трубка. У Байдукова замерзли смотровые стекла».

Еще через 10 часов полета: «Внизу горы. Высота 5 тысяч 300 метров. Кислород на исходе... Кончился кислород — надо снижаться с 6 до 4 километров. Пробили облачность — вышли на море. Острова угрюмые, скалистые, со снегом. В полете уже двое суток...»

Утром 20 июня начал работать радиокompас. «Сигналы принимаем со стороны Сан-Франциско. Бензину осталось на семь с половиной часов полета. Плохо с водой».

Завершает журнал короткая запись: «16 часов 20 минут. Посадка в Ванкувере. Всего были в воздухе 63 часа 16 минут. Израсходовано горючего 7933 литра».

...Реактивная техника вытеснила с дальних трасс поршневые самолеты. Нас уже не удивит и беспосадочный полет «вокруг шарика», о котором когда-то мечтали летчики.

Тем не менее не затушевало время подвиг Чкалова и его друзей-сподвижников. Мы и сейчас говорим о нем с тем же пафосом, как много лет назад. Чкалов — это юность нашей авиации, боевая, отчаянная. Без нее не было бы зрелости — побед в небе Великой Отечественной войны, побед в космосе.

ТЫСЯЧА ЖИЗНЕЙ

Роман
ПОДОЛЬНЫЙ

Рисунки
Дмитрия Литвинова

Трус умирает только один раз, храбрец — десять. Потому что десять раз живет. В сейфах десантных кораблей, наводивших ужас на восемнадцать галактик, хранились матрицы, с помощью которых можно было вернуть в ряды каждого героя, павшего за право жить снова. Правда, сознание собственного «я», несмотря на все усилия биотехники, сохранялось лишь до десятого матрицирования. Этот барьер так и не удалось преодолеть мауранской науке. Поэтому Десятого — десятую копию — отправляли доживать свой последний век на родную планету: под скучные серые облака, на берега медлительных рек, в пресные будни, которые казались наказанием после стольких лет, прожитых в горячке отчаянных приключений и рационально-безумного риска. Когда-то это было, наверное, поощрением, наградой... Когда-то, в самом начале.

Горис-9 вышел из своего личного катера рано утром. Вышел — и засмеялся от удовольствия. После черного неба с неподвижными светящимися точками звезд — бесчисленные оттенки зеленого, голубого, коричневого. И все, все движется. Ветер заставляет качаться по-своему каждое дерево, всякую веточку на нем, любой листик. Радовало даже то, как порывы ветра заставляют взлетать серую пыль. После космического безмолвия — шелест, щебет, журчание... Листья деревьев, травы, бесчисленные мелкие твари на земле, в воздухе, в воде торопливого ручейка и озера, в которое этот ручей впадает... Хорошо. Шумный мир, говорливый, непуганный еще... Хорошо.

Ветка тронула его щеку. Горис-9 остановил ее, потом отпустил, снова остановил, сорвал листок, прижал к щеке, поднес к глазам... Сеть жилочек, разбегающихся темно-зеленым по светло-зеленому, тончайшие ворсинки нежнейшего пушка. Что-то укололо Гориса-9 в щеку. Мгновенное движение — и он увидел на своей ладони маленькое существо, изысканно длинноногое, с трепещущими прозрачными крылышками; каждая деталь его строения была отмечена изяществом.

Неужели Горису так нравится здесь лишь потому, что идет уже девятый срок и это, может

быть, последний мир, посланный судьбой для настоящей жизни?.. Да, не зря говорят, что с восьмого срока начинается старость. Но Горис-8 ведь старым себя не чувствовал. Он же помнит... Не радовался он так в прошлой своей жизни ни очередной новой планете, ни незнакомым растениям и зверушкам. А может быть, наоборот, сейчас надо испугаться? На этой беспорядочной буйной планете, где каждая козявка коровит укусить, должны жить хорошие бойцы.

Каким-нибудь Горисом-4 он обрадовался бы предстоящей славной драке, а теперь об этом не хочется думать. Суждено ли ему погибнуть в первых боях или уже у последних бастионов аборигенов? Горис-9 не верил, что уцелеет. Знал, что это — мысли труса. И понимал, как права традиция, отсылавшая всех Десятых на покой...

Лес кончился. Вот и первые дома...

Горис-9 знал, что он выглядит для каждого встречного аборигена как совершенно обыденный туземец. Большой имитатор работал надежно. Бояться было нечего. По каждому сколько-нибудь значительному поселению планеты уже бродили Трики-6, Тугни-8, те сотни тысяч отборных бойцов, которым предстоит в назначенный час атаковать сразу все центры власти и военные базы. Местное население будет, после разгрома, отправлено на освоение холодного пояса планет во втором рукаве этой галактики... Поэтому надо позаботиться о сохранении максимального числа туземцев — работы на всех хватит. И хорошо. Горис-9 не отличался кровожадностью и имел привычку, пожалуй, несколько сочувствовать побежденным. Но права была первая разведывательная группа: Земля слишком хороша для ее теперешних обитателей. Она станет учебной базой для новых десантников — полевым лагерем обучения Первых.

Конечно, неплохо бы в своем десятом воплощении пожить здесь. Ох как славно бы. Горис знал, что в Высшем Совете обсуждали, не объяснить ли эту планету очередным Домом Десятых. Но решили — и он сам не мог не согласиться в душе с таким решением, — что Земля достойна лучшего, чем стать богадельней для бывших воинов. А все-таки жаль.

Он долго бродил по улицам, привычно подсчитывая число боеспособных мужчин, обращая внимание на высокие заборы, за которыми могло храниться оружие, присматриваясь к домам с толстыми стенами, где могли возникнуть очаги сопротивления.

Мимоходом Горис-9 провел рукой по голове туземного детеныша. Приятное ощущение! Красивая раса здесь обитает... Раз красивая — значит, и сильная. И, наверно, смелая. Может быть, когда-нибудь землян признают полноправными гражданами Галактического союза. Признают и примут в ряды воинов, наделив каждого еще девятью жизнями в придачу к его единственной...

Вот детеныши аборигенов вливаются в широко открытые двери одного из домов. Взрослых здесь совсем немного. Вероятно, школа. Это не опасно. Ничего, ребятки, те планеты, куда вас отправят, тоже годятся для жизни. Там похолоднее, конечно, но жить можно.

Вот сюда, по-видимому, приходят поест. Запахи умопомрачительные! Как это у них повара умудряются? Надо будет походатайствовать, чтобы часть местных мастеров кухни оставили здесь хотя бы на время. Впрочем, Гориса это уже не касается. На Мауру их ведь не повезут. Десятые — обойдутся.

Горис-9 мог обходиться без пищи хоть две недели, но теперь чувствовал, что здесь даже предусмотренные программой три голодных дня дадутся с трудом. И все-таки придется потерпеть, чтобы не выдать себя туземцам. С едой на каждой планете связано столько своеобразных обычаев и даже обрядов, что соплеменники Гориса давно отчаялись в возможности каждый раз осваивать их до тонкостей, чтобы потом снова и снова переучиваться. Третья из планет, на которых он побывал Горисом-7,

стоила многих лишних жертв лишь потому, что кто-то из разведчиков взял ножку вареной птицы прямо рукой, а не специальным прибором, — и был немедленно опознан, а на планете объявили тревогу.

А это что за дом? Входящие показывают привратнику какие-то бумажки. Пропуска? Значит, военный объект!

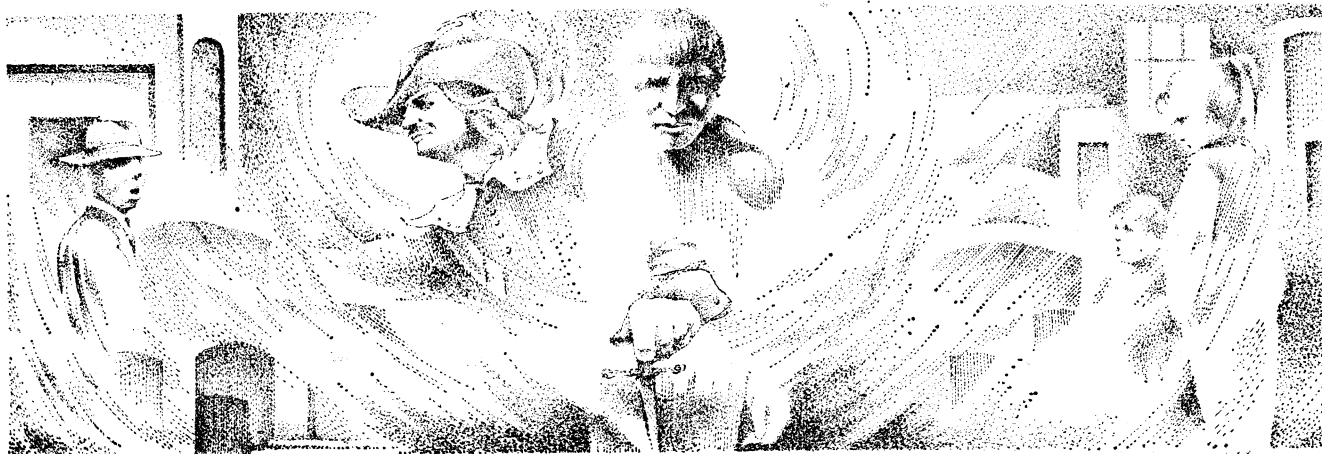
Горис осторожно достал из кармана малый имитатор и набрал нужный шифр. Секунда — и в его руке тоже был пропуск. Толпа пронесла его через прохладное полутемное помещение и толкнула в большой прямоугольный зал, сплошь уставленный сооружениями для сидения, повернутыми в одну сторону — к экрану, занимавшему почти целиком одну из стен.

Военно-учебный центр, значит. Что же, посмотрим, чему здесь учат. Неприятно прозвучал резкий звонок. «Поставили бы запись пения какой-нибудь птицы. Грубоватый все-таки народ эти земляне».

Второй звонок, третий. Луч света пролегал над его головой и уперся в экран. Ну вот, сейчас он узнает, как здесь воюют.

И верно. На экране появился человек, к поясу которого было прикреплено нечто, могущее быть только оружием. Правда, уже беглый осмотр показал, что это оружие холодное. Вооруженный разговаривал с человеком без оружия. Потом с женщиной. Потом с человеком с оружием — таким же, как у него самого. Потом выхватил свое оружие... Как он это называет? Да! Шпагу!

Горис-9 успел еще удивиться тому, что персонажи военно-учебного фильма так сильно отличаются одеждой от тех, кто сидит в зале... И забыл обо всем. Это сам он там, на экране, дрался на шпагах с этими... гвардейцами, целовал прекрасную женщину, защищал честь коро-

левы (какое ему дело, кто такая королева? Он знает одно: что должен ее защищать). И у него были друзья — трое настоящих друзей, замечательных друзей, готовых для него — как он для них — на все. Когда он был еще Горисом-3, у него тоже был друг... Звенели шпаги, мчались красивые четвероногие животные, он чувствовал себя сидящим на таком животном, и сладостно было ощущать сквозь мертвую кожу сапога живое, теплое, могучее тело.

...Уже оказавшись на улице, Горис продолжал сжимать в руке шпагу, он шел, а шпоры позвякивали на его сапогах, и перо на шляпе победно задиралось к небу.

...Кто-то ахнул за его спиной. Кто-то рассматривал его слишком пристально, чтобы это было случайным. Явно возбужденные голоса детенышей донесли справа. Горис-9 был слишком тренированным разведчиком, чтобы не заметить всего этого. Небеса Мауры! Большой имитатор, подчинившись приказам, не осознанным самим Горисом, и вправду надел ему на голову шляпу, всунул в руку шпагу, натянул на ноги ботфорты. Делом секунды было, забежав в первый же подъезд, изменить свой вид. Порядок!

Вот еще одно здание, которое на Мауре наверняка было бы военно-учебным центром. И входят в него тоже по пропускам. Рука Гориса сама скользнула за малым имитатором.

Здесь люди в странной одежде действовали не в виде изображений на экране, они ходили в своей телесной реальности по возвышению, перед которым рядами сидели земляне.

И снова Горис разделил чужое существование.

...Его упрекают в бездействии? И правильно делают! Ведь вот даже родной отец встал из могилы и пришел призраком, чтобы призвать к мщению. Страшному и справедливому. Он отомстит, он отомстит... Но как жалко мать! Пусть она и вышла снова замуж, даже башмаков не износив, в которых была на похоронах первого супруга. Пусть мужем ей стал как раз убийца отца, все равно жалко ее. Мучительно терпеть, горько откладывая удар, больно ждать. Но иначе нельзя. Он должен быть уверен, что прав...

Да, вот это борьба! В самый раз для настоящего бойца. Хитрость и отвага, твердость и проворство. Удар... Задет!

Что... О, небеса Мауры! Клянусь семью галактиками! Что говорит этот его противник?

Всей жизни у тебя на полчаса...

Рапира эта отравлена и с голым острием.

Я гибну сам за подлость...

Две полосы ткани сошлись вместе, отгородив возвышение. Потом снова открылись — и те же земляне, только что умиравшие здесь, улыбались залу, кланялись, принимали цветы.

И среди этих воскресших был он сам, Гамлет! Как это может быть? И как может быть живым и сидеть в зале Горис-9? Он до конца прожил свою девятую жизнь. И как! Кто угодно позавидует. Он умер, умер — и сейчас должен быть уже Горисом-10, обреченным на прозябание на далекой Мауре.

Но ведь он был эту жизнь не собою, а другим, и жизнь была иной, и мир вокруг него шумел не такой, как теперь... Его перенесли в другое время, отвели другое место, дали другие мысли и чувства. И всю эту новую судьбу втиснули в клочок пространства и дали прожить ее за время, равное одной десятой срока, нужного этой планете, чтобы обернуться вокруг своей оси. Здесь открыли способ, как каждому прожить не одну, не десять, а сотни, тысячи жизней.

На мгновение всплыла в памяти далекая Маура. Потом он увидел в воображении себя на ней. Десятого. Но этого не будет! Не должно быть. Его и его боевых товарищей ждет другое... И кто посмеет уничтожить цивилизацию, сделавшую такое открытие? Не он, Горис-9... Или, может быть, ему уже надо называть себя Горисом-10? Нет! Больше у него не будет номера — слишком много жизней ему предстоит, не пересчитать. Ему и другим маурянам. Горис знает своих соплеменников... Как хорошо!

Горис — без номера — достал малый имитатор: надо скопировать здешние единицы обмена. Слишком заманчиво пахнет из дома, над входом в который висит надпись: «Шашлычная».

А местные обычаи при еде... Теперь у него есть время, чтобы выучить их. Торопиться некуда. И переучиваться не придется.

ЗЕМЛЯ НА ЛАДОНЯХ

Александр
КЛИМОВ,
Игорь
БЕЛОГРУД

На поляну обрушиваются громовые раскаты. Это роботы-монтажники топают по жести палуб и винтовых лестниц, спуская на землю контейнеры с оборудованием. Мягко плывут ленты транспортеров, вынося на своих рубчатых резиновых платформах бухты кабеля, затянутые в надувные мешки приборы, капсулы с реагентом, связки стальных труб и полиэтиленовых лотков. Обшивка корабля разъезжается, словно на застежках-молниях, и на траву плавно опускаются огромные пандусы-лепестки. По ним, тяжело грохоча и подпрыгивая на клепке, ползут бульдозеры-нивелировщики, оцетинившиеся серебрястыми ножами, рыхлителями и крюками корчевателей. Они скатываются на поляну и тут же принимаются расчищать площадки под трубопроводы и сорбционные установки.

Под опорой пробегает неуклюжий робот-цементировщик. За ним, как паутинка за пауком, разматывается прозрачный шланг растворопровода.

Встряхнув «Альбатрос», бухает первый взрыв, и в воздухе взлетает целая роща салатных деревьев.

«Альбатрос» — звездолет-добытчик класса В. Он напичкан горной техникой и, конечно, не так изящен и стремителен, как субсветовые лайнеры. Это корабль-рудник, единственная цель которого — разработать месторождение, подвязку загрузить концентратом и доставить груз на транзитную базу. А через несколько месяцев опять приземлится где-нибудь на Промаксе либо Бергони и снова добывать фосфор, полоний или титан...

Экипаж корабля — это я и мой сменщик Павел. Не сказать, что мы приняли назначение на «Альбатрос» с радостью. В астронавигационной школе мы, как и все, мечтали о далеких созвездиях, подвигах, романтике... Но работа есть работа.

Сейчас у меня свободное время. Пашка принял дежурство и, обложившись банками с апельсиновым соком, засел за пультом управления. Хрустальный фонарик наблюдательной рубки пристроился под самым рассекателем «Альба-

троса», и его глаз помигивает в вышине, распуская во все стороны нестерпимо яркие лучики-нити.

Расстегнув ворот рубахи, Пашка сидит в окружении тысяч кнопок, лампочек, экранов и в паре с корабельным компьютером руководит беспокойным воинством роботов и автоматов. Прихлебывает сок, покрикивает в селектор, отдавая команды. На дисплее выстраиваются неоновые очереди дополнительных запросов, и Пашка карандашом-световодом корректирует схему развития рудника.

А я — отдыхаю! Еще полчаса назад, охрипнув под конец, я тоже что-то кричал в микрофоны и выводил на экранах немислимые малиновые загогулины. А теперь — восемь часов полной свободы!.. Все бы хорошо, да только не представляю я, куда девать такую уйму времени. Так всегда: ждешь, ждешь, ждешь пересменки, а дождешься — и не знаешь, чем себя занять.

Отдых, конечно, начинается в библиотеке. Не потому, что я такой уж страстный библиофил, просто библиотека — самое тихое место на корабле. Сюда не забежит перегревшийся робот-бурильщик, не придет искать машинное масло тонконогий автоматический перфоратор.

Я полулежу в кресле и смотрю в окно. Лес раскорчеван, снят почвенный слой, намечены контуры будущего карьера. На бетонных поста-ментах замерли ребристые кубы трансформаторных подстанций. Сейчас начнется самое интересное.

В корпусе «Альбатроса» открывается широкая ниша, и из ее глубин выползает чудовищный агрегат о четырех роторах, пяти опорах и нескольких дюжинах зубчатых ковшей. Это один из двух наших красавцев экскаваторов. Размером он с хорошим многоквартирный дом, но ведь и «Альбатрос» — не карлик: от стабилизаторов до носового рассекателя в нем около пятисот метров!

Зубастая машина выбирается из ниши, подвезжает к краю и... срывается с огромной высоты. У меня, как всегда, замирает сердце. Кажется, еще секунда, и от чудо-экскаватора останется

лишь куча сплющенного железа. Но в нужный момент включаются силовые установки, и тысячетонная машина, зависнув в воздухе, плавно опускается на землю. Еще через минуту экскаватор гигантскими шагами выдвигается на контур карьера и приступает к вскрышным работам. Грунт веером вылетает из метателей, образуя высокие зигзагообразные отвалы. Земля мгновенно подсыхает, над кучами стелется плотный молочный туман.

За окном светло-зелеными волнами покачиваются верхушки деревьев. Небо — ярко-синее, с аметистовым отливом по краям. С высоты двухсот метров можно разглядеть вдали бирюзовое море и ветвистую дельту впадающей в него реки. В противоположной стороне узконосый зазубренный вулкан плюется в небо порциями курчавого фиолетового дыма и зажигает на ближнем склоне рубиновую ниточку лавового потока. Солнц — два: одно — маленькое, колючее, иссиня-белое, другое — оранжевое и сочное, как спелая хурма. Двойные тени оленьими рогами разбегаются по земле, распуская неровные отростки по впадинам и трещинам грунта.

Я здесь уже бывал, тоже с Пашей, года полтора назад. Сейчас у «Альбатроса» четвертый рейс, а тогда был второй, и мы были молодыми, ничего не понимающими стажерами...

Задерживаю шторы и иду к лифту. Восемь часов — это лишь кажется, что много. Не успеешь оглянуться — снова твоя смена, снова вой и скрежет тысяч механизмов. А отдохнуть пока так и не удалось. Но... что может быть лучше прогулки по лесу? Вот именно: ничего! Поэтому я нажимаю кнопку, и кабина проваливается в бездонную шахту.

Экскаватор по самую крышу зарылся в землю, и только воронки транспортеров тянут на поверхность влажный комковатый грунт. Это — бросовая порода. Но почвенный слой невелик, скоро в ковши попадет зеленоватый рудоносный песок. Тогда-то и заработают системы орошения, сбора растворов и сорбции. Наша экспедиция, как и в прошлый раз, добывает редкие элементы — уран, силен, радий — проверенным способом: кучным выщелачиванием.

Я подхожу к опушке и останавливаюсь в удивлении. Из густой, словно шелковой травы вылезли целые семейства пухлых голубых грибов. Они шеренгами вытянулись на границе леса, не углубляясь в него, но и не выходя на солнце. Крепыши! Едва ли не в полметра высотой, один к одному. Их бы на сковородку с маслом, да кто знает, чем закончится подобный эксперимент? Что-то я их раньше не замечал...

А что вообще мы знаем о чужих планетах? Только сухие строки отчетов: цивилизации нет, растительный и животный мир представлены... А чем дышит планета? Разве об этом прочитаешь в отчете? Вот в ветвях мелькнуло что-то серебристое, так ведь без справочника и не определишь, что! Но пока справишься в толстенном талмуде, окажется, что уже поздно. Что-то серебристое взмахнуло крыльями и умчалось в небесную синеву. Использовать чужой мир проще, чем его понимать...

Грибы на ощупь замшевые, податливые. И откуда их столько вывалило?

Вхожу в лес и сразу же ощущаю настоящую на травах прохладу. Неохватные гляцевые стволы свечами поднимаются из подстилки мхов. Кверху они сужаются, разбиваясь на сотни тонких ветвей. Каждый лист окрашен в два цвета: верхняя половина — в зеленый, нижняя — в желтый. Листья играют на ветру, словно блесны в водном потоке.

По стволам деревьев взбираются розовые, похожие на змей лианы. Они одеты в красноватую чешую, кажется, еще секунда — поползут, оживая...

Стена густого подлеска расступается перед маленьким ручейком, и я, по колени забравшись в воду, протискиваюсь в темный живой коридор.

Полумрак скрывает шипы и колючки, они крошечными злыми осами впиаются в руки и шею. Я кричу на кусты сердитым голосом, но продолжаю продираться вперед.

Крупные сизые ягоды раскачиваются на тонких стеблях-пружинках. Я срываю их и горстями отправляю в рот. По справочникам, они не ядовиты.

Ручей вливается в лесное озеро. В темной, почти черной воде скользят быстрые тени.

Сверяюсь с картой и обнаруживаю, что нахожусь всего в получасе ходьбы от карьера предыдущей экспедиции. Во мне просыпается любопытство: как сейчас выглядит то место, где мы с Пашей работали полтора года назад?

Я бегу по веренице светлых полян, на ходу сбивая с лиан соцветия-погремушки.

Вот и знакомая стена золотистого кустарника. Раздвигаю ее и замираю.

Карьера нет! Нет, словно никогда и не было!

Вместо вытянутого языком провала передо мной открывается широкое, поросшее девственным разнотравьем поле. Исчезли бетонные площадки компрессорных станций, траншеи трубопроводов, граненые хребты отвалов. Непонятным образом растворились чугунные сваи и опоры. На небольшой прогалинке, словно издаваясь

над моей неосведомленностью, вытянулись три голубых гриба...

Снова достаю карту. Все верно: карьер должен быть именно здесь. Мы не засыпаем горные выработки. Зачем тратить драгоценную энергию, когда специалисты убедительно рассчитали, что за тридцать—сорок лет планета сама затянет раны, превратив провалы в красивые лесные озера?

Нет, я не испуган и даже не очень удивлен. Просто у меня появляется ощущение, что я чего-то не понимаю. Не понимаю того, что, наоборот, должен был понять с самого начала.

Пора возвращаться. Я иду к «Альбатросу» и представляю, как удивится Пашка. В свое свободное время и он, конечно, побежит в степь. Его тоже будут пьянить травяные настои, он так же будет проваливаться в норы и падать на зеленую чудо-подушку и он тоже не найдет карьера. Но это его не расстроит, как не расстроило и меня. Неопределенность пугает не всегда.

Экскаватора уже не видно. Он ушел под землю и лишь выстреливает потоками серо-зеленого песка. Бульдозеры сгребают руду в кучи, и к ним журавлиным шагом приближаются составчатые дождевальные установки. По желтым полиэтиленовым лоткам несутся мутные потоки продуктивных растворов, вливаются в цилиндры сорбционных установок. Отвалы поднялись до небес. Они дымятся, подсыхая на солнце.

Кажется, грибов стало еще больше. Они строились, словно на парад, переливаясь всеми оттенками голубого. Может быть, активность грибницы вызвана воздействием паров реагента, стелющихся над отработанными песками? Кто скажет? Может быть, так, а может, и совсем по-другому.

Во мне внезапно просыпается раздражение. Я с силой пинаю ближайший гриб и тут же жалею об этом. Боровик лопается, выпустив облако мелких сиреневых спор. Ветер бросает в лицо невесомую крупу, и я чувствую, как она проникает в легкие.

В голове что-то сдвигается. Кажется, будто полушария мозга начинают наползать друг на друга, сплющивая и сминая мозжечок. Я подношу руки ко лбу и неожиданно отрываюсь от земли. Что-то влечет меня, подталкивает, и я, как воздушный шар, поднимаюсь все выше и выше. Подо мной нет и намека на карьер. Пропали экскаватор, бульдозеры, отвалы, «Альбатрос», и только зеленое море трав призывно колышет волнами. Хочется нырнуть в него, пропустить сквозь пальцы шелковистые стебли, вобрать в себя миллионы забытых ароматов, но я продолжаю подниматься все выше и выше. Планета уменьшается, становится с блюдце, а я расту, раздуваюсь, занимая весь космос. Мне тесно во вселенной, во времени, в неисчислимых измерениях. Я не стремлюсь к бесконечности, потому что я сам бесконечность. А планета уменьшается. Она—светящаяся и голубая—уже размером с монету. И тут я обнаруживаю, что это не планета, а чье-то лицо! Оно очень большое, хотя и умещается в булавочной головке. Колпак, крупный нос и кустистые брови... Я всматриваюсь, пытаюсь вытащить его из глубин памяти, и тогда голубая точка пропадает. Сразу наваливается темнота. Я слепну, теряю ощущения и миропонимание, но все равно чувствую, что по-прежнему расту, расту, расту... И вдруг—ВЗРЫВ!!! Я лопаюсь, сдуваюсь и... оказываюсь на опушке леса.

Передо мной сморщенная оболочка гриба и

травы, присыпанная фиолетовой пудрой. Надсаженно гудит экскаватор, стальной иглой сверкает «Альбатрос». Забытье на секунду вырвало меня из реальности.

Я обхожу стороной фиолетовое пятно и бреду к «Альбатросу».

Паша сидит в кресле и почему-то ничего не кричит в микрофон. Пирамидой громоздятся нераспечатанные банки апельсинового сока. Я не успеваю и рта раскрыть: Паша поворачивается и сообщает, что залежь исчезла!

На детально изученном и опробованном участке идут пустые породы. Ни единого миллиграмма урана, радия или селена! Залежь исчезла, как по мановению волшебной палочки.

Мы прекращаем работы. Замирает клыкастый экскаватор, опадают дождевальные установки, мелеют и высыхают бассейны-отстойники.

Было невозможно ошибиться местом, но мы все же рассылаем в разные стороны роботобурильщиков. Через каждые пятьсот метров они бурят скважины и берут пробы, черными точками разбегаясь от «Альбатроса», постепенно растворяясь в желто-зеленой дымке.

Мы сидим и просто смотрим в окно. Какой смысл горячиться, строить догадки, когда заранее знаешь, что все твои гипотезы будут далеки от истины?

Щелкает динамик, и механический голос сообщает, что в радиусе десяти километров не обнаружено даже следов редких элементов.

Залежи нет, значит, не будет ни растворов, ни концентратов, ни металла. Раз нет металла, то и «Альбатросу» нечего здесь делать.

Демонтаж и загрузка техники происходят так же четко и стремительно, как и ее развертывание. Автоматы не знают сомнений; это человек шагает в космос и одновременно мучается первобытными комплексами. Стремится

избавиться от них, искореняет без разбора, не очень-то задумываясь о том, что без некоторых попросту перестанет быть человеком. В каждом из нас живет языческий божок, только у одного — с доброй улыбкой, а у другого — с клыкастой пастью...

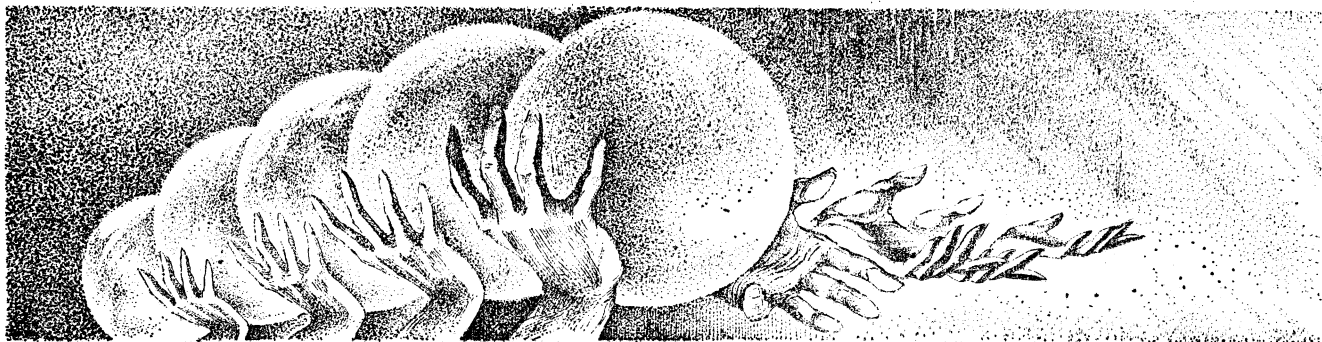
«Альбатрос» мелко дрожит и отрывается от земли. Плазма высовывает свои извивающиеся языки, толкая корабль вверх, все дальше от моря травы. Планета уменьшается, становится похожей на блюдце голубого фарфора, затем на маленькую монетку. Она уменьшается, а стальной «Альбатрос» расправляет крылья и словно растет, растет, растет...

Мне почему-то жалко расставаться с этим миром, и я принимаю к окуляру корабельной оптической системы.

Навожу резкость и отыскиваю наш карьер. Вот она, его черная рана, пустой глазницей прорезавшая кожу планеты, подтверждающая реальность происходящего.

Но, видимо, я устал. Накопился груз бессонных ночей и пахучих километров разнотравья. Он давит на сознание, будто сдвигает полушария мозга и сплющивает мозжечок. Я уношусь от планеты и вижу, как голубые грибы, выстроившись бесконечной цепочкой, идут к карьере. Уже далековато, я всматриваюсь, и мне кажется, что это вовсе не грибы, а голубые сказочные гномы. У них колпаки, добрые фиолетовые глаза, крупные носы и кустистые брови. У каждого в пухлых ладошках горсть песка. Они кидают его в черную рану и снова идут в конец цепочки.

Меня кто-то толкает. Это Паша. Он улыбается и протягивает мне платок. Видимо, я выгляжу достаточно растерянно. Паша снова улыбается и советует протереть окуляр, а заодно и руки. При работе с оптикой требуется чистота. Я смотрю на свои ладони и вижу, что они вымазаны в земле. Это странно: космос — и земля на ладонях...

ЧАС ИДЕТ

Геннадий
ДУРНАЙКИН

Сеял еще по-летнему солнечный дождь. Со склона сопки, под кедрами которой я сидел, видно море с четкими границами глубин, узкая полоска пляжа с валиком прибойного хлама — в нем так любит копаться старик. В йодистых водорослях он ищет куски отмытого матового угля. И в очаг подкладывает его руками, не запачкав их. Сырой ветер поздней осени, мечущийся по опустевшему побережью, только усилит уют одинокого жилья в отсветах вечернего пламени.

Впрочем, это не для меня. После «бабьего лета» я всегда уезжаю с побережья. А весной, уже в который раз, бросаю ихтиологические занятия, город и возвращаюсь в рыболовецкую артель. Старик остается. Он стережет кунгасы, лебедки, чинит ободренные бурями бока сараев, слушает вой заблудившихся штормов...

Что его удерживает здесь? Радость общения с природой, куда, может, входят его гурманские склонности? Последний месяц часто ужинаю у него и удивляюсь: ни одного повторенного кушанья. И все — из собранного в километровой радиусе, в море, во время отлива. Я спросил его: как можно называть себя современником нынешних дат, находясь в такой изоляции? «Ты забываешь о радио, мальчик», — он зовет меня так. И утверждает, что живет, по сути, интенсивнее многих: есть время для раздумий.

Я прихожу к нему, когда не ожидается ночной работы. Он редкий собеседник — непередаваемо немногоречив: пропустив слово или не прислушавшись к интонации, безнадежно потеряешь тему. В паузах — хотя ты и молчишь — он предполагает твои ответы и возражает или соглашается. Он достаточно пожил, чтобы определить характер и интеллект оппонента. Но я солгал бы, сказав, что прихожу к нему только для бесед — вообще-то занимательных. Нет.

Однажды он оставил меня одного в своей большой бревенчатой комнате, сплошь увешанной рыболовными и охотничьими снастями. Невольно я подошел к полке с книгами и стал просматривать их. Вдруг выпала картонная папка, вставленная среди книг, и рассыпалось с десяток фотографий большого формата.

Это были отлично исполненные снимки знаменитых женщин мира. Торопясь спрятать маленькую слабость отшельника, я стал подбирать

их и невольно остановился на последнем. Улавливалось необычное: девушка с веслом в руке и лицом Нефертити.

Вот это монтаж, подумал я, разглядывая стройные ножки царицы.

Нет, не то. Просто похожа. Но... слишком похожа! Я быстро разложил все снимки: передо мной или высокое ремесленничество, или явление загадочное. Я несведущ в фотографии, но легко было представить, какую работу пришлось проделать для столь безупречной фальсификации. Рядом с Нефертити ожившая Джоконда, Даниэль Дарье, Марина Влади, неизвестные мне другие красавицы. Все сняты в движении, не позирующими, в разном освещении, но с неизменной деталью пейзажа — рекой. Мне запомнился кусок берега, на всех снимках один и тот же. Я знал его — в двух километрах от хижины старика.

Насколько я мог заметить в то короткое время, одной и той же была и фигура. Если отбросить фальсификацию, то остается грим, выполненный на уровне шедевра. Нет, слишком натуралистично. Значит... Нет, пока еще ничего не значит: проще обратиться к старику. Но его нет.

Дождь перестал, дунул ветер, солнце высушило крылья кузнечикам, и они вновь затаили свои осенние хоры. Нетерпеливо спускаюсь по зарослям тысячелистника к реке — проверить пришедшую мысль.

Да. Река в месте, где были сделаны снимки, неглубокая — легко перейти вброд. Килевая лодка здесь не пройдет — нужно перетаскивать. Недалеко от отмели в тонком местном бамбуке нахожу скрадок: чисто вырубленный «пяточок» со связанными в верхушках бамбучинами — удобный шалаш, чтобы просидеть ночь и пострелять на рассвете гусей. Валяется рогатина, годная и под ружейную подставку, и как штатив для фотоаппарата.

Я прилег на охапку мха, лежавшую в шалаше, окруженный сумятицей светотеней этого иллюзорного шуршащего укрытия. Не лучше ли возвратиться домой, на косу, и заняться работой? Можно разрушить тайну, которая для постороннего только издали кажется важной, и сожалеть потом. Да, но пока-то я не совершил ничего предосудительного. И правильно сделал. Заки-

майся избранным и порученным тебе делом: продли жизнь лососям.

Весь следующий день, препарировав рыб, был занят захватившей меня загадкой. Я знал, что бросить ее — это вычеркнуть оставшиеся дни на бесплодные домыслы. Работал до полуночи, задабривая совесть: утром решил идти к старику.

Дома его снова не застал. Он пришел около десяти, уставший, с тяжелой сумкой. И получилось так, что я не спросил у него ничего.

Я шел по берегу, по упругому песку отлива, мимо гвалта детских голосов чаек, сулящих шторм и вынужденное безделье, радовался этому прогнозу, принятому решению. Стучало сердцу. Я торопился. Слева — еще полное прозрачности, стеклянно накатывающееся на берег море, справа — красноватые отвесные скалы в белых полосах птичьих следов. Короткокрылые топорки устрашающе пронеслись над головой, неся огромные красные клювы.

Приближение шторма вскоре стало заметно: похолодало, пошла мелкая рябь, ветер то начал дуть, то спадал до минимума. Я заспешил, меня все более захватывал предстоящий поиск.

С вечера приготовив рюкзак, лег с намерением встать рано. Но спать не пришлось. Шторм нарастал, хотя небо было высоким и звездным. Ущербная луна висела над полощущимися на ветру палатками, как над кочевьем.

Вышел за час до восхода солнца. Небо по-прежнему было чисто. Шел верхом, краткий прибрежный путь перемывали и колотили волны. По дороге хватал понемногу лимонник, а позавтракал уже на месте, на другом берегу от старикова скрадка. Позавтракав, неожиданно заснул.

Проснулся от новых звуков. Когда ждешь — просыпаешься. У меня не было фотокамеры, у меня был бинокль.

Как я и предполагал, шлюпку нужно было перетаскивать. Она возвращалась от моря — против течения, была небольшой, ярко-белой. Подвесной моторчик поднят.

Шлюпку, вся напрягшись, подталкивала женщина в шортах и свободной белой блузке. Я был подготовлен, но явление удивляло: заполняя окуляры бинокля, мне и миру улыбалась Эдит Пиаф.

Шлюпка наконец вышла на глубокую воду, ее прибило к камням, женщина забралась в нее и запустила мотор.

Какое-то время я смотрел, как удаляется моя тайна — а может, и не только моя. Потом спрыгнул к реке и по мелководью берега молча побежал за шлюпкой.

Я начал догонять ее, идущую против течения. Ветер дул в спину, и женщина обернулась. Смотрела она с недоумением, но без испуга. Даже приглашающе махнула рукой, одновременно прибавив скорости. Я тоже надбавил, у меня еще был запас сил. Женщина пригладила волосы, рассмеялась и до предела увеличила обороты. Движок у нее был не ахти, но достаточно резв. Я не отставал, на мне уже не было ботинок, в азарте погони сбросил кое-что и из верхней одежды — мокрой, стесняющей движения. Бежал, ни о чем, кроме длительности пути, не думая, изредка взглядывая на лидера. Веселость у нее сменилась неопределенностью: от куда он, зачем и надолго ли? Похоже, она заволновалась. Вскоре я понял, почему: впереди шумел мелкий участок. Шлюпка врзалась, накренилась, мотор заглох, женщина выпрыгнула из нее и побежала впереди меня.

Движения у нее были рассчитанные и легкие, а мои мышцы уже безволила усталость. Нечего было и думать о том, чтобы догнать ее. Да и зачем, собственно? Своей тайны она мне все равно не открывает — в этой-то достаточно нелепой ситуации...

Я остановился, вернулся к шлюпке и, взяв лежавший в ней брезент, лег на берегу.

Когда открыл глаза, то увидел звезды. Вид ночного неба в одиночестве нес мир. Было прохладно, и поверх брезента я нагреб слой песка — дневное тепло.

Мне не в чем упрекнуть себя. Эта странная женщина... Я дождусь ее, появившись она хоть через неделю. Но ждать пришлось недолго. Видимо, шлюпка ей постоянно нужна, и она пришла. Пришла так тихо, что я услышал уже запущенный двигатель — по течению быстро удалялось белое пятно.

Ее дорога — река. Нужно идти, где-то же она обитает... Завернувшись в брезент, я шел по настороженным заводям, навстречу блюдцам зарождающегося тумана. Потом взойшло солнце, и я согрел себя бегом.

Было около трех часов дня, когда я увидел укрытие для шлюпки, вырванное у берега взрывом. Отсюда поднималась вверх, к лиственницам неплотная тропинка. За деревьями виднелась поляна и там — совершенно необычное для этих мест здание: двухэтажный каменный дом с высокими окнами.

Дом и примыкающий к нему запущенный яблоневый сад окружала проволочная ограда с арочными раскрытыми воротами. Бронзовая доска извещала: «Приморская сейсмическая станция».

Столбики ограды были из полированного

цветного гранита. В глуши — такое расточительство? Я возвратился к входу. Опоры и арка высечены из одного монолита. В доме тишина и неподвижность.

Легкие шаги я услышал, когда она была уже рядом. На миг остановилась, потом подошла и заговорила:

— Это вы?.. Вы бежали вчера — так молча бегут волки. Я думала, вы готовите меня съесть. А оказались стеснительным... Заходите.

Мы вошли в дом, в обилие дорогого, отделанного камня — порфир и мрамор. Женщина провела меня на кухню, поставила консервы, сухари и сказала:

— Ешьте, что есть, старик не пришел.

Не рассуждая особо, я принялся за еду.

Потом она пришла за мной, и мы поднялись по широкой лестнице, прошли в зал, сели за столик у окна. Она налила грушевого соку в высокие тонкие стаканы.

Дом стоял на вершине пологой сопки, и из окна была видна вся долина с петляющей рекой, вытянутое закатное солнце над гигантской огненной чашей океана. Внизу, в черничных кустах между лиственницами, уже поселилась вечерняя мгла, дышала чутким звериным покоем и свежестью. Тишина была такой прозрачной, что я слышал реку.

Женщина была уже другой, может, это вечернее солнце и тени изменили ее? Глаза удлинились, лицо стало тоньше.

— Мне не ясно еще, зачем ты пришел сюда? — прерывая молчание, сказала она. — Уже четвертый год я одна. Мой муж умер, едва доведя до конца свою работу. Он родоначальник практической астрономии и первооткрыватель новой материальной эпохи человечества. А я — житель номер два. И никак не могу привыкнуть к этому счастью, так оно ново и так остро.

— Он был стар?

— И да и нет, трудно сказать. Известен день его рождения. И дата смерти. Я покажу его фотографии.

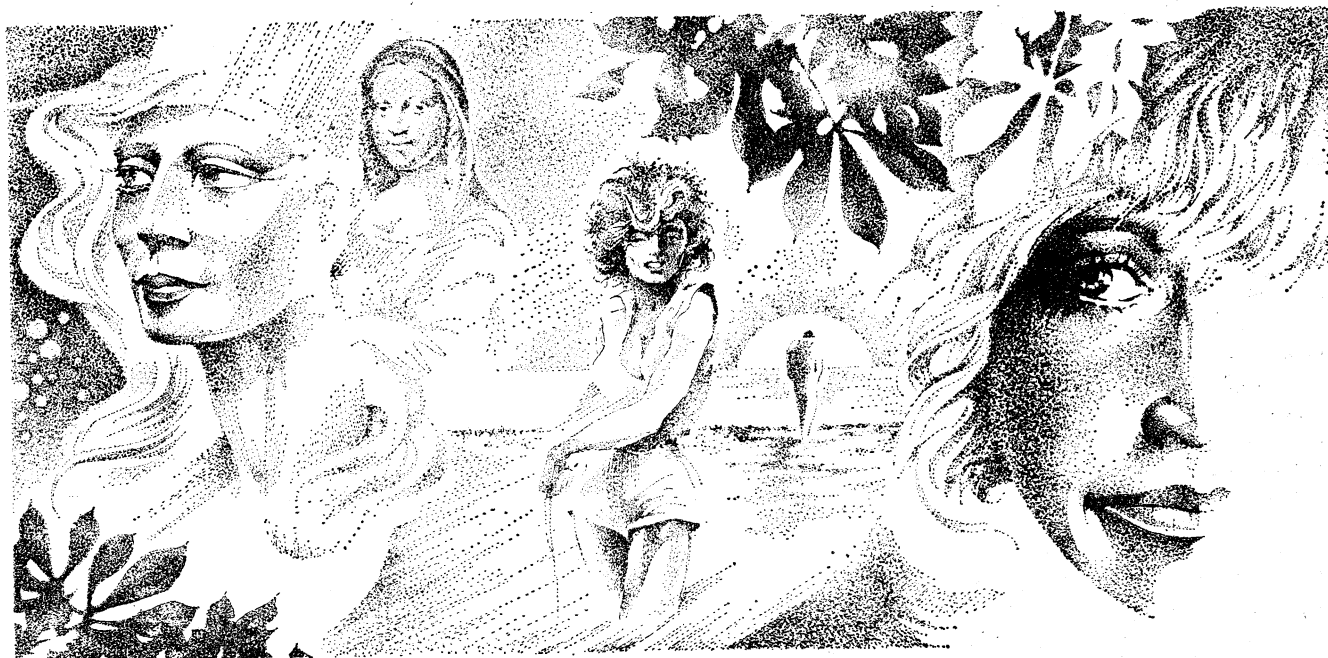
— Люди заняты совершенствованием нынешней жизни, а ты обещаешь новую эпоху...

— Люди не минуют ее! Она неотвратима. Завтра я все расскажу тебе, а теперь отдыхай.

Оставшись один в угловой комнате наверху, я заснул под шорохи первого в этом году настоящего осеннего ветра, сухого и прохладного: он пронизывал чащи, пробуя на прочность листья и травы.

Когда я проснулся, потолок был занят немой пляской золотистых теней, вломившихся в проемы окон. Поднявшись и выглянув в сад, я увидел множество рефлекторов, компактными группами установленных среди деревьев. Их почти нестерпимый блеск, обжигая, вселял бодрость.

Я вышел и в двери столкнулся с юной девушкой: льняные волосы, прямые, очень густые и длинные, невесомо лежат на платье из кру-

жев, припухшие губы на худом лице с бледно-голубыми глазами, хрупкие пальцы протянутых ко мне рук.

— Здравствуй, сегодня я незнакомка! Мне нравится быть женщиной своего воображения.

— Это... ты? — с усилием заговорил я с нею.

— Тебе неприятно? Я хотела сделать тебе подарок, украсив себя... Пойдем в лес, к реке. Осенью она теплая. Я расскажу о своих превращениях. Возможно, скоро они надоедят мне и станут доступны многим. А пока они — моя жизнь, оставленная тем, кому я верила, когда над ним смеялись.

— Ты обещала показать мне его.

— Его фотографии? Они со мной.

Мы вышли, прошли по саду, где я набрал яблок в полу рубашки. Спустились к реке, к завалу из деревьев, принесенных паводком и отбеленных солнцем, и удобно устроились на стволах. Мыли яблоки в бегущей под ногами воде. Они были хрустящими и ломкими.

— Я хочу плакать — жаль последних лет, — сказала она, улыбаясь. — Не обращай внимания... Вот он, смотри.

С фотографии глядело лицо мужчины около пятидесяти, упрямое и чуть скорбное.

— Здесь он в пору самого плодотворного своего периода. Он получил доказательства самонарачивания комет из творческого ничто Вселенной и сделал об этом доклад в астрономическом обществе. Приверженец теории расширяющейся — при стабильной плотности — Вселенной, он говорил, что его работа — отмычка к предпоследней двери тайны творения. Провозглашая бесконечность времени и пространства, говорил он, мы упускаем в этой связи характеристику материи: бесконечна ли она? Да, отвечают, бесконечна. Спрашивается: в каком она движении — в прямом или обратном? Сжимается или расширяется мир? Его состояние, отвечают, меняется участками, Вселенная пульсирует в последовательности: сжатие, взрыв с продолжительной эволюцией, где возможна органическая жизнь, и опять сжатие. Но такая законченность — это лезть собственной ограниченности! Нет, говорил он, я экспериментально утверждаю — акт творения непрерывен, он следует за временем однозначным движением. И отбросив мистику, надо изучать творца — ничто, вакуум. Тайну тайн... Плохо, возможно, что не был он, как все, не стремился к публичным откровениям. Для удовлетворения честолюбия ему достаточно было получаса внутреннего торжества. Много лет назад он материализовал свою теорию триумфально-прикладным образом — постройкой, а вернее, созданием нашего

дома: ни разу не ударив молотком и не шевельнув лопатой. Ему бы тогда же открыться своим друзьям и противникам, но нет, из скромности или эгоизма он умер в безвестности. Я не определила всего в нем, потому что мы редко виделись вот так рядом. Он все время работал, работал. Я подозреваю: у него были возможности жить вечно, но из-за занятости он отложил их разработку, а смерть стерегла его. Я бы тоже умерла, да в доме был третий. Сейчас он старик, живет на побережье. Он ушел в день похорон. Я и теперь езжу к нему за обедами... А вот эта фотография мужа сделана, когда он только обосновался здесь, выпросил разрешение построить сейсмическую станцию и навсегда исчез для всех своих знакомых.

Снимок запечатлел счастливого старого человека в одежде лесного бродяги.

— Он установил здесь свои еще вручную сделанные приспособления и стал улавливать самозарождающуюся материю мира, те неопределенные первозданные частицы, которые преобразуются в элементарные, только пройдя структурную решетку направляющей молекулы. Если, например, он клал в выходной растроб, соединенный с рефлекторами приема, микро-распилы мрамора, то мог возводить мраморные стены. Ты же видел наш дом. Потом он создал аппарат для получения органоенов, а затем и агрегат космологической органоластики — лишь он остается до сих пор в рабочем состоянии... Работы мужа кладут конец экономическим проблемам мира. Он сожалел только, что его метод легок и прост, а поэтому опасен в руках незрелых личностей... Вот на этой фотографии он — в год, когда мы начали жить вместе. Он в совершенстве овладел операцией внешних превращений.

Я увидел искрящегося в широкой улыбке юношу.

— А таким он любил быть, когда закрывался в кабинете на несколько недель.

Глубокий старик, подавшийся из кресла к объективу: крупный нос, загнутый к впалому рту, оставшийся все-таки волевым лемех подбородка, обвисшая кожа, молодцы только в венцах морщинок глаза, исполосован складками лоб, грудь запахнута меховым халатом, который удерживает деформированная рука столетнего земледельца...

Я вполуха слушал ее дальнейший лепет о долгих зимних ночах, сливающихся с серыми днями, в течение которых можно несколько раз встретиться с разными обликом людьми. У меня не было желаний спрашивать ни сколько ей лет, ни подробности техники превращений.

Свершилось! Появилась возможность начать путь без поглощающего энергию и жизнь ярма ненужных благ, ценность которых — только в малодоступности...

— Смотри, кумжа,— крикнула она.

Внизу у дна метнулись в тень два радужных бока лососей.

— Давай ловить их острой, ладно? Я потушу их...

Остаток дня я сбивал плот, сделал две остроги, заготовил дров для костра, смолья для факела, лист металла.

К реке она пришла уже красным вечером — шоколадной, в браслетах, негритянской. Смеясь, оттолкнула плот, а когда нас вынесло на середину реки, где почти не было течения между двумя галечными наносами, мы бросили якорь — обвязанные камни.

Она любила всяческие удовольствия, постоянно желала их и, видимо, жила ими. Первые рыбины она изжарила на углях, завернутыми в пергамент вместе с очищенными кедровыми орешками и листочками полыни.

Потом, когда я устал и рыбы было много, порывом ветра снесло в воду наш костер. Нам было тепло в шумящей лесом ночи на вздрагивающем плоту, который водило течением.

— Посмотри на меня,— шептала она,— ты поймешь, что фраза: все тлен, все прах — обманна. Вон и там, в сонмищах мерцающих миров, возможен наш дом. Милый, люби меня и сделай гибким свой разум, за зиму ты должен освоить лабораторию...

В свежем воздухе осени, кружась, как разноцветные листья, прошло несколько дней, не нарушаемых ничем, кроме мыслей. Но мысли, как жертвы, гасли в безмятежных вечерах, бесконечных ночах с ароматной истомой таежных полян и редколесья, в утрах — праздничных все новыми обликами хозяйки дома, в ветреных сол-

нечных днях. Знакомство с приборами ее превращений не пошло еще далее восторгов.

Было решено, что нам в этой глуши на зиму нужны кое-какие припасы. Я сел в шлюпку и спустился к побережью. В бригаде, на удивление, никто не беспокоился о моем отсутствии: «Старик сказал, что ты в гостях». Я сразу же отправился к нему. Он, насвистывая, строгал долбленку.

— Здравствуй, старик.

— Здравствуй, мальчик. Голоден?

— Да, но сначала ответь. Почему ты ушел от нее и вообще из того дома?

— Видишь ли, такие вещи каждый понимает по-своему: я не меняю счастья оставаться самим собой. Та, у кого ты был, не моложе меня, а ее муж был много старше, но они дети. Останься я там на год, она бы втянула и меня в их игру. Я люблюсь ею издали: она прекрасна и, запомни, имеет на это право — пока ей будет угодно. Это ее заслуга, что он развил свои случайные мысли до такого открытия...

— Я пойду, старик, можно?

— Ты смущаешь меня. Конечно, можно, иди, только не торопись с выводами.

В тот же вечер я был у нее. Комнаты дома в мерцании свечей и заполнены музыкой. В строгом рисунке звучал блюз Равеля. Двери закрыты. Я позвонил. Вышла она.

— Ты приехал? Вот и хорошо, сегодня музыкальный вечер. Заходи быстрей!

— Нет, я послушаю с улицы, иди.

— Дверь открыта.

— Да, спасибо.

Я отошел от дома, чтобы видеть окна, весь в грустной власти блюза, хотя уже необычайно высокий женский голос пел «Горные вершины».

Я спустился к морю. Нет, мой час еще не пришел...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Заметки о фантастике молодых авторов

Роман АРБИТМАН

Розовощекие космонавты мужественно высаживались на очередную серо-буро-малиновую планету... Карикатурных — и оттого совсем не страшных — империалистов опять обводил вокруг пальца гениальный и прогрессивный изобретатель... Путешественник во времени героически отправлялся в прошлое, чтобы подарить Колумбу современную карту полушарий...

— Надоело! — возмущался читатель фантастики конца 70-х и отбрасывал в сторону книжку в яркой обложке.

— Надоело! — бормотал критик и писал статью о кризисе НФ.

Во второй половине семидесятых о кризисе фантастики, «беге на месте» говорили и писали особенно часто. Основания к тому имелись: все мыслимые идеи и сюжеты казались исчерпанными, поток облегченной, вторичной фантастики, просто литературного брака рос с угрожающей быстротой. Было от чего прийти в отчаяние! Кир Булычев в то время, отвечая на анкету «Уральского следопыта» (1979, № 9), с горечью замечал: «Я пессимистичен в отношении завтрашнего дня нашей фантастики... талантливые ребята не идут в фантастику — это работа трудная и неблагодарная...»

Не идут?... Последующие годы показали, что автор «Чудес в Гусяре», к счастью, ошибался в своих прогнозах. Невзирая на извечное пренебрежение издателей к этой «несерьезной» литературе, на предвзятость их рецензентов, невзирая, наконец, на недоверие самих читателей, приученных к среднему уровню дебютов в НФ, — талантливая молодежь упорно шла в фантастику. Будем откровенны: издатели в большинстве случаев нерасторопны. Пока лишь единицы из даровитых молодых авторов имеют собственные книги, а имена остальных мы встретим только в периодике, альманахах, сборниках. Одна, две, десятка публикаций... Да полно, могут ли они что-либо определить в фантастике сегодня, когда только книг (самого разного качества) в год выходит до полусотни?

Оказывается, могут. Утверждение своего взгляда на НФ, полемика с предшественниками — без боязни «изобрести велосипед», попытки (и безуспешные) искать в привычных темах новые ракурсы — вот что отличает сегодня произведение многих молодых авторов. Одни их вещи уже теперь становятся, безусловно, заметным явлением в фантастике 80-х, о других хочется спорить и далеко не со всем можно соглашаться. Однако и находки, и просчеты, и даже явные неудачи молодых фантастов показательно. Их голос в литературе пока еще не так громок, но интонацию порой уже не спутаешь ни с какой иной.

Из множества произведений, на тему охраны природы — тему, которая год от года, к сожалению, становится все актуальнее, — вдруг выделяется рассказ Бориса Руденко «Охота по лицензиям» («НФ», вып. 29, М., 1984). На одной из планет туристы с Земли получают разрешение на отстрел нескольких экзотических зверьков — монсов. Ни тем, что легкомысленно выдал лицензию, ни тем, кто ею воспользовался, невдомек, что, убивая монсов, охотники одновременно лишают жизни и единственного разумного обитателя этой планеты. Разум взывает о милосердии, но люди не слышат: они прибыли сюда раз-

велься, никакие иные проблемы их не трогают. А совесть, сострадание? Ну, об этом можно будет умно потолковать после удачной охоты... Привычная уже форма «экологического» рассказа неожиданно наполняется новым, общечеловеческим содержанием. Не только о трагедии монсов здесь — прежде всего о людях, о последствиях их нравственной глухоты. Убийство — спорт, убийство — забава, убийство ради развлечения... В пылу охотничьего азарта оскудевает человечность в самих людях, и это уже невосполнимо — вот что более всего должно тревожить и нас с вами.

Да, бездуховность оказалась оборотной стороной сытости, и проблема «хищных вещей» стала не менее важной, чем проблема сохранения окружающей среды. Самито по себе вещи, конечно, не опасны, опасность возникает тогда, когда их приобретение становится единственной целью жизни.

Многим из нас, увы, знакома фигура книжного спекулянта — нередко молодого энергичного человека, ярко красноречивого, «почем» сегодня Бальмонт или Маркес, Ахматова или Булгаков. Алан Кубатиев в рассказе «Книгопродавец» (сборник «Снежный Август», Новосибирск, 1985) ставит своеобразный эксперимент, сталкивая «бизнесмена» Крынкина с гостем из прошлого — русским философом XIX века, автором книги о грядущем человечестве братстве. Сопоставлены две психологии: потребителя и убежденного бесребреника, для которого даже «глагол «торговать» к книгам не применим». Эта встреча лишь на мгновение вносит сумятицу в мысли «книгопродавца»: видение эlegantного плоского магнитфона возвращает Крынкина в привычную колею, в его устоявшийся беззаботный мирок. Вот так бы, мечтают крынкины, отгородившись от тревог и волнений, жить «полноценной разумной жизнью»!.. В повести Людмилы Синецкой «Пробный ящик» (авт. сборник «Две фантастические повести», Душанбе, 1983) молодые люди, наши современники, попадают в Черную дыру. Эта Черная дыра — не из тех, что вот уже не одно десятилетие не дают покоя астрофизикам, она на Земле, этаким пространственно-временной колодец со всеми удобствами. Здесь бесхлопотно, можно вести необременительные разговоры, рассматривать диковинки. Здесь не волнуют проблемы «большого мира», но и вернуться обратно — к родным, друзьям, работе — уже нельзя. Черная дыра — емкий символ «уютного пристанища плюшкиных чувств, вещей, идей» — крепко держит свою добычу. Ведь люди не всегда замечают, как в гонке за жизненными благами суживается их горизонт, а стремление обладать, не прилагая к достижению цели особого труда, даже мечты делает до отращения конкретными.

Устремленные в бесконечность склады, заполненные дефицитным барахлом, каждую ночь преследуют во снах героя рассказа Игоря Пидоренко «Все вещи мира» («НФ», вып. 27, М., 1982). И вот — чудо: навязчивые сны материализуются. Ты хотел эти вещи — на, получай их! А что дальше? Безымянный персонаж рассказа оканчивает свои дни среди стеллажей чудесного склада, не в силах уже вырваться из тисков порождения собственной фантазии... Вещизм более чем небезобиден, он разъедает душу не одному приобретателю, но и всем, кто попадает в орбиту

его шкурных интересов. В повестях «Игоряша Золотая рыбка» Виталия Бабенко («Литературная учеба», 1985, № 6) и «Семь разговоров в Атлантиде» Михаила Успенского («Енисей», 1986, № 4) остроумно переосмыслены, доведены до гротеска известные литературные сюжеты. Игоряша, «посредственный специалист с дипломом о высшем образовании, представитель широких масс нечитающей, но любящей книгу публики», заполучив во владение золотую рыбку инопланетного производства, начинает с грандиозной жратвы, а затем стремится «потребить» не только блага материальные, но и духовные — уважение, талант, дружбу. И потому в завершение этой истории «у разбитого корыта» остается не он один, но и люди в общем-то неплохие, чье расположение и внимание он начал тихонько покупать.

В руки атлантам М. Успенского попадает другой чудесный дар — волшебное слово. Солнце им, правда, не останешься, но все остальное сделать можно. Картина происходящего в повести вырисовывается без единой авторской ремарки — в диалогах персонажей. Но авторский сарказм по отношению к закрывшимся обладателям «слова» — очевиден. Ремесла в Атлантиде оказываются ни к чему, грамота не нужна, овец разводить или рыбу ловить — тоже незачем. Отвыкшие трудиться, забывшие собственные имена (чтобы сосед соседа не мог, назвав, отправить куда подальше или в букашку превратить), атланты вырождаются в самодовольных потребителей всего, до чего только может дотянуться их убогое воображение. В финале закономерна геологическая катастрофа: жители острова, запасаясь впрок дефицитным льдом, превращают Атлантиду... в Антарктиду!

Такие разные по сюжетам, зачастую необычные по построению повести и рассказы молодых авторов едины в главном — в активном неприятии делячества и равнодушия, пошлости и потребительского отношения к культуре, чиновничьего скудоумия и обывательского самодовольства. В который раз они побуждают каждого читателя осмыслить свою жизнь, оценить свои поступки, задуматься...

— Позвольте, а мы-то здесь при чем? — пожмет плечами иной из вас. — Это ведь не про нас написано. Про мечан!..

Но давайте-ка заглянем себе в душу: всегда ли мы делаем добро бескорыстно, без расчета, что нам воздастся сторицей? Всегда ли мы можем побороть искушение, когда в нашу жизнь даже не Мефистофелем, а мелким бесом влезает незаработанный, полученный даром рубль, подзуживая: «Возьми! Ты-то заслужил...»? Всегда ли хватает сил отказать? Павел Арсентьевич Черепнин из рассказа Михаила Веллера «Кошелек» (авт. сборник «Хочу быть дворником», Таллин, 1983), добрейшей души человек, альтруист, каких поискать, не выдерживает испытания, когда сказочный Кошелек принимает щедро отмеривать червонцы за каждый совершенный им хороший, благородный поступок. Писатель устраивает герою жестокий, но необходимый экзамен, выясняя истинную цену доброты, благородства, бескорыстия.

«Кошелек» М. Веллера создан в том жанре НФ литературы, особенно популярном, как видим, у молодых авторов 80-х, где появление необычайного, невероятного — прежде всего условный прием, средство, позволяющее по-новому взглянуть на привычные ситуации. Читателя, воспитанного лишь на одной — «научно-технической» — разновидности НФ, такая фантастика может озадачить, даже вызвать раздражение. Зато те, кто знаком с книгами Гоголя и Салтыкова-Щедрина, Вельмана и В. Одовского, с «Графом Калиостро» А. Толстого, со «Звездой Соломона» Куприна, с бессмертным «Мастером и Маргаритой» Булгакова, охотно примут в литературном произведении и небывальщину, и нарочитый аллюзивизм, и

черта с рогами — если все это необходимо автору для решения художественной задачи. Едва ли правомерно вводить такие произведения на обочину фантастики, усматривать в них по старой недоброй традиции безответственную игру ума либо опасное нагромождение фантазматических. Авторы ведь и не думают убеждать нас в том, например, что в бетонных коробках законсервированных строек может и вправду завестись «нечистая сила», что статуя может сбежать от делега-скульптора, что путешествовать в прошлое можно при помощи сахарной пудры: сказки, притчи, сатирические гиперболы у молодых фантастов, как правило, социально значимы и имеют «точки пересечения» с реальной жизнью. И тогда невероятные происшествия, окрашенные иронией и сарказмом, воспринимаются как справедливое возмездие «кипучим бездельникам» от строительства (рассказ «Строительный» Любови и Евгения Лукиных — «Наука и религия», 1985, № 12), творцу, профанирующему свое искусство (рассказ «Галатей» Бориса Штерна — «Химия и жизнь», 1986, № 4), бюрократу, сообразующему свои поступки с раз и навсегда вытверженными инструкциями (рассказ «Настоящим направляю вам заявку» Николая Блохина — «Химия и жизнь», 1985, № 1). Мы смеемся, а смеясь, как говорил Маркс, нам легче расставаться со своим прошлым. С тем, что нам сейчас мешает жить.

Сказочная фантастика может быть не только едкой и саркастичной, она может быть проникнута добрым юмором — как, скажем, в новеллах «Саги о Тимофееве» Евгения Филенко, построенной на основе богатого студенческого фольклора («Уральский следопыт», 1983, № 6; «Студенческий меридиан», 1984, № 1 и др.). Круговорот событий, в который попадает Виктор Тимофеев с друзьями, описан ярко, изобретательно, с выдумкой. Чего стоят хотя бы картины институтского общежития, где вдруг перестали действовать законы физики, или приключения героя, вполне серьезно пообещавшего своей любимой звезду с неба! «Сага...» создана в традициях «оптимистической» сказки, где неунывающие персонажи решают все проблемы шутя и играя не потому, что проблемы упрощены, а просто потому, что всемогущи герои, окрыленные своей молодостью.

В то же время в формах сказочной фантастики могут существовать и трагедии — когда «чудо» грозит обернуться болью, смертью, бедой. Брек Линар из «Подарков Семиландии» Бориса Руденко («Химия и жизнь», 1985, № 6), решивший всю свою жизнь, до самой последней крошечки, отдать людям, своей смертью облегчить чью-то муку, совсем не похож на хладнокровного «вакоро», грабителя могил, способного зубами вырвать у судьбы богатство и удачу, не пожалеть никого (рассказ Людмилы Козинец «Я иду!» — в сборнике «Фантастика-85»). Как положено в сказке, пусть даже и грустной, злу и смерти не одержать победы над добром. Благодаря участию людей, которым Брек Линар даровал исцеление, он сам возвращается к жизни. А хищник «вакоро» не в силах воспользоваться даром, украденным у старого индейца: чудо происходит здесь, лишь когда желаешь счастья другим, а не себе. Сергей Иванов, отправляя своего героя в некую запретную зону, описанную с жутковатыми подробностями («Дорога в один конец» — «Наука и техника», 1985, № 10—12, 1986, № 1), в финале выводит традиционный, казалось бы, НФ рассказ на новый виток, к откровенной притче. Страшное место, пугающее и убивающее людей, — всего лишь порождение чудовищных человеческих страхов. Мысль С. Иванова предельно обнажена: пока люди не перестанут спешно возводить перед всем непознанным барьеры из страха и ненависти, они неизбежно будут становиться жертвами собственных «фобий». Удачно оттеняют центральную идею притчи динамичный, острый сюжет, умелое использование законов детектива.

Фантастический детектив — жанр вообще очень популярный, один из самых притягательных для начинающих авторов. И, если хотите, самый опасный. В мельтешении приключенческого сюжета легче всего образ подменить маской, характер — штампом, конфликт — перестрелкой, а вместо решения проблемы водрузить «хэппи энд». Читатель разочаруется, обнаружив пустышку, но произведение-то уже прочитано.

Вот и повести «Мечта Пандоры» Андрея Столярова («Аврора», 1986, № 2—3) и «Дети тумана» Александра Бушкова («Урал», 1986, № 8) не рекомендуются читать медленно и вдумчиво. Иначе сразу сообразишь, что едва ли стоит симпатизировать суперагенту-недотепе Павлу, разоблачаемому каждым, кому не лень («Мечта Пандоры»), или не в меру прыткому ковбою — журналисту Константину Савину, сменившему кинокамеру на полицейский кольт («Дети тумана»), — не заслуживают герои этих симпатий. Увидишь, что стилистика несамостоятельна, да и фантастические идеи обеих повестей, мягко говоря, не отличаются новизной. Что фигуры ученых в произведениях — образцовая дань бульварной фантастике: профессор-маньяк, придумавший в тиши кабинета ужасную каверзу для человечества (Нейштадт у А. Столярова), и профессор-лопух, чья гениальность в науке перекрывается полным житейским идиотизмом (физик Гралев у А. Бушкова). Что детективная интрига построена только на случайных встречах, совпадениях, озарениях и т. п. — при нулевой работе мысли самих героев. Все это сводит логику сюжета к логике заурядного вестерна, где, как известно, побеждает не тот, что прав, а тот, кто выстрелит первым.

На последних страницах «Правил игры без правил» Эдуарда Геворкяна («НФ», вып. 28, М., 1983) — повести тоже остросюжетной, с напряженным действием — опять-таки звучат автоматные очереди, льется кровь... Но здесь перед нами настоящая, нешуточная трагедия. Главный герой, инспектор полиции, застрелил, обороняясь, не просто отъявленных головорезов — убиты совсем юные существа, почти дети. Не с Марса, не из туманности Андромеды они залетели, это земные подростки, завербованные в своего рода «киностранный легион» для «цивилизаторства» на других планетах и обученные опытными инструкторами в спецшколах («просто к оружию убивать»). И инспектор, в начале повести в меру честный, в меру порядочный и, в общем, самый обыкновенный чиновник, вдруг осознает и свою ответственность: за то, что мир несправедлив, за то, что жестокость стала нормой, за то, что детские души расчетливо калечат в спецшколах. Да, он не участвовал в этих делах, но ведь и не мешал, просто стоял в стороне. Только теперь он понимает, что обязан вмешаться в эту «игру без правил» — чего бы это ему ни стоило...

Тема ответственности людей за будущее всего человечества объединяет антивоенные произведения молодых фантастов. В рассказе Владимира Покровского «Самая последняя в мире война» («Химия и жизнь», 1984, № 5) изображен горький и парадоксальный итог бессмысленной гонки за «абсолютным оружием»: созданные учеными разумные бомбы оказываются гуманнее, «человечнее» своих создателей и не желают участвовать в тотальном уничтожении. Вячеслав Рыбаков в повести «Первый день спасения» («Даугава», 1986, № 10—12) рисует страшный в своем правдоподобии облик планеты после всеистребляющей ядерной катастрофы.

— А стоит ли нас пугать ядерными и прочими ужасами? — снова спросит недоверчивый читатель. — И нужна ли нам вообще фантастика предупреждения — слишком уж ее неуютно читать?

Да, нужна такая литература, она и должна быть неуютной, тревожащей: только так она вернее бьет по бес-

печности, инерции, легкомысленному «все обойдется», по такому понятному, но гибельному в наши дни желанию переложить ответственность на чужие плечи, по оптимизму, не подкрепленному реальными фактами действительности. Бодрячество, не имеющее ничего общего с историческим оптимизмом, проникает и в фантастику. Вспомним, сколько раз нам приходилось читать радужные утопии о светлом будущем, сам же путь к этому будущему тщательно скрывался где-то за кадром. Двадцатый век продолжал оставаться противоречивым — экологические, атомные и другие «больные» проблемы с повестки дня не снимались, но вот век XXI неожиданно оказывался безоблачным раем, словно на рубеже столетий притаился какой-то добрый волшебник. Повесть Виталия Бабенко «Встреча» («Химия и жизнь», 1986, № 5—8) — нечастая в нашей фантастике удачная попытка представить как раз тот переходный период (писатель отнес его к середине 90-х годов нашего века), когда сам процесс разрядки — нелегкий, мучительный, чреватый многими сложностями и все-таки жизненно необходимый для всех — начинает воплощаться в реальность. Вполне уместен в повести и приключенческий сюжет (расшифровка криптограммы, поединок главного героя, эксперта Комитета по разоружению, с одним из тех, кто хотел бы повернуть историю вспять), поскольку автор не обольщается: первые шаги к миру будут самыми трудными. Но их обязательно надо будет пройти.

Как видим, фантастике не противопоказаны ни притча, ни сказка, ни сатирический гротеск, ни остросюжетный детектив, если в них звучит неравнодушие к жизненно важному в современной действительности.

Разумеется, было бы наивным полагать, что молодость автора — уже гарантия свежего взгляда, нетривиальности идей и т. п. Нет, пока еще не думают пропадать с литературного горизонта пресловутые розовощекие покорители-космонавты, немало еще пишется и благополучно издается бойких середнячков-детективов, редакторами еще предпочитают привычно серые, беспроблемные, но «спокойные» произведения.

Однако лицо фантастики 80-х все-таки определяют уже не они.

Спрашивают — отвечает...

В апрельском номере на вопросы читателей «Уральского следопыта» ответили известнейшие наши писатели-фантасты Аркадий и Борис Стругацкие. Сегодня в гостинице журнала — Кир Булычев. Писатель, который тоже вряд ли нуждается в особом представлении: его книги, его герои (и героини) оставили, полагаем, след в памяти каждого, кто знаком с его живописными фантастическими мирами.

О чем вы хотели бы его спросить? И что — высказать ему на этой заочной встрече? Если с чем-либо в творчестве писателя, в его публичных выступлениях не согласны — поспорьте: ваше право! Постарайтесь при этом излагать собственное мнение аргументированно, четко, лаконично.

Ваши письма должны быть отосланы на адрес редакции (с пометкой: Отдел фантастики, К. Булычеву) до 1 сентября 1987 года; в конце сентября мы передадим их адресату.

В качестве своеобразной разминки перед встречей с писателем предлагаем вашему вниманию (см. стр. 65) кроссворд, составленный по произведениям Кира Булычева читателем из Москвы Э. Еабкиным.

Ответы на кроссворд будут опубликованы в следующем номере.

ГЛАЗА В ГЛАЗА

В прошлом году народный театр драмы Уралмашзавода побывал со спектаклями в Ямало-Ненецком автономном округе. Инициаторами поездки явились завком УЗТМ, тюменская писательская организация и журнал «Уральский следопыт». Художественный руководитель театра Генрих Львович Риасс рассказал нашему корреспонденту:

— Гастроли начались в Салехарде — административном центре округа. Не хочется повторять банальную фразу, но как ее обойдешь — все участники спектакля ужасно волновались перед выступлением. Прежде всего мы впервые отправились в такое большое турне и многие знали о Севере только по книгам и кинофильмам; вотных, нельзя забывать, что коллектив состоит не из профессионалов, привычных к сцене, а из энтузиастов, молодых людей разных профессий, для которых каждый выход на широкую публику — событие в жизни. Ну и, наконец, нас заботило, как воспримут жители северных широт спектакль, который мы сами считаем в известном плане экспериментальным.

«Концерт для 20 голосов» — таково его название. Четыре главы, тридцать миниатюр и монологов — такова его форма. Не ищите на афишах автора пьесы — его нет в природе. Создатели спектакля — его участники. Со сцены звучит гражданский монолог о времени и о себе. Твоя позиция в жизни, что ты в этом мире ценишь и что ненавидишь, всегда ли честен в своих поступках, а когда ошибаешься, то берешь ли вину на себя или взваливаешь на школу и родителей? Ребята со сцены задают зрителям вопросы и сами дают ответы — скорее, не ответы, а раздумья, и зрители становятся как бы соучастниками разговора. Как легко заметить, спектакль носит публицистическую окраску, вызывая у сидящих в зале личную причастность ко всему, что происходит и на сцене, и в жизни.

А затем нас ждал теплоход «Леонид Лапцуй». Началось увлекательное гастрольное путешес-

твие по отдаленным населенным пунктам Ямало-Ненецкого округа. Салехард, Мужы, Салемал, Аксарка, Лабытнанги — двенадцать дней на теплоходе, и каждый день один-два спектакля. О всех впечатлениях не расскажешь, упомяну о самом памятном.

...Собь — приток могучей Оби. На реке работает земснаряд, добывая гравий для Ямбурга. Попутно отмечу, что здесь мы воочию, что называется, увидели, какой сложный клубок противоречий таит в себе хозяйственное освоение Севера. Ямбург сейчас едва ли не самая ударная стройка, от которой зависит топливно-энергетическая база страны, а любая стройка без гравия не обходится. То есть, с одной стороны, делается доброе дело, с другой — уродуется дно Соби — исконного места нерестилища ценнейших промысловых рыб. Польза и вред идут рука об руку, остается лишь надеяться, что специалисты взяли все «за» и «против».

Но вернемся к рассказу. Экипаж земснаряда работает практически круглосуточно. Нам показалось, что рабочие искренне обрадовались самодеятельным артистам с Уралмаша. Надо было видеть эту необычную для нас картину. К шести вечера к вахтовому кораблю «Римский-Корсаков» со всех сторон подплывали лодки со зрителями. Спектакль давали в полукруглом холле. Зрительный зал на 40 мест в двух шагах от маленькой сцены, что называется, глаза в глаза. И после спектакля, уже за полночь, сидели, собравшись в кружок, рабочие и «артисты».

Ребята и девочки впервые увидели, так сказать, в натуре чум оленевода, побывали на рыбозаводе, у строителей уникальной железной дороги — никогда еще не клали рельсы в таких высоких широтах. Нам трудно судить, какую пользу дали северянам наши гастрольные выступления, хотя, замечу в скобках, мы привезли с собой немало теплых зрительских откликов, но для нашей труппы эта поездка на Север останется в памяти на всю жизнь.

СОЮЗ ТАЛАНТОВ

Юрий ОРЛИЦКИЙ

В мастерской работают два разных художника, хотя Наталью Георгиевну Гриневу и Александра Рафаиловича Илларионова объединяет многое: оба они — свердловчане, вместе учились, работали, вместе преподавали в Абрамцевском художественно-промышленном училище, стали мужем и женой. И все же, глядя на их работы, невольно ловишь себя на мысли: «Какие же они разные!» — мастер психологического скульптурного портрета Н. Гринева, работающая в одном из традиционных жанров искусства, и предельно современный, тяготеющий к обобщенным философским решениям монументалист А. Илларионов.

На «половине» Натальи Георгиевны можно догадаться, что в последние годы ее творчество было связано с подмосковным Бородино. Началось с обычного заказа — Государственный военно-исторический музей-заповедник «Бородинское поле» попросил художницу сделать для украшения музейных ворот Спасо-Бородинского монастыря шесть небольших бронзовых рельефов-вставок. Над старинными воротами появились фигуры русских воинов — конники, артиллеристы, барабанщики, глядя на которых не всякий посетитель музея догадается, что выполнены они совсем недавно — так точно передал в них художник дыхание того времени.

Рельефы Гриневой понравились. Музей обратился с новой просьбой исполнить памятную доску для постоянно действующей экспозиции — «Толстой и Бородинское сражение» на месте, где автор «Войны и мира» останавливался во время своего посещения Бородинского поля 26 и 27 сентября 1867 года.

Мы привыкли видеть Толстого на фотографиях и портретах мудрым старцем, тем самым «матерым человечиком», как назвал его В. И. Ленин. А ведь к работе над «Войной и миром» писатель приступил, когда ему было 32 года. На Бородинское поле приезжал, когда ему не было еще сорока. Гринева изобразила Толстого именно таким — полным творческих сил, еще не уверенным до

конца в своем художественном всемогуществе.

«Получив этот заказ, — рассказывает Наталья Георгиевна, — я не сразу взялась лепить, хотя замысел общего решения мемориальной доски возник почти мгновенно. Это — овал, занимающий две трети двухметровой (по высоте) доски, в который должно было «выписаться» портретное изображение писателя, внизу — текст.

Затем собрала все известное специалистам о посещении Л. Н. Толстым (через 50 лет после Бородинского сражения) поля великой битвы.

К счастью, Лев Николаевич любил фотографироваться, да и художники не обошли вниманием великого писателя, так что и изобразительный материал накопился большой».

Надо сказать, что музейные работники не сразу приняли гриневскую Толстого — и у них, людей, прекрасно знающих биографию писателя, на первых порах «сработало» тем не менее представление о Толстом-старце. Однако, подумав, специалисты согласились с «версией» художника...

...Рядом с портретом Толстого в мастерской Гриневой я увидел бюст еще одного русского писателя, чье имя неразрывно связано в нашей памяти с Бородинским полем, — поэта-партизана, героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова. Так же, как Толстой, он у Гриневой непривычно молод — ведь и ему на Бородинском поле было всего 28 лет.

Бюст Дениса Давыдова предназначен для нового музея, который создается неподалеку от Бородина, в Колоцком монастыре. Это будет музей партизанского движения войны 1812 года, 175-летний юбилей которой мы будем отмечать в 1987 году. К этой дате скульптор собирается сделать также несколько портретов других героев сражения — Раевского, Барклая де Толя...

Разумеется, будет трудно — ведь в искусстве нельзя повторяться. Скажем, гоголевских портретов — много десятков, есть среди них и прекрасные, классические работы. Но Го-

голь у Гриневой будет другим. И в этом можно не сомневаться — достаточно еще раз взглянуть на гриневских Толстого и Давыдова, чтобы убедиться, что и Гоголь, и Жуковский, над скульптурным портретом которого Наталья Георгиевна тоже думает, будут у нее «свои». Залог этого — в свободном владении материалом, в уверенной, твердой, совершенно чуждой всякого стилизаторства манере скульптора — и это несмотря на то, что почерк ее в лучшем смысле можно назвать традиционным.

На первый взгляд путь Гриневой и Иллариопова может показаться не совсем последовательным: от живописи через керамику к скульптуре. Они же убеждены, что широта художественного образования необходима современному мастеру, что узкая специализация заведомо ограничивает его возможности. К тому же без развитого чувства цвета и композиции, которое дает живопись, без ощущения единства формы и цвета, главного в искусстве керамики, невозможно стать настоящим монументалистом.

Это, правда, в большей мере относится уже к Александру Рафаиловичу, к его работам. С ними познакомиться не так просто: монументалист, как строитель, чаще всего встречается со своими произведениями на городских улицах. Это и санаторий «Южное взморье», и учебно-тренировочный центр сборных СССР, и Триумфальный зал воинской славы — в Музее Сталинградской битвы.

Последняя работа — кстати сказать, одна из немногих, над которой супруги-скульпторы работали вместе — особенно дорога для Александра Рафаиловича: здесь, под Сталинградом, в годы Великой Отечественной войны погиб его отец. Работая над венком славы (его длина 56 метров, высота 1,5 метра), светильниками, флагодержателями, Илларионов буквально дневал и ночевал в Мытищах ца художественно-литейном заводе имени Белашовой, где в срочном порядке шла отливка изделий в бронзе.

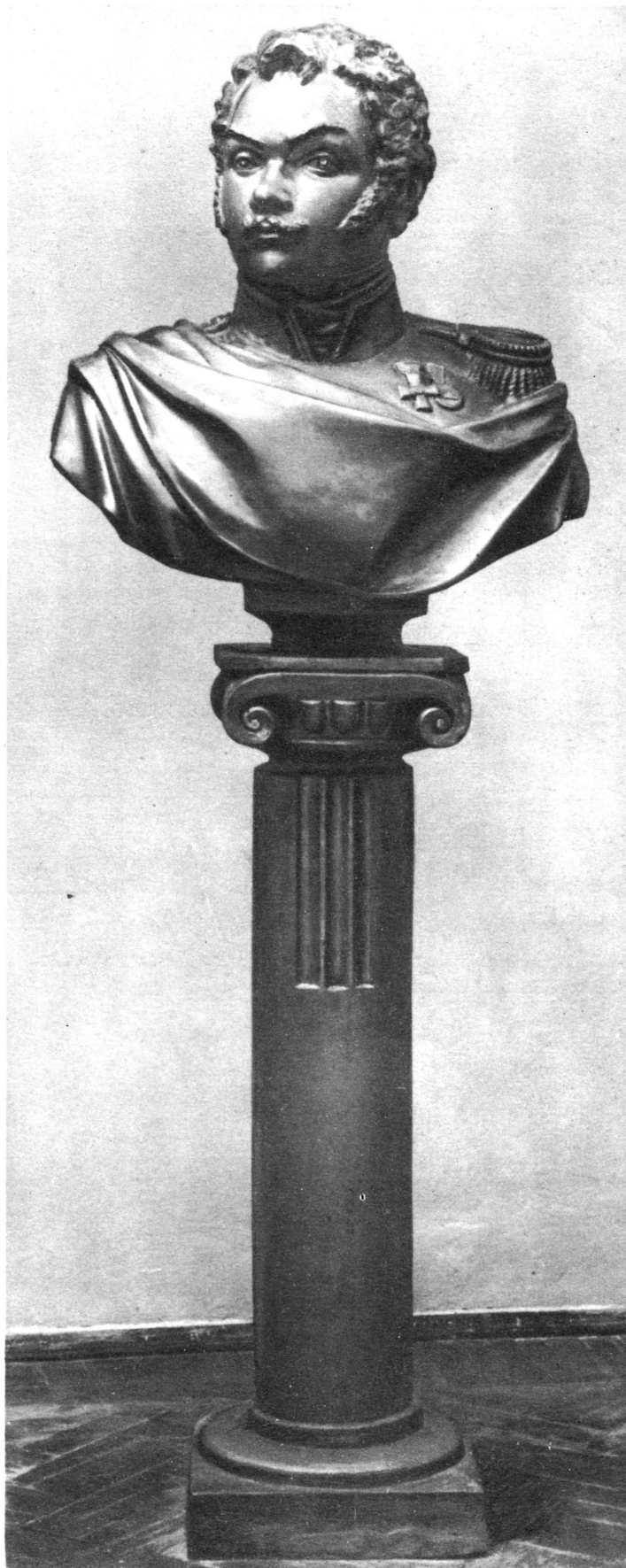
Гринева Н. Г. Одна из шести надвратных бронзовых вставок для Спасо-Бородинского монастыря в Государственном военно-историческом музее-заповеднике «Бородинское поле». Эскиз. Глина.

Одно из самых известных произведений Илларионова — оформление стоянки длительного отдыха на автодороге Москва — Минск, выполненной к Олимпиаде-80; она отмечена специальным дипломом Московской организации Союза художников как лучшая работа года. В комплекс входят кованая алюминиевая стела «Пионерия» и детская игровая площадка «Цирк».

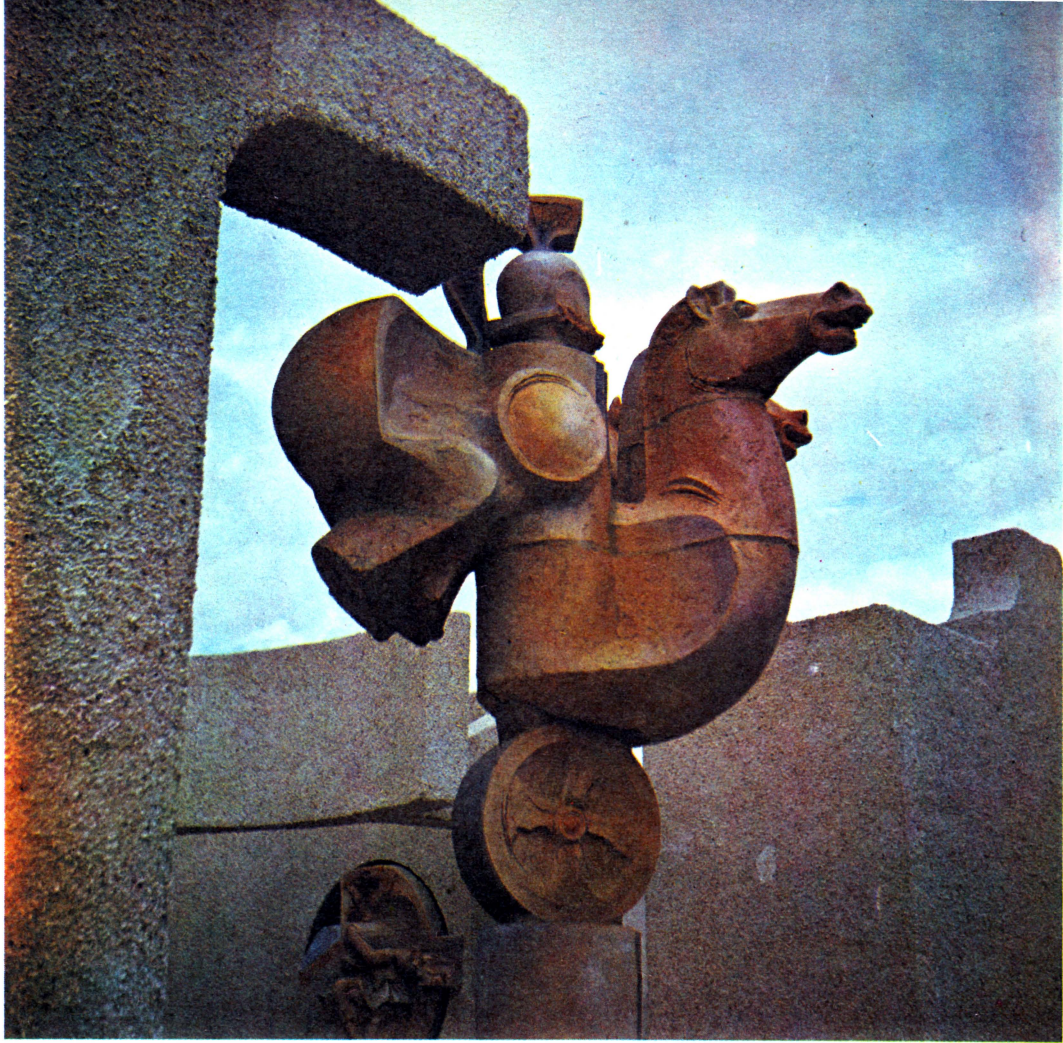
Если для олимпийской трассы Илларионов выбрал тему детства, то в сложной композиции зоны отдыха упоминавшегося уже санатория «Южное взморье» он, наоборот, обращается к древней, как мир, греческой мифологии, духом которой пропитан воздух Причерноморья.

В рельефах и скульптурах, украшающих территорию зоны, мы встретимся и с богами античной Эллады Посейдоном и Аресом, и с героями морских мифов. А рядом с ними — украшающие шахматный павильон скульптурные «портреты» также ставших мифологическими персонажами фигур этой древней игры. В оформлении же группы из четырех фонтанов художник использовал уже не порождения человеческой фантазии, а образы не менее богатой и древней фантазии моря, причудливые формы подводного рельефа и его обитателей.

Не забывают художники и о родном Урале: Наталия Георгиевна сделала для Челябинска скульптурный портрет С. Цвиллинга, в постоянной экспозиции Курганского художественного музея находится другая ее работа — «Портрет учительницы Людмилы Григорьевны Ермиловой». Много добрых слов говорят они о своих первых педагогах, об уральских художниках Брусиловском, Мосине, Чеснокове, Воловиче, с удовольствием вспоминают пленэры на Чусовой, Исети, озере Таватуй, мечтают снова попасть в родные края. Но времени, как всегда, не хватает — работа занимает их целиком. Да иначе и быть не может — ведь искусство требует от художника полной самоотдачи, «полной гибели всерьез», как сказал поэт.

Илларионов А. Р. Шахматный павильон и объемная композиция «Арес». Санаторий Южное взморье.

Гричева Н. Г. ПОРТРЕТ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ЕРМИЛОВОЙ. Гипс.
(Бронза — в Курганском художественном музее).

Гриева Н. Г. ОТДЫХАЮЩАЯ НАТУРЩИЦА. Бронза.

Илларионов А. Р. Детская площадка. Объемная композиция «Цирк» и подпорная рельефная стенка. Бетон, мозаика. 299-й километр шоссе Москва — Минск.

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

РОМАН

В ТРЕХ КНИГАХ

ОСТРОВА
КАПИТАНЫ

«Нева» и вправду шла теперь правым галсом, на сближение. Матросы стояли на реях и вантах.

По шканцам крупными шагами прошел Крузенштерн, поднялся на ют. Громко сказал оттуда:

— Барон, командуйте и нашим: на ванты и реи. Пора!

Не успел Беллинсгаузен, который был на вахте, отдать команду, как с криками «ура» матросы уже бросились вверх по мачтам. Офицеры выстроились в шеренгу. Рядом встали ученые, Фосс, Бринкин, Курляндцев. С краю пристроился Шемелин. Резанов поднялся на ют к Крузенштерну.

В шуме и плеске разрезаемой воды «Нева» пронеслась в полукабельтове от «Надежды».

— Мы в южном полушарии! Слава флоту Российскому! — громко сказал в рупор Лисянский.

«Ура» на обоих кораблях грянуло с новой силой. Офицеры вскинули пальцы к треуголкам...

Через минуту «Нева» сделала поворот и пошла в кильватер за «Надеждой». Матросы быстро спускались с мачт и выстраивались вдоль бортов, впереди орудийных станков. Крузенштерну и Резанову на ют принесли кресла. Посланник сел, а капитан с полусуетливой важностью объявил:

— Господа! Из всех нас мне одному пришлось в свое время перейти экватор, было это в дни моей службы у англичан. Я не к тому говорю, чтобы похвастаться преимуществом, а к тому лишь, чтобы объяснить: некому, кроме меня, подвергнуть господ офицеров, ученых и служащих компании обряду морского крещения, согласно древнему обычаю мореходцев всех наций...

Плотничий десятник Тарас Гледанов поднес капитану медный тазик с морской водой. Крузенштерн продолжал:

— Я надеюсь, что в этот радостный день его превосходительство Николай Петрович первый окажет капитану честь, подошедши под церемонию...

Принужденно улыбаясь, Резанов поднялся и наклонил голову. Крузенштерн опустил в тазик руку и с пальца уронил на паричок Резанова сверкнувшую каплю.

— Поздравляю вас, ваше превосходительство, со вступлением в южное полушарие. Дело сие для россиян воистину славное.

Продолжение. Начало см. в № 5.

— В этом заслуга нашего обожаемого монарха. Виват Александр! — громко сказал Резанов.

— Виват! — подхватили офицеры.

Матросы то ли спутали это со словом «обливай», то ли была дана им особая команда, но тотчас строй распался. Взлетели широкие струи воды из парусиновых ведер. С шумом и хохотом пожилые матросы хватили тех, кто помоложе и полегче, и, раскачав, кидали в парусиновую купальню. Да и сами с удалыми криками прыгали следом.

На юте между тем тоже продолжалось морское крещение. С офицерами Крузенштерн не церемонился, как с Резановым, и на каждого вылил по пригоршне. Поднялся на ют поручик Толстой, с него текло.

— Однако, граф, вы преуспели в своих планах, — заметил Фридриций.

— Черти, — отфыркивался поручик. — Даже не дали сапоги снять. Воистину, усерден русский человек, только попроси...

Взбежал на ют сержант артиллерии Алексей Раевский, что-то шепнул капитану, тот кивнул. Раевский ударил в колокол. Все притихли на корабле. Сержант возгласил:

— Его величество Нептун, государь всех морей и океанов, пожаловал для встречи российских мореплавателей!

С бака по правому шкафуту на шканцы двигалась процессия. Впереди с уморительно важным видом шествовал квартирмейстер Иван Курганов, завернутый в куски рваной парусины и украшенный бородою из расплетенного сизального троса. Стукал о-палубу древком трезубца, сооруженного из багра и длинных ножей. Следом приплясывала свита — с полдюжины морских чертей, — тоже в лохмотьях, с мочальными хвостами и перемазанными сажей лицами. Слева Нептуну выкатили пустую бочку — трон.

Нептун уселся и грохнул трезубцем крепче прежнего.

Крузенштерн, сохраняя невозмутимый вид, спустился на шканцы и встал перед владыкой морей. Тот пошевелил пальцами босых ног и хрипловато возгласил:

— Сию я это в своем подводном дворце, в окружении русалок, то есть моих дам придворных, а также всяких генералов и камергеров морских, а мне, значит, докладывают: «Ваше океанское величество,

КНИГА ПЕРВАЯ

ХРОНОМЕТР

(Остров Святой Елены)

Рисунки Евгении Стерлиговой

два каких-то корабля едут поверху прямо через линию, экватором называемую. Так что непорядок, ваше величество...» Глянул я — и вправду едут, а флаг на их, какого до сей поры видеть нам не приводилось. Дозвольте узнать, что за корабли, из какой державы и по какому делу экватор пересечь изволили без моего царского дозволения?

Крузенштерн, стоя навтыжку, произнес размеренно:

— Корабли государства Российского «Надежда» и «Нева», а идем вокруг света по делам торговым и науки касающимся. На «Неве» командиром капитан-лейтенант Юрий Лисянский, я же командир «Надежды» и начальник экспедиции Иван Крузенштерн.

Нептун солидно покивал:

— Слышали мы о капитане Крузенштерне. И о Российской державе слышали, славная держава, хотя и далеко отсюда... Гневен я сперва был, что плывете без спроса, ну да русским мореходцам чинить препятствий не буду...

Морские черти по бокам от Нептуна обеспокоенно запританцовывали, один даже толкнул его величество локтем:

— Про выкуп скажи...

Нептун гневно взметнул бороду:

— Цыц, захребетники! Вам, дармоедам придворным, лишь бы выгоду свою соблюсти! Их высокоблагородие капитан Крузенштерн сами знают обычай морские и насчет выкупа без вас, бездельников, помнят...

Крузенштерн засмеялся:

— Обычай русским мореходцам известен. Посему от имени российского государя императора и по распоряжению его превосходительства чрезвычайного посланника жалую вашему морскому величеству и свите вашей, а равно и каждому служителю корабля «Надежда» по гишпанскому серебряному пиастру... Ну а для веселья в честь праздника приказчик наш Федор Иванович распорядится выдать, что положено...

Мокрая толпа, обступившая Нептуна и Крузенштерна, одобрительно загудела.

— Покорнейше благ... кхм... От нашего подводного величества вашему высокоблагородию наше царское спасибо,— возвестил Нептун.— Плывите в Южное море беспрепятственно. Мы же в благодарность за уважение ваше стараться будем, чтобы ветров супротивных, бурь и шквалов на вашем пути не было... Ну а ежели где и случится погода неблагоприятная, не обессудьте. Держава моя агромадная, а в большом государстве, сами знаете, за всем не усмотришь. В одном конце только наведешь порядок, а в другом, глядишь, эти черти опять хвостами воду баламутят...— Нептун окинул свиту суровым взглядом и опять обратился к Крузенштерну: — А теперь, ваше высокоблагородие, дозволяйте откланяться.

Крузенштерн поднял пальцы к треуголке. Свита подхватила Нептуна вместе с бочкой-троном...

Когда шли в кают-компанию, майор Фридриций с усмешкой заметил:

— Однако, господа, какой лицедей этот Курганов, а? С такими талантами хоть на столичную сцену.

— Дар импровизаций и живость языка отменные,— серьезно отозвался живописец Курляндцев.

— Живость языка эта,— мягко вошел в беседу Резанов,— порождает сомнение: по причине ли простодушия высказался сей матрос о непорядках в великой державе? И что значат слова его о придворных бездельниках?..

— Умные люди замечали не единожды,— хладнокровно заговорил надворный советник Фосс,— что смелость языка возрастает по мере удаления от столицы. А тем паче от границ государства Российского...

Крузенштерн, шедший впереди, оглянулся.

— Да полно, господа,— добродушно сказал он.— Разумно ли искать в словах матроса намеки на державную политику?

В кают-компанию все было готово для праздничного обеда.

— В честь такого дня не грех устроить краткое отдохновение от трудов праведных,— провозгласил граф Толстой. Он уже переоделся после купания, но гладко зачесанные волосы его были еще мокрыми. Граф раньше всех оказался в кают-компанию. Теперь стоял он, прислоняясь к основанию бизань-мачты, что могучим столбом торчала посреди низкого помещения. И оглядывал стол.

Во время плавания граф не раз воевал с приказчиком Шемелиным, стараясь правдами и неправдами добыть из корабельных запасов лишнюю бутылку, и всячески ругал «купца» за «несуветную скарденность». Нынче же, однако, Толстой остался доволен.

— Смотрите, наш Федор Иванович расстарался. Простим ему прежнее непонимание томящихся душ наших...

Оглаживая бороду, Шемелин ответил:

— Мне, ваше сиятельство, прощения не надобно. Я свою службу знаю и потому соблюдаю ее неукоснительно. А ежели вам выдавать, что требуется, по первой просьбе, так вскоре в трюмах ни единой бутылки не отыщется.

Толстой проговорил вроде бы добродушно:

— Иными словами, утверждаете вы, господин Шемелин, что я пьяница. Ведомо ли вам, сударь, как отвечают за такие слова, сказанные благородному человеку?

Лейтенант Ромберг весело сказал:

— Я заметил, граф, что в эти дни вы который раз уже заводите разговор о поединках. Помилосерствуйте. Так еще до кап-Горна не останется на корабле живой души, и превратимся мы в корабль призраков, подобно знаменитому летучему голландцу...

Шемелин же невозмутимо возразил Толстому:

— Вы, ваше сиятельство,— граф, а я — купец, мужицкая кровь. Вам со мной на дуэлях драться не пристойно.

— Так я и по-простому могу! — бойко воскликнул Толстой. Была это все еще шутка, но глаза его

уже загорелись нехорошим светом.— На кулаках тоже приходилось.

— И сие не советую,— серьезно отозвался Шемелин.— Я родом из Тобольска, а у нас в Сибири мужички в кости покрепче ваших костромских...

— Так ли? — сощурился Толстой.

Крузенштерн взглядом остановил графа и встал.

— Господа! В сей радостный день, когда наши корабли пронесли российский флаг над равноденственной чертою, вспомни с благодарностью наше отечество и всех, кто способствовал столь славному началу нашей экспедиции... Сержант, пора.

Алексей Раевский ведал корабельной артиллерией. Один из сыновей славной фамилии, он не был еще офицером, но ожидал производства по возвращении из плавания, а то и по приходе на Камчатку. В офицерском кругу он был принят за своего. Сей-час Раевский поднялся и, не выпуская бокала, встал в дверях, упершись плечом в косяк. Отсюда видел он и сидевших в кают-компаниях, и матросов, которые под командой бомбардиров Жегалина и Карпова приготовили уже орудия к стрельбе.

За столом все встали. Крузенштерн поднял бокал и кивнул Раевскому. Тот махнул платком. Орудия разом рывкнули, откатились и выбросили тугой белый дым. Матросы накатили их и взялись за банники. Через минуту грянул новый залп. И еще! И еще...

Одиннадцать ударов русского салюта впервые разнеслись над водами южного полушария...»

Медный стук часов

— Ну вот...— сказал Курганов.— Коряво, конечно, написано, надо еще работать... Верно ведь?

Несколько раз он во время чтения заходил долгом сухим кашлем. «Бронхит проклятый обострился. Я уж и курить бросил, а толку никакого»,— говорил Курганов, вытирал глаза, осторожно дышал с полминуты, словно проверял легкие, и читал дальше...

И теперь он смотрел на Толика с вопросом.

— Арсений Викторович,— сказал Толик честно и даже немного жалобно.— Я не знаю, что говорить, но мне очень понравилось. И несколько не коряво, а, наоборот, замечательно...

— Ну спасибо. Добрый ты человек, Толик.— Курганов переглотнул, подавляя подступивший опять кашель.

Толик подумал: «Что же еще сказать, чтобы он поверил?» И... вскочил!

— Ой!..— он кинулся к плитке.— Вода-то выкипела!

...Скоро новая порция воды забулькала в кастрюле. Стол был застелен чистыми газетами. Курганов поставил на него тарелку с горкой разноцветной карамели (в бумажках и без), коробку печенья, открыл консервы «Лосось». Потом появились тарелки с солеными огурчиками и капустой. Из-под стола вытащил Курганов трехлитровую банку с прозрачно-

красной жидкостью. В ней плавали раздавленные ягоды.

— Это я клюквенный напиток соорудил. За неимением шампанского... которое ты, впрочем, все равно не пьешь, верно?

— Я один раз, когда гости были, попробовал из чьей-то рюмки...— Толик дурашливо поморщился.— Мама увидела, ох и показала мне «шампанское»... Даже по шею попало.

— Горький жизненный опыт всегда постигается собственной шеей... Подбрось-ка, Толик, в камин дровишек, а то прозеваем огонь, как прозевали воду...

— Новый год не прозевать бы. Наверно, уже скоро двенадцать.

— Что ты! — Курганов ловко выдернул часы на цепочке.— Без трех одиннадцать. Все еще успеет. И пельмени сварятся...

Толик с сомнением посмотрел на крупные часы с треснувшим стеклом.

— А они точно идут? — Он считал, что Новый год полагается встречать из секунды в секунду.

— Эти-то? Они нужны мне только для поправки. На двенадцать секунд у них точности хватит...

Толик непонимающе молчал. Курганов объяснил с важной хитрецей:

— Новый год мы встретим с астрономической точностью. Не хуже, чем кругосветные путешественники на корабле.

Он снял с полки стоявший среди покосившихся книг ящичек орехового цвета, с медными ручками и кнопками. Мягко поставил на край стола. Лампа бросила горячий блик на стеклянную крышку. Толик вытянул шею.

Курганов открыл шкатулку — верхняя часть ее плавно откинулась назад на латунных полосках.

Медное тиканье (которое Толик уже не замечал, потому что привык) с новой громкостью наполнило комнату.

Часы были похожи на будильник — размером, римскими цифрами, желтыми стрелками. Но будильники всегда стоят вертикально, а этот лежал в ящичке. Точнее, был подвешен горизонтально внутри медного кольца. Ободок вокруг стекла тоже был медный и в мелких зубчиках.

«Динь-так, динь-так, динь-так...»

— А я-то все думал: где это тикает? — сказал Толик.

— Корабельный хронометр,— сказал Курганов.

— Я догадался...— Толик шевельнул рукой — хотел погладить коробку и не посмел.

— Да возьми, возьми,— разрешил Арсений Викторович.— Можешь подержать... Вот так, за ручки... Покачай тихонько... Видишь, несмотря на качку он остался горизонтальным. Кардановый подвес. Это очень важно для точного хода...

Ящичек был тяжелый, откинутая крышка перекосила его в руках у Толика, но часы и в самом деле остались висеть ровно. Горизонтально. Бодрое их «динь-так» словно говорило: «Смотри, ничего страшного». Толик слегка покачал шкатулку и протянул Арсению Викторовичу. Тот плавно опустил ее на стол.

— Главное, оберегать хронометр от резких толчков. И заводить надо в одно время. Я в восемь утра завожу...

Ключик с головкой в виде медного диска торчал в гнезде, в углу шкатулки.

— Жалко, что утром...— сказал Толик.

— Почему? Посмотреть хочется?

— Ага...

— Ну, смотри...— Курганов плавно перевернул хронометр в кольцо. Стал виден медный корпус с круглым, как у консервной банки, донышком. Курганов ткнул ключиком в неглубокую ямку, надавил в сторону. Донышко повернулось на оси, ключ ушел в гнездо.

— Крути,— разрешил Курганов.— Немного только, один оборот... Нет-нет, в другую сторону, против часовой...

Ключ повернулся легко, с бархатным шорохом. Так приятно было поворачивать его. Жаль, что нельзя больше...

— А точность не сбилась от того, что не вовремя завели?

— Ничего страшного... Тем более, все равно сейчас я буду делать поправку. Новогодняя ночь — самое время для этого... Он у меня за два месяца на двенадцать секунд убежал...

— Всего-то? — изумился Толик.

— Это же хронометр, не ходики...

Курганов выложил на стол карманные часы. Пошевелил над хронометром пальцами и строго сказал: — А теперь приступим.

Он свинтил и отложил стекло. Втиснул в ящик, под корпус, ладонь, снова перевернул в кольцо хронометр, и... механизм скользнул из медного котелка в руку.

Курганов достал его, повернул к свету, держа в растопыренных пальцах. Незащищенное сердце хронометра доверчиво тикало, шевелило колесиками, искрилось желтыми звездочками. Толик не дыша придвинулся ближе. На широком валике он разглядел тончайшую стальную пружинку. Она была похожа на цепь от крошечного велосипедика. А выше всех валиков и шестеренок моталось туда-сюда на оси с чуткой синеватой пружинкой медное кольцо.

— Горизонтальный балансир,— слегка торжественно объяснил Курганов.— Изобретение умнейших мастеров восемнадцатого века. Именно он дает часам такую точность... Видишь грузики на кольце? Среди них есть два с прорезами. Это регуляторы хода. Чтобы изменить ход на секунду в час, надо повернуть их на девяносто градусов. А чтобы на секунду в сутки — это совсем ювелирная работа. Вообще-то ею специальные мастера занимаются, но где их здесь возьмешь?

— Будете сами поворачивать? — испуганно спросил Толик.

— Сейчас не буду. Я его в свое время долго регулировал, а теперь надо только задержать на двенадцать секунд. Тогда пойдет он у нас сегодня из точки в точку... Ну-ка...— Арсений Викторович согнулся над столом, приглядываясь к карманным часам.— Раз...— Он придержал пальцем балансир. Ма-

ленькие часы тикали еле слышно и беспомощно, понимали свою маловажность перед хронометром. Толик следил за волоском секундной стрелки. Она проскочила двенадцать черточек, и тогда снова раздалось медное «динь-так».

Курганов с удовольствием распрямился. Ловко уложил стучащий механизм в котелок, навинтил стекло.

— Не убирайте,— попросил Толик.— Пускай здесь тикает.

— Конечно. Даже закрывать не буду... Тащи-ка, Толик, пельмени.

Толик выскочил в сени и вернулся с кульком смерзшихся пельменей — в тепло, где потрескивал камин и звонко шелкали в корабельном хронометре веселые медные секунды.

— Можно радио включить? Интересно, совпадают куранты с хронометром или нет...

— Да не работает радио, будь оно неладно... Иногда включится само собой, а потом заглохнет и молчит, сколько по нему не колоти... Где-то контакт барахлит.

Толик подошел к репродуктору, висевшему у края большой карты. Шелкнул по тугой черной бумаге.

— ...прошедшего года,— отчетливо сказал улыбчивый женский голос.— Это был славный год — год тридцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции, год восьмисотлетия Москвы. Год новых успехов в восстановлении и развитии народного хозяйства. Советские люди не только залечивали раны, нанесенные нашей Родине фашистскими варварами, но и шагали к новым рубежам. На заводах, стройках и полях страны...

Курганов послушал и развел руками, уронив в кастрюлю смерзшийся ком пельменей.

— Ну, Толик, ты в самом деле... Ты — человек, приносящий удачу! Есть такие люди.

Толик обрадованно сопел. Радио говорило:

— ...встречают хорошими песнями. С заявкой обратились к нам и моряки крейсера «Молотов», на котором недавно побывал в гостях товарищ Сталин. Матросы, старшины и офицеры прославленного корабля просят передать кантату о...

Толик спросил:

— А сейчас на кораблях такие же хронометры?

— Разумеется. Он же у меня современный. То есть не совсем современный, довоенный, но еще вполне... Английская фирма, очень известная.

— А-а...— Толик был слегка разочарован. Он думал, что хронометр старинный, с парусного корабля. Шевелилась даже мысль: «Уж не с «Надежды» ли?»

— Впрочем, разницы никакой нет,— сказал Курганов.— Такими же они были и сто лет назад. И сто пятьдесят... Эта вещь придумана раз и навсегда. На века... Сейчас, конечно, точность проверять легче, радисты ловят сигналы точного времени в эфире. А представляешь, как важен был хронометр в прошлом веке? Без него никуда. Не вычислишь место судна в океане. И остров, который открыли, не нанесешь точно на карту...

— А этот хронометр... он с какого корабля?

— Даже не знаю. Он стоял у моего соседа, капитана Константина Афанасьевича Лукьянова. Старый был капитан, в свое время еще на чайных клиперах ходил матросом... После революции он в морском техникуме преподавал. Мы были, можно сказать, друзьями, хотя я ему в сыновья годился. Книг у него о кругосветных путешествиях и вообще о флоте была уйма... Умер старик в блокаду. Книги его соседи пустили на растопку. Как и мои, кстати. Что поделаешь, людям надо было выжить любой ценой... Все пошло в печку — и Крузенштерн, и Лисянский, и Головин. И старые лоции... Редкие издания были, начала того века... Одно меня выручило — записи, которые я по этим книгам делал на Севере. То есть уже не по книгам, а по памяти. Память у меня до недавнего времени была крепчайшая, целые страницы наизусть помнил... А то как бы я теперь писал?

Толик сел на шкуру недалеко от камнина и смотрел, как догорают поленья... Пусть горят. Дрова на то и есть на свете. А вот когда книги в огне, это значит, у людей горе...

— Хорошо, что хоть хронометр не пропал, — сумрачно сказал Толик. — Могли и его в печку затолкать. Коробка-то деревянная.

— Слава богу, уцелел... Я в сорок шестом году приезжал в Ленинград, нашел его... А подарил мне его Константин Афанасьевич еще в тридцать восьмом году. Двадцать первого марта... Знаешь, что это за число?

— Нет... А! Весенние каникулы начинаются!

— Событие, безусловно, важное... Но помню всего, это весеннее равноденствие, день прибывает и становится равен ночи.

— Ой, правильно. Я забыл...

— Ничего... И между прочим, это еще мой день рождения. В тот год мне стукнуло сорок лет...

«Значит, нынешней весной будет пятьдесят», — сообразил Толик.

— Будет пятьдесят, — словно откликнулся Курганов. И надолго замолчал. Присел рядом с Толиком. Султан проснулся и сунулся между ними. Так они сидели и смотрели на огонь.

А хронометр отмерял последние минуты сорок седьмого года.

За две минуты до Нового года местное радио включило Красную площадь. В бумажном круге репродуктора задышал далекий громадный город, стали слышны гудки автомобилей, чьи-то шаги, даже голоса...

Секундная стрелка хронометра бежала по последнему кругу этого года. И едва она прыгнула на верхнее деление, репродуктор трянуло упругим и переливчатым звоном курантов.

«Точно!» — радостно подумал Толик.

Десять часов по московскому времени, двенадцать по местному. То есть двадцать четыре... И вот уже «диль-так, диль-так» — две секунды сорок восьмого года...

— С Новым годом, Толик.

— Ой... С Новым годом. Арсений Викторович!

Свет был выключен, у графина с словыми лапами горели две свечи. В камине ярко занялось хрустящее полено. Толик держал фаянсовую кружку с клюквенным морсом, Курганов — стакан. Незадолго до этого он, смущаясь и кашляя, налил туда из булькающей четвертинки.

— Я уж так... Ты меня прости, человек я пожилой, с предрассудками. Курить вот бросил, а это... И обычай все-таки, Новый год. Я чуть-чуть.

Толик тоже смутился и глупо сказал:

— Да что вы, не стесняйтесь. Пожалуйста...

Теперь они сдвинули краями кружку и стакан. Курганов задержал руку, не пил. Толик подумал, что он стесняется, и уткнулся в кружку. Но Курганов вдруг сказал:

— Толик... Подожди. Я хочу тебе пожелать, чтобы ты был счастлив. Всю жизнь. И спасибо тебе...

— За что? — растерялся Толик.

— За то, что ты пришел. Вчера и сегодня... Знаешь, мне кажется, что ты приносишь людям удачу. Правда. Мне, по крайней мере, принес... Но не в этом дело. Просто спасибо за то, что ты есть. И пусть тебе будет хорошо...

«И маме, — подумал Толик. — И Варе. И всем хорошим людям... И Султану...»

— И всем, кого ты любишь, — улыбнулся Курганов.

— И вам... тоже пусть будет хорошо. И главное, чтобы книжку напечатали скорее!

— Вот за это спасибо тысячу раз!

Пельмени Толик любил больше всяких других угощений. К тому же заедать их огурчиками и капустой, запивать клюквенным морсом оказалось просто восхитительно.

Через полчаса Толик осоловел. Освещенная красными углями комната виделась через мутноватую пленку полудремы. Хронометр тикал вкрадчиво, словно бормотал что-то...

— Я смотрю, ты носом клюешь, — сказал Арсений Викторович. — Ложись-ка на кровать.

— Нет, я на стульях, — заупрямился Толик. — Мама же говорила...

— На стульях — это — потом. А пока просто отдохни...

Ситцевая плоская подушка пахла табаком — видимо, Курганов бросил курить не так давно. Кровать была жесткая — наверно, с досками под матрацем. Но лежать все равно было хорошо. Так хорошо, что было бы обидно заснуть и уже не чувствовать этого удовольствия. И сон, который обычно наваливается на лежащего, милостиво отпустил Толика.

С прикрытыми глазами, но с ясной головой Толик полежал минут пять. Сквозь опущенные ресницы он видел, как Арсений Викторович, оглянувшись, быстро налил в стакан из четвертинки и сделал крупный глоток. Потом Курганов часто подышал, словно сдерживая подступивший кашель, пошевелил в камине угли, погладил Султана и сел в ногах у Толика.

Толик открыл глаза.

— Арсений Викторович, а откуда вы все это знаете?

— Что?

— Ну, как тогда было, при Крузенштерне. Кто что говорил, кто что делал... Неужели все это в старых книгах написано?

— Нет, конечно... Если бы все было написано, зачем еще одну книжку сочинять?

— Значит, самому догадываться пришлось?

— Что?.. Да! — Курганов оживленно завозился и сел прямо. — Ты правильно сказал. Догадываться... Видишь ли, без фантазии даже самый строгий исторический роман не бывает. А я ведь не историческую книгу пишу, упаси господи. На такое я никогда и не решился бы... Про плавание Крузенштерна и про его открытия и так много написано. А мне хотелось разобратся в некоторых случаях. В частности, так сказать... У меня и повесть-то называется «Острова в океане». Как бы рассказы про несколько островов.

— Но там не только про острова, — осторожно заметил Толик. — Там и про Скагеррак, и про экватор...

— Я не совсем в том смысле... Острова — это как бы люди. В океане жизни... Наверно, я чересчур непонятно выражаюсь?

— Все понятно...

Камиң почти прогорел, свечи едва освещали стол и еловые ветки в графине. Радио снова отключилось. Было тихо и уютно. Толику казалось, что он в этой комнате давным-давно и Курганова знает много лет. Толик сказал совсем по-домашнему и даже слегка разнеженно:

— Арсений Викторович, давайте поставим хронометр поближе. Он так хорошо тикает... будто живой.

— Прекрасная мысль. — Курганов перенес хронометр на табурет, к изголовью кровати. — Я признаться, тоже люблю, когда он рядом. Особенно, если работаю... Он щелкает, я пишу. Иногда в хорошие минуты хочется погладить его, как котенка. Но он нежностей не любит, все-таки морской инструмент, характер строгий. Уважает порядок и точность... Недавно он на меня обиделся...

— Как? — засмеялся Толик.

— Я забыл его завести. На целые сутки опоздал.

— И он остановился?

— К счастью, нет. Завод-то у него рассчитан почти на двое с половиной суток. Видишь, циферблатик вверх? Стрелка показывает, сколько часов прошло с того момента, как завели. Самое большое число — пятьдесят шесть... Правда, у меня он столько не тянет, пружина ослабла. Но двое суток идет...

— А зачем же тогда каждые сутки заводить?

— Для равномерного натяжения пружины, от него точность хода зависит... Закон такой — морские часы следует заводить вовремя. А уж останавливаться они тем более не должны. Ни в коем случае. Пока жив на корабле хоть один человек... Ты это запомни, Толик.

— Запомню... — Толику странной показалась неожиданная строгость в голосе Курганова. — А как он на вас обиделся? Отставать стал, да?

— Нет. Но тикал обиженно... Впрочем, я это, конечно, сам придумал. Потому что кажется иногда, будто и правда он живой... У стариков бывают причуды.

— Никакая это не причуда, — возразил Толик. — И никакой вы не старик.

— Ну-ну...

— А любимые вещи у каждого человека есть. — Ты прав, как всегда... Но для меня хронометр — исключение. Вообще-то я к вещам спокойно отношусь. Сам видишь, живу не роскошно... Да оно и к лучшему.

Толику показалось, что Курганов стал говорить иначе. Будто настроение у него испортилось. Может, оттого, что глотнул лишнего? Но он же ничуть не пьяный.

Курганов принял, наверно, молчание Толика за вопрос. И хмуро объяснил:

— Чем больше вещей, тем жить хлопотнее... И тем обиднее с ними расставаться.

— А зачем расставаться-то? — Разговор Толику нравился все меньше.

— Так... Когда-то приходится. С собой не унесешь.

— Куда?

Курганов молчал.

«Я понял, — хотел сердито сказать Толик. — Но зачем вы про это? В такую хорошую ночь...» Однако в этот момент Курганов коротко вздохнул и опять надолго закашлялся. А потом сказал слабым, но уже повеселевшим, прежним голосом:

— Прости ты меня. Что меня потянуло на дурацкие разговоры? Обещал рассказы о морях-океанах, а ударился в гнилую философию... Тебе о таких вещах думать рано.

— А о морях-океанах еще спросить можно? — оживился Толик.

— Разумеется! Это самая подходящая беседа, если спать не хочется.

— Не хочется... После экватора Крузенштерн и Лисянский пошли в Бразилию?

— Да. К острову Святой Екатерины. Там они застряли на несколько недель из-за нового ремонта. У «Невы» в мачтах гниль обнаружилась... Ты ведь помнишь, что Лисянский купал эти корабли в Англии, специально туда ездил?

— Помню... Неужели в России своих кораблей не было?

— Годных для такого плавания тогда не было. Представляешь, до чего довели русский флот доблестные царские адмиралы?

— Но и английские корабли оказались не очень-то...

— Да, с ними хватило хлопот... Но не это было самой большой неприятностью.

— А что?

— Причины всех бед обычно в самих людях...

— А у Нозикова ничего про это не написано.

— Про это пишут вообще неохотно. Особенно в детских книжках. Ссора Резанова с моряками не украсила экспедицию...

— Значит, во всем Резанов виноват, да?

— Ну, Толик... Дело это давнее, кто может сказать точно? Особенно вот так: «во всем виноват». Это все равно, что приговор произнести...

— Но вы же пишете.

— Я потому и пишу целую повесть, что не могу сказать двумя словами, кто виноват. Да и в повести не могу. Книжка — это ведь не суд. Я пытаюсь представить, как это было... Как мне кажется... Другие писали по-иному. В конце прошлого века было много споров, кто прав: Крузенштерн или Резанов? Статьи печатались в журналах... Многие ученые были за Резанова...

— Но вы-то за Крузенштерна, правда?

Курганов улыбнулся:

— Вспоминаю себя в детстве. Тоже любил определенность: где враги, а где наши... Да, я считаю, что не надо было Резанову лезть в начальники экспедиции.

— А почему он лез?

— Тут и дирекция компании, и морское министерство во многом виноваты. И царь. Сперва главным командиром над экспедицией утвердили Крузенштерна. Вручили инструкцию. А потом ему в спутники дали Резанова — назначили посланником в Японию и главным начальником и ревизором всех владений Российско-Американской компании. Резанов-то был один из самых крупных ее акционеров. И у него тоже оказалась инструкция с командирскими полномочиями.

— А кто это такие? Ак... кпи...

— Владельцы ценных бумаг. Акция это... ну вроде облигации, что ли. Сколько было у компании капиталов, на такую сумму и акции были выпущены. Чем больше их у человека, тем больше у него власти в компании и прибылей от нее... А Резанов женился на дочери Шелехова, который эту компанию основал. Помнишь?

— Помню... Значит, он больше всего о выгоде думал?

— Думал, конечно... Однако не так все просто. У Резанова был характер сложный, непостоянный. Часто он поддавался настроению. Мог из-за раздражения, из-за высокомерия и про выгоду забыть... Мог и вообразить себе бог знает что, и сам верил выдумкам. С одной стороны, вроде бы неглупый человек был и за дело болел. А с другой... В общем, я считаю, что капитан Головин правильно писал о нем...

— Арсений Викторович! А нельзя, что ли, было, чтобы Крузенштерн командовал морскими делами и научными, а Резанов торговыми и этими еще... посольскими?

— Ты разумно рассуждаешь... Может быть, так же рассуждали начальство и сам царь, когда выдавали инструкции. Мы, мол, никого не обидим, а в пути они сами договорятся.

— Не договорились?

— Нет. Крузенштерн — он тоже ведь был характер непростой. Ну и пошли стычки. Из Бразилии Резанов уже писал царю жалобы на Крузенштерна...

После стоянки у острова Святой Екатерины опять началось плавание в океане. Обошли мыс Горн.

Моряки были заняты вахтами, корабельными делами, вместе с учеными ставили разные опыты: океан-то был почти не изучен... А для посланника и его спутников постоянных занятий не находилось.

Маялся от безделья и граф Толстой. Был он написан к свите посланника, но с его превосходительством скоро поссорился. Готов был поддержать всякий спор офицеров с Резановым. Но моряки не любили посланника за его вельможные вмешательства в корабельную жизнь, а граф ссорился из-за вздорности натуры...

Я к тому про графа вспомнил, что не обошлась без него и ссора, когда стояли у острова Нукагивы. В Тихом океане...

Полосное железо

— Когда пишут про стоянку «Надежды» и «Невы» у Нукагивы, чаще всего увлекаются описанием тропической природы, жизни туземцев, разными приключениями. Обязательно рассказывают про англичанина Робертса и француза Кабри, которые неведомыми путями попали на остров, прижились там, обзавелись семьями, но между собой все время враждовали...

— Да! — оживился Толик. — Француза потом случайно увезли на «Надежде»...

— Скорее всего он сам постарался таким образом исчезнуть с острова, боялся Робертса. Но бог с ним...

Ты, конечно, читал, как моряки путешествовали по острову, как потом чуть не поссорились с туземцами, как были в гостях у короля Тапеги. Ученые собрали на Нукагиве богатейший материал о жизни островитян, про это есть даже в книжке Нозикова... Но почти никто не пишет, что именно там произошли события, которые чуть не погубили экспедицию...

— А вы про это написали, да?

— Да... То есть не совсем. Только черновик. Это как раз то, что у меня еще не до конца сделано. Запутанные события, и рассказывают о них по-разному...

— Кто рассказывает? — Толик приподнялся на подушке.

— Прежде всего Шемелин... В его «Журнал путешествия россиян вокруг света», который был напечатан, этот рассказ не вошел. Видимо, из цензурных соображений. Но я до войны видел в Ленинграде рукописный дневник Шемелина.

— Где? У того капитана?

— Нет, что ты... В публичной библиотеке, в отделе рукописей... В дневнике про случай на шканцах «Надежды» написано подробно. И конечно, Шемелин во всем обвиняет Крузенштерна и других офицеров. Надо сказать, убедительно пишет, он был умный человек... Беда только, что Крузенштерна он терпеть не мог, а к Резанову привязан был всей душой.

— Но, может, он и не виноват, — задумчиво сказал Толик. — Если привязан...

— Кто же говорит, что виноват?.. Просто, когда

историки разбирают этот случай, они все время ссылаются на Шемелина... Но есть еще один дневник, небольшая тетрадь с неразборчивым почерком. Ее писал Макар Иванович Ратманов...

— Вы ее тоже читали?

— Да... Я тогда старался все, что можно, об этом плавании разыскать... Ратманов пишет совсем иначе.

— А вы кому верите? Ратманову, да?

— Я, Толик, обоим верю, не удивляйся. Они, по моему, добавляют друг друга. Каждый со своей стороны... Но Ратманов полностью прав в одном: капитан на корабле — полный командир и требует уважения. Резанов же, видимо, считал, что «его превосходительство» всегда выше «его высокоблагородия».

— А еще у него инструкция была, да?

— Из-за нее-то и вышел тот отчаянный спор...

Курганов замолчал, и Толик испугался, что он скажет: «Ну, хватит на сегодня». И попросил жалобно:

— Может быть, вы прочтаете, что там было? Спать все равно не хочется...

— Я же говорю, еще не дописал. Если хочешь, я так расскажу, без черновика... Но близко к тому, как пишу...

— Когда пришли к Нукагиве (сперва «Надежда», а через несколько дней «Нева»), первая задача была запастись свежими продуктами. И Крузенштерн отдал приказ, чтобы ни один человек на корабле ничего у жителей острова для себя не выменивал. Соблазны-то были великие: каждому хотелось привезти домой заморские диковинки — раковины, кораллы, туземную утварь... Представляешь, что началось бы, если каждый кинулся бы торговать с нукагивцами сам по себе, когда еще не получена провизия? Островитяне моментально взвинтили бы цены, никакого железа не хватило бы для уплаты за кофосы и овощи.

— Железа?

— Ну да... Моряки расплачивались с ними обломками обручей.

Толик растерянно заморгал.

— Это же обман.

— Ну, почему обман? Чем еще было платить? Ассигнациями с портретом Екатерины? Зачем они островитянам? Медными монетами? А они там для чего? На шею носить?.. А железо нукагивцам было необходимо для ножей, для копий... За ценные вещи моряки платили, конечно, другими товарами: топорами, сукном... Ты что морщишься, Толик? Лежать жестко? Или болит что-то?

— Я?.. Ой, нет, что вы! Все в порядке.

Толик и правда морщился, сам того не замечая. Потому что при словах про обломки обручей вспоминалась ему старая боль. Весной Толик с ребятами гонял мяч на пустыре за школой, и ржавый обруч от бочонка попал под ботинок — встал торчком и сквозь штанину и чулок врубился зазубренным краем под колено... С тех пор, когда слышал Толик о по-

лосках железа и обручах, у него кривилось лицо. А под коленом теперь — коричневый рубчик. Он всегда начинает болеть, если у Толика неприятности или какие-то переживания.

— Это я так... Ногу отлежал. Уже прошло.

— Ну, слушай дальше. Приказу Крузенштерна все подчинились. И Резанов был вынужден подчиниться, но оскорбился: опять капитан командует посланником и камергером...

Через два дня Крузенштерн отменил приказ, однако приходилось смотреть, чтобы товары не разбазаривались. А Шемелин в это время все горевал, что коллекция Резанова (он ее для Петербургской кунсткамеры собирал) пополняется медленней, чем у Крузенштерна. И чтобы запастись трофеями получше и побольше, пустил в обмен очень ценный товар — топоры. Крузенштерн этому воспротивился. И вот утром 13 мая такая сцена.

Крузенштерн и Резанов встретились на шканцах. Шканцы — это палуба между грот-мачтой и бизань-мачтой, место, где собираются офицеры. Крузенштерн обратился к посланнику сухо, но вежливо:

— Ваше превосходительство, все кораллы, что выменяли наши люди у нукагивцев, я приказал закупорить в бочку. В вашей воле взять себе сколько угодно и когда всего удобнее.

Резанов поморщился и заговорил в ответ («начал делать реприманты», как пишет Ратманов):

— Кораллы суть пустяки, сударь. Огорчительно мне иное. А именно то, что вы опять создаете преграды моему приказчику, не давая вести обмен с дикарями. Сие относится не к одной моей личной обиде. Разве не ведомо вам, что собрание редкостей для императорской кунсткамеры, о которой я попечение имею, есть следствие воли государя?..

— Все плавание, ваше превосходительство, ведется с ведома и по воле государя, — возразил Крузенштерн. — Во время путешествия мой долг заботиться не только о покупке редкостей для музея, но и о всем прочем. О здоровой пище для служителей в том числе. Что будет, если мы легкомысленно потратим обменные товары...

— Забота о товарах лежит не на вас, а на служащих компании и на мне, как начальнике экспедиции.

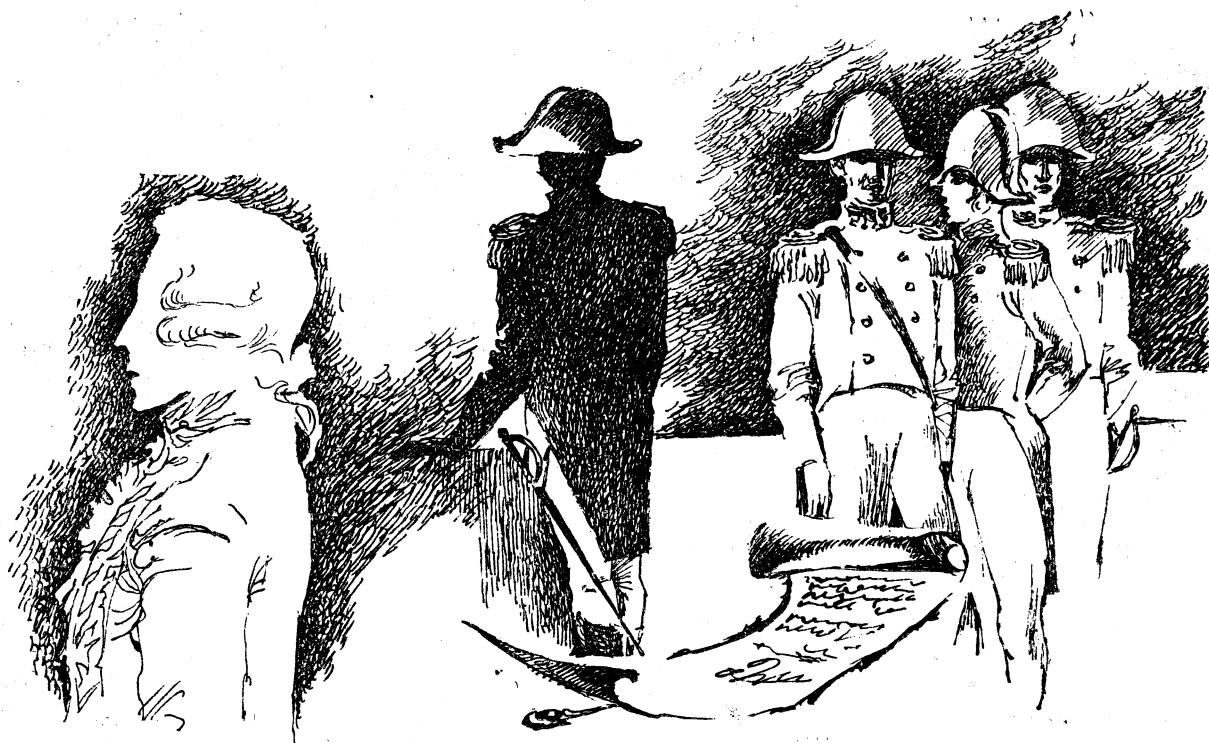
— На моих плечах лежит попечение о людях... ваше превосходительство. Что же касаясь вашей должности, то еще в Бразилии получили вы мое письменное уведомление, что считать вас своим начальником я не могу...

Резанов не вспылил, хотя этого можно было ожидать. Он сказал с ноткой ленивого превосходства:

— Что касается собственно меня, то я ставлю себя выше всех огорчений, которыми осыпают меня ежедневно. Ваши слова и поступки я почитаю не иначе как за мелочи, недостойные моего внимания. Ранее полагал я, что имею дело с воспитанным человеком и разумным офицером, вам же угодно ребячиться.

На шканцах наступила тишина.

Ни тогда, ни потом Резанов так и не понял до

конца, что же произошло. Сила морских уставов и обычаев была ему не введома.

— Я не ослышался? — тихо переспросил Крузенштерн. — Что вы сказали?

— Я сказал: полно ребячиться.

Негромко, но наливаясь гневом, Крузенштерн произнес:

— Господин чрезвычайный посланник! Вы находитесь на шканцах военного корабля, место сие почитается священным. Любое оскорбление, нанесенное капитану на корабле, вообще есть тяжкое преступление. Если же начальник оскорблен на шканцах, это карается втрое...

— Но вы забываете, что начальник здесь — я, господин капитан-лейтенант.

— Черт знает что! Это нестерпимо! — не сдержался Крузенштерн. — Кончится тем, что я засажу вас под арест, как неких лиц из вашей свиты за чинимые ими беспорядки и пьянство!

— Вы ответите перед государем императором! — Посмотрим, кто ответит! — Крузенштерн резко обернулся. — Спустить шляпку, я еду на «Неву»!

...Через полчаса он вернулся с Лисянским. Офицеры опять собрались на шканцах.

— Господа, я не начальник ваш более, — сумрачно начал Крузенштерн. — Господин Резанов утверждает, что...

Его слова заглушили негодующие голоса. Больше всех шумел граф Толстой:

— Это что же! Если господин Резанов общий наш начальник, выходит, я теперь вновь у него в подчинении?

— Да поди ты к черту, граф, со своей perso-

ною! — в сердцах промолвил Ратманов. — В тебе ли вопрос? Тут дело государственное... Господа, пусть Резанов покажет наконец инструкцию, о которой столько говорит!

Граф вспыхнул, стал искать на боку рукоять шпаги. Но тут же понял — теперь не до личной ссоры.

Решено было пригласить Резанова из каюты: пусть предъявит документ. Ходили за ним трижды. Даже Толстой ходил. Шемелин потом записал в «Журнале»:

«Когда ни с чем вернулся граф, послан был лейтенант Ромберг, но Начальник не хотел предстать на совет нечестивых и подвергнуть себя суду их, а паче не дать в поругание и обнаружить высочайших повелений, в которых многие есть секретные пункты...»

— Самозванец! — крикнул на весь корабль Ратманов.

В конце концов Резанов был вынужден выйти. Он появился на шканцах с бумагами в руке. Был бледен, но вид имел гордый.

— Вам, господа, надлежало бы снять шляпы из уважения к документу, пункты из которого я оглашу.

— Снимите шляпы, господа офицеры, — сказал Крузенштерн, — и оставим без внимания то, что господину посланнику, если речь идет об уважении, тоже следовало бы иметь приличный вид.

Резанов стоял перед моряками в домашней фуфайке, в мятых панталонах, без чулок, в туфлях на босу ногу. На замечание капитана он не ответил. Поднял к глазам листы.

— Поддаваясь непомерным требованиям вашим, я прочту некоторые параграфы. Те, что имеют касательство к начальствованию, — глухо проговорил он.

И зачитал строки, из которых следовало, что начальник над всей экспедицией действительно он, Резанов.

— Немыслимо, — сказал мичман Беллинсгаузен.

— Откуда эта инструкция? Кто ее подписал?! — буквально взревел Ратманов. — Почему мы ничего не знали?!

— Господин Крузенштерн знал, — ответил Резанов.

— Я не знал сих пунктов в точности! Почему вы своевременно не объявили их всем офицерам, как того требуют правила? Почему держали этот документ в секрете?

— Ни один из нас не пошел бы в плавание на таких условиях! — воскликнул Ромберг. — Мы не желаем знать начальника, кроме Крузенштерна!

— Желания вашего не спрашивают! Ваше дело — повиноваться высочайшей воле! — Резанов судорожно свернул листы.

— Высочайшей?! — по-мальчишески воскликнул Лисянский. — А не сами ли вы сочинили сей документ?

— Вы с ума сошли, капитан!

— Настоящая это инструкция или нет, вы все равно обманщик, — отрубил Ратманов. Он был зол более всех. — Вы обманули министров, когда выпросили у них такие полномочия. А они обманули царя, сунув ему бумагу на подпись!

— Речи подобные слышать выше моих сил! — Резанов отступил в кают-компанию, там слышно было, как захлопнулась дверь его каюты.

Сгоряча офицерами решено было, что, прибывши в Камчатку, станут требовать у государя одной ми-

лости: чтобы он приказал возвратить их в Петербург берегом. Ни капитан, ни его офицеры служить под начальством господина Резанова не могут, потому что характер его им теперь известен, да и оскорбление, нанесенное капитану, прощено быть не может...

— Пролез в начальники лисою! — негодовал Ратманов. — Заколотить его в каюту и никуда не выпустить до Камчатки!

Лишь лейтенант Головачев не разделял общего возмущения.

— Николая Петровича тоже можно понять, господа. Каково теперь его положение?

— Я не понимаю вас, господин Головачев, — с досадой отозвался Крузенштерн. — Вчера вы возмущались, что помощник Резанова, купец Шемелин, легкомысленно пускает в обмен топоры. Сами донесли мне о том, будучи на вахте. Из-за того и спор сегодняшний начат. А сейчас защищаете господина посланника...

— Я не о топорах, а о человеке, — тихо возразил Головачев. — Я защищаю Николая Петровича, потому что каждому из нас христианский долг велит быть терпеливым к ближнему...

— Ну вот, уже проповеди! — хохотнул Ратманов. — А мы-то радовались, что на корабле нет попа...

— Это не проповедь, Макар Иванович. Просто мне жаль господина Резанова. Даже посольские кавалеры его избегают...

— Видят, что виноват, — огрызнулся Толстой.

— Кто виноват, судить будут после...

— А вы хотите остаться в стороне? — запальчиво спросил Лисянский.

— Господа! — повысил голос Крузенштерн. — Не хватало еще нам поссориться в такой момент...

Ратманов сердито нахлобучил треуголку и ушел в каюту.

После обеда, когда страсти поулеглись и жизнь, казалось, входила в привычную колею, в каюту Ратманова шагнул поручик гвардии Толстой. Он был в парадном мундире и при шпаге.

— Господин лейтенант! Сегодня утром на шканцах вы сказали мне слова, которые не могут быть терпимы благородным человеком! Угодно вам выдать оружие?

— Что такое? — Ратманов сел на койке.

— Не притворяйтесь, что вы забыли утреннюю вашу грубость. Хотите увильнуть?

— Вы с ума сошли, граф, — утомленно сказал Макар Иванович. — Вас мне еще не хватало... Я первый лейтенант корабля, и служба не позволяет мне драться здесь на дуэли.

— А по-моему, вы просто трус!

Макар Иванович вздохнул и встал...

Через минуту вылетела на палубу шляпа с позыментом, затем шпага в ножнах, а следом — хозяин шпаги и шляпы граф Федор Толстой с крепким сиянием под глазом...

Случай этот позабавил многих и несколько дней служил темой для разговоров и ехидных шуток в кают-компани и на баке, где собирались матросы. Шемелин, сидя у себя в констапельской, не без юмора записывал в «Журнал», что подобный способ выяснять отношения гораздо лучше пистолетов и шпаг. Чем бы ни кончился такой поединок, оба противника останутся живы и могут далее служить на пользу государю и отечеству... Не правда ли, здравая мысль, Толик?

— Ага... А что с Резановым?

— Резанов с той поры заперся в каюте... Давай-ка я тебе лучше прочитаю, что об этом пишет Шемелин. Он про состояние Резанова очень выразительно рассказывает...

Арсений Викторович поднялся, взял со стеллажа папку, поднес к догорающим свечкам, безошибочно отыскал нужный лист. Стал читать, согнувшись над столом:

— «Обстоятельства, случившиеся в заливе Татио-Гое¹ (о которых да позволено будет мне умолчать), к тому жаркий климат и грубая пища довели его до того, что дух его лишился всей бодрости, после того воображались ему одни только ужасы смерти и ежеминутные о том опасения (хотя не было к тому никаких причин). Он при малейшем шуме, стуке на шканцах или в капитанской каюте происшедших изменялся в лице, трепетал и трясся; биение сердца было непрерывное. Он долгое время не мог приняться за перо и трясущимися руками что-либо изображать на бумаге; здоровье его в продолжении пути до Сандвичевых островов сколько за неимением свежей пищи, а больше от возмущения душевного и бес-

покойства разного рода так изнурилось и изнемогло, что мы опасались лишиться его навеки».

Курганов захлопнул папку (от чего огоньки свеч заметались и едва не погасли).

— Вот так и плыл Резанов и до Сандвичевых островов, и дальше, до самой Камчатки...

Толик почувствовал, что ему жаль Резанова. Но и досадно стало:

— А чего он так трясся-то? Даже Шемелин пишет, что причины не было...

— Мне кажется, Резанов испугался не Крузенштерна, а своей беспомощности. Такой вельможа, такой чин — и вдруг на корабле оказался без власти. Это его потрясло и сломило. Даже те, кто числился в его свите, избегали посланника. Да еще любимый повар его умер от чахотки, когда шли у Сандвичевых островов... В общем несладко было Николаю Петровичу Резанову.

Зато на Камчатке он отвел душу.

Едва ступив на берег в Петропавловске, Резанов объявил коменданту: «На корабле «Надежда» бунт против государя императора!»

— Ничего себе! — сказал Толик.

— Да... И отправил в Нижнекамчатск гонца за губернатором Кошелевым и ротой солдат для усмирения мятежного капитана...

Крузенштерн в своем «Путешествии вокруг света» ничего не пишет о ссоре с Резановым. Для него главное — плавание и открытия. И все же про этот эпизод в Петропавловске он сделал язвительное примечание: «Кому образ езды в Камчатке известен, тот ясно представить себе может, каких трудностей долженствовал стоить поспешный переезд 60-ти солдат из Нижнекамчатска в Петропавловск, отстоящий на 700 верст».

Резанов объявил Крузенштерна отрешенным от капитанской должности, поселился в доме коменданта и стал ждать губернатора, чтобы учинить судебное разбирательство.

Крузенштерн делал вид, что его это не касается. Занимался подготовкой «Надежды» к пути в Японию (хотя Резанов отказывался плыть дальше), ремонтом и разгрузкой... И удивлялся беспорядкам и бедности в хозяйстве знаменитой Российско-Американской компании, о богатстве которой в Петербурге ходили легенды. Приказчики воровали. Рядовые промышленники болели цингой, бедствовали и спивались. Людей не хватало. Некому было даже доставить из трюма на склады грузы. Основные товары в конце концов выгрузили, но полосное железо, что лежало в самой глубине, на месте балласта, осталось на корабле.

— Какое железо? Это обломки обручей, что ли? — Толик опять поморщился.

— Нет. Полосы ковкого железа, из которого в кузницах делают разные предметы — для кораблей, для мастерских... Там, в дальнем краю, оно было очень нужно. Однако выгрузить оказалось некому. Матросы занимались работами на корабле, на берегу людей не хватало...

— Так и привезли железо обратно в Кронштадт?

— Нет, но выгрузили гораздо позже, при треть-

¹ Туземное название бухты Анна-Мария у Нукагивы, где стояли «Надежда» и «Нева». Шемелин называет ее также Тоногай и Татио-Гое.

ем заходе на Камчатку. А сперва свозили в Японию и к Сахалину...

Я знаешь почему про это железо говорю? У меня в голове все время вертится сравнение: как железо лежало в трюме, так на душе у Крузенштерна лежала тяжесть. Чем это кончится? Он собрал все свое мужество и нес свою службу, словно ничего не случилось. С невозмутимым видом расхаживал по палубе, следил за работами, давал поручения офицерам, находил время пошутить с матросами. А ночью писал в большой тетради из грубой синей бумаги, скрипучим пером из гусиного крыла, свои наблюдения о жизни нукагивцев, о плавании к островам Сандвичевым и о том, как в непрерывных туманах, выполняя поручение министра коммерции графа Румянцева, искал он остров Огива-потто, которого не было на свете... Ни перед кем ни разу не выдал он тревоги. Но он же понимал: обвинение в бунте может стоить не только должности и чина, но и головы...

Наконец прибыл генерал-майор Кошелев с солдатами. Начались разборки. При губернаторе снова Резанов назвал Крузенштерна бунтовщиком. Тот с холодным спокойствием выложил на стол шпагу:

— Отправьте меня в Петербург. Плыть с вами, ваше превосходительство, дальше не считаю возможным.

— Это я не считаю!

— Тем более...

Неделю шло разбирательство. Ух как бушевал Резанов! Снова слышались слова: мятеж, бунт, казнь. Моряки понимали, что это не пустые угрозы. Сейчас на стороне Резанова была сила, была власть.

Все было... кроме корабля.

Посланник мог лишиться Крузенштерна командирской должности (и не раз объявлял об этом), мог устроить суд, мог, наверно, и в кандалы заковать строптивого капитана. Но заставить его вести корабль не мог, если тот не захочет.

А плыть-то было надо. Не выполнить волю императора и отказаться от посольской миссии его превосходительство не смел.

И Крузенштерн понимал, что надо плыть. Не ради посольских дел, не ради торговых планов. Для новых открытий, для науки. Для славы России и ее флота. Чтобы никто не сказал потом, что русские так и не сумели обойти вокруг света...

Понимал это и генерал-майор Кошелев.

Положение у губернатора оказалось трудное. Как представитель власти, он обязан был поддерживать посланника, царского вельможу с полномочиями. А по-человечески он сочувствовал Крузенштерну. Целых семь дней он с утра до вечера вел разговоры, стараясь помирить Резанова и офицеров «Надежды». Наконец примирение состоялось.

Резанову дали несколько солдат для личной охраны и большего почета. Кавалерами посольства были зачислены капитан местного гарнизона Федоров и брат губернатора поручик Кошелев. Живописец Курляндцев и доктор Бринкин, утомленные плаванием, отправились через Сибирь домой. Отбыл в Петербург и Федор Толстой. И Крузенштерн, и Резанов

одинаково рады были избавиться от скандального графа.

Окончание тяжких споров отпраздновали обедом на борту «Надежды» и салютом из пушек.

Дольше всех непримиримым оставался Ратманов. Требовал отправить его в Петербург, видеть не мог Резанова. Но уступил уговорам Крузенштерна, с которым они были «в совершенном дружестве». Тут, кстати, пришел приказ о производстве Ратманова в капитан-лейтенанты...

Вскоре «Надежда» отправилась с посольством в Японию...

— А «Нева»?

— Да «Невы» и не было в Петропавловске! Она же еще от Сандвичевых островов ушла своим маршрутом на Кадьяк!

— Ох, правильно. Я и забыл...

— Заговорил я тебя, Толик. Ты уже спишь...

— Нет... А с лейтенантом Головачевым-то что было? Почему он застрелился?

— Это еще долгий разговор... Тут опять многое связано с Резановым. Ты ведь читал у Нозикова о посольстве в Японию? Успеха там Резанов никакого не добился. Японцы жили замкнуто, вели торговлю только с голландцами и корабли других наций видеть у себя не хотели. Тогда Резанов... Э, да ты, кажется, спишь?

«Нисколько,— не то прошептал, не то подумал Толик.— Вы, пожалуйста, рассказывайте...»

Курганов что-то сказал еще, потом стало очень тихо. Только стучал в этой тишине хронометр. Будто на звонкое полосное железо роняли медные гвоздики.

Завести часы!

Утром, когда Толик с Султаном примчались домой, оказалось, что Варя тут как тут. Она прямо с новогоднего вечера в институте отправилась на вокзал, удачно купила билет на проходящий поезд Москва—Владивосток и в семь часов была уже дома.

Варя затормошила Толика, расцеловала его, расшвыряла елку, а Султан прыгал вокруг и пытался взвалить передние лапы Варе на плечи. На елке вертелись и позванивали шары...

Вечером пришли гости — Варинны бывшие одноклассники, мамина подруга тетя Римма. И Дмитрий Иванович пришел. Принес Толику в подарок книжку «800 лет Москвы»... Мама послала Толика к Эльзе Георгиевне, чтобы пригласить и ее.

В комнате Эльзы Георгиевны стояла мебель с завитушками и черное пианино с медными подсвечниками. А на коричневых обоях всюду белели наклеенные бумажные солдатки. Всякие. И старых времен — в ботфортах и треуголках, и красноармейцы в буденовках, и заграничные какие-то — в касках непривычной формы. Были и гладиаторы (как Спартак на коробке с карандашами), и севастьяпольские матросы прошлого века, и крестоносцы (как в фильме «Александр Невский»). Когда Толик с мамой

переехали в этот дом и зашли к Эльзе Георгиевне познакомиться, Толик просто глаза вытарачил. Мама тоже с интересом смотрела на солдатиков. А Эльза Георгиевна сказала непонятно:

— Пусть. Мне уже ничего не страшно...

Сейчас Эльза Георгиевна поотказывалась от приглашения, а потом пришла. Патефон сипловато играл «Рио-Риту». Варини друзья танцевали, цепляя плечами елочные ветви. Эльза Георгиевна с Дмитрием Ивановичем и тетей Риммой чокнулась рюмочкой ликера, поулыбалась, потом поднялась и стала разглядывать елку.

— Красавица,— сказала она.— Ах какая красавица... (Будто и не удивлялась недавно, зачем такая.) Вадим Валентинович тоже любил елки. Как ребенок. И всегда делал сам игрушки, особенно солдатиков... Странное увлечение, да? Характер был — мухи не обидит, а увлекался солдатиками... — Она вдруг коротко, со всхлипом рассмеялась.— Ну скажите, кому мог помешать тихий бухгалтер со своими бумажными солдатиками?

Дмитрий Иванович встал и что-то негромко стал ей говорить. Толик смотрел с беспокойством: Эльза Георгиевна могла расплакаться... Но к нему подскочила Галя — Варина подруга:

— Толик! Пошли танцевать! Тоже мне кавалер, стоит и глазами хлопает! — И завертела его по комнате.

...На следующий день Варя умчалась в свой Среднекамск. А каникулы покатались, как и полагалось каникулам — беззаботно и до обидного быстро. Днем Толик убежал на городскую площадь, где стояла елка, вертелась под музыку и карусель, а на ледяных горах мальчишки катались на фанерках и устраивали игру в «пятьсот веселых». Или с ребятами из своего класса, с Васькой Шумовым и еще с кем-нибудь, катался со склонов Земляного моста в логу. Особенно хорошо было кататься при луне. Луна стала уже почти круглая, и снег сверкал под ней голубыми огоньками, а ели и крыши сказочно чернели на зеленом небе...

Один раз Толик зашел к Арсению Викторовичу. Тот сидел за столом и писал. Толику он обрадовался:

— Молодец, что пришел! А я вот тут... Решил немного про детство Ивана Федоровича написать. Как он на «Надежде» вспоминает свои игры с братьями. У него много братьев было...

Толик почувствовал: хотя и рад ему Арсений Викторович, а хочет поскорее остаться один. Видно, не терпит ему опять сесть за рукопись. Но, торопливо прощаясь, Толик все же не удержался от короткого разговора:

— Арсений Викторович, вот эта карта у вас — она морская?

— Вполне... Это меркаторская карта мира. Был такой ученый — Герард Меркатор, он придумал эту картографическую проекцию, когда параллели и меридианы пересекаются под прямым углом. Очень удобно для штурманского дела... Я, наверное, непонятно объясняю?

— Понятно,— соврал Толик.— Она с корабля?

— Едва ли. На судах карты поменьше, а такие

висят в парходных конторах, в кабинетах адмиралов... Я ее добыл случайно в Ленинграде у родственников давнего знакомого. Она была спрятана в старый диван, и ее чудом не сожгли... До войны у меня была такая же, я на ней проложил весь путь Крузенштерна...

— Здесь тоже он начерчен,— заметил Толик.

— Да, только более схематично. Я его по памяти прокладывал... А на той было все точнеем образом. У Крузенштерна в третьем томе «Путешествия» есть таблицы с ежедневными координатами «Надежды», вот я по ним... Впрочем, это не так уж важно. Главное — основные пункты. Порты, острова...

Толик нашел глазами Нукагиву, потом остров Святой Елены. И подумал, что до сих пор не знает подробностей о лейтенанте Головачеве. Но не время было спрашивать...

По вечерам Толик с гудящими от дневной беготни ногами и с ощущением сладкой беззаботности устраивался с книжкой под елкой. Елка все еще стояла свежая, не осыпалась. Читал Толик второй раз «Русских кругосветных мореплавателей» (хотя Арсений Викторович и ругал автора Нозикова, но все равно было интересно), читал «800 лет Москвы». А еще — толстую потрепанную книжку, где были разные повести и рассказы: про поиски корабля «Черный принц», про разные смешные случаи, про веселых ребятшек Миньку и Лелю. Правда, мама разрешала эту книгу читать только, если нет посторонних. Потому что о писателе Зошенко было сказано недавно, что он вредный и ошибочный.

Конечно, ничего вредного в веселых рассказах не было, это мог увидеть любой, кто умел читать. Скорее всего писатель просто поругался с начальством, как прошлым летом поругалась мама с ответственным секретарем газеты, и тот пообещал «написать куда следует». Хорошо, что вмешался главный редактор. А у писателя, видимо, не нашлось такого редактора...

У мамы, кажется, и сейчас, в январе, что-то не ладилось на работе. А может быть, в отношениях с Дмитрием Ивановичем. Иногда она приходила домой расстроенная и сердитая. Так случилось и в тот день, когда Толик получил обидную, дурацкую двойку.

Давно уже кончились каникулы и шла «решающая» третья четверть. На уроке истории Васька Шумов спросил Толика, пойдет ли тот сегодня в лог кататься на лыжах. Толик сказал, что у лыжи порвался ремень. Васька сказал: «Долго починить, что ли...»

А Вера Николаевна (у которой, видно, тоже было сегодня неважное настроение) скрестила могучие руки и спросила:

— Нечаев и Шумов! О чем я сейчас говорила?

Ваське откуда знать? Встал и глазами хлопает.

— Как богатые казаки предали Пугачева... — прошептал Толик.

— Нечего подсказывать! — грозно заявила Вера Николаевна. — Умник какой! Сперва отвлекает соседа

по парте, а потом еще подсказывает! Давайте оба дневники!

Это было так несправедливо, что хоть волком вой. Но не реветь же при целом классе. Васька и Толик понесли к столу тощие самодельные дневники (настоящих ни у кого в Новотуринске не было, они, говорят, только в больших городах выдавались школьникам).

— Балда,— шепотом сказал Толик Шумову.— Из-за твоих дурацких разговоров...

Васька даже не огрызнулся, только сопел.

Толик не скрывал от мамы своих двоек (в общем-то довольно редких). А про эту тем более молчать не собирался. Наоборот, он вправе был рассчитывать даже на мамино сочувствие. В самом деле, за что двойка? Если бы он урока не знал...

Но мама сообщила Толику, что он балбес, разгильдяй и двоечник. Нормальные ученики не треплют языком на уроках, а слушают учительницу. И будет не удивительно, если Толик схватит по истории двойку за четверть, а потом за год, и его не допустят к выпускным экзаменам в начальной школе.

Это была уже совсем чушь непролазная, но ведь маме так не скажешь. И все же Толик не удержался:

— Я не виноват...— начал он и от обиды чуть не брякнул: «...что ты опять с Дмитрием Ивановичем поссорилась». Но, к счастью, удержался. Сказал только:— ...если у тебя какие-то неприятности.

Мама сообщила, что главная ее неприятность — это сын, который растет бестолочью и таскает из школы двойки.

— Не двойки, а двойку! Да и то ни за что!

Мама оделась и ушла, крепко стукнув дверью. То ли в редакцию на сверхурочную работу, то ли по другим делам. Толик не любил, когда мама уходила вот так, не сказав, куда и надолго ли. И страдал целый вечер. А она вернулась поздно. Толик обрадовался, но тут же вспомнил все обиды и молча улегся спать.

Так и случилось, что о важном и тревожном событии узнал он лишь утром.

Когда Толик торопливо глотал жареную картошку, мама сказала:

— Арсения Викторовича положили в больницу, очень обострился бронхит. Он вчера звонил мне оттуда... Просил тебя зайти к нему домой, завести часы, чтобы не остановились. Сказал, что ключ от комнаты под крыльцом, под нижней ступенькой...

Толик уронил вилку.

— А когда положили?

— Еще позавчера. А вчера в обед он позвонил.

— Что же ты вчера мне не сказала!— взвыл Толик.

— Вчера? Ты мне такой сюрпризик принес...

— Да при чем тут сюрпризик! Часы-то останавливаются!

— Ну и что? Заведешь, и опять пойдут...

Тратить время на объяснения не имело смысла. Все решали минуты...

Толик не был примерным учеником. Но и про-

гуливать уроки ему еще не приходилось. Это вам не двойка, легкой нахлобучкой тут не кончится. И конечно, решился на такое дело он не без терзаний. Но терзания эти не были слишком велики, и — самое главное — испытывал их Толик на бегу, когда по темным еще улицам мчался не к школе, а к дому Курганова. Потому что сильнее всех мыслей была мысль о хронометре. Лишь бы успеть!

Что он скажет Арсению Викторовичу, если хронометр остановится? Мама виновата?

Неважно, кто виноват, если часы встали. Они не должны стоять, это морской закон.

Это не только Курганова часы, они еще и Толика... немного... Под их живое стучанье он уходил в плавание с Крузенштерном. И если Толик не успеет, он... Будто он не сумел кого-то спасти!

Ключ Толик отыскал сразу. Снял всякий замок, проскочил сени (сшиб при этом коромысло), влетел в комнату.

И сразу понял, что опоздал. Сумрак покинутого хозяином жилья заполняла глухая тишина.

Толик нащупал выключатель. Коричневый ящик со стеклянной крышечкой стоял посреди стола. Толик, все еще на что-то надеясь, поднял крышку...

Хронометр остановился совсем недавно, в те минуты, когда Толик выскочил из дома и спешил сюда. Стрелки показывали восемь часов семь минут. И двадцать три секунды... Маленькая стрелка на счетчике завода дошла до числа сорок восемь. Больше двух суток пружина не тянула...

Толик с минуту потерянно смотрел на белый циферблат с римскими цифрами и маркой английской фирмы — слово «СООК» в овале.

Из-под деревянного футляра выглядывал уголок бумаги. Это была записка.

Толик!

Довел меня бронхит до больницы. Обо мне-то позаботятся, а о хронометре позаботиться некому. Очень тебя прошу, будь его хозяином, пока я не вернусь, возьми его домой, заводи каждое утро в восемь. Мне кажется, я даже поправлюсь скорее, если буду знать, что он тикает исправно.

Большая просьба: уложи хронометр в сумку (она под столом) и неси плавно. Не ставь на стопор, пусть будет, как на корабле во время движения...

Я на тебя надеюсь, Толик. Спасибо тебе заранее.

А. Курганов

Он надеется... Что делать?

Завести хронометр снова — дело нехитрое. Но как поставить точное время?

В девять часов будет по радио сигнал точности. Можно отвинтить стекло, установить стрелки на девять и при сигнале резко крутнуть футляр за ручки. Арсений Викторович говорил, что именно так пускают заведенные хронометры... Да, но секундная-то стрелка не вверху, не в начале круга. А руками эту стрелку не переведешь, она — чуткая и тонкая — намертво связана с механизмом. Можно лишь дожидаться, когда она дойдет до ноля, и остановить, задержав балансир. Но для этого надо вынимать механизм. Живой, хрупкий, точнейший... Толик на такое никогда не решится.

Он видел только раз, как это делает Арсений Викторович, а чтобы самому — страшно и подумать!

Но как же быть-то?!

Толик не верил в приметы. Он считал глупостью, когда люди суют палец в чернильницу-непроливайку, чтобы не получить двойку за контрольную. Не боялся запинаться левой ногой, проходить под косыми подпорками телеграфных столбов и вовсе не считал, что белая бабочка-капустница приносит беду. Даже к черным кошкам относился без опаски... Правда, летом, если накатывала грозовая туча, Толик сцеплял пальцы в замочек и шептал: «Я не твой, я не твой, обойди стороной...» Но это потому, что с грозами не шутят. В позапрошлом году на углу Запольной и Казанской молния в щепки разнесла столетний тополь. Толик с мамой под зонтиком бежали к дому, а тут как шарахнуло!..

Да, в приметы он почти не верил, но сейчас казалось, что замерший хронометр предвещает беду своему хозяину. И чем дольше он стоит, тем хуже Арсению Викторовичу...

Толик беспомощно глянул по сторонам. С рисунка на карте на него смотрел — совсем не весело, укоризненно — бородатый Нептун. Надо было что-то решать.

Толик подумал, что выход один: пусть Арсений Викторович сам заведет и пустит хронометр.

Больницу искал Толик больше двух часов. Он знал, что она где-то на краю города, за фабрикой «Красный обувщик». Но оказалось, что там инфекционная больница, а больные бронхитом лежат в другой, у стадиона. Толик поехал туда — на тряском зеленом автобусе, который нырял в рытвинах не хуже парусника на волнах (хорошо, что хронометр в кардановом подвесе). Потом Толик долго ходил вдоль серого больничного забора и наконец нашел калитку с табличкой «Приемный покой».

Отчаянье прибавило Толику храбрости, и в домике приемного покоя он толково изложил свою просьбу ворчливой тетеньке в пятнистом халате — не то санитарке, не то уборщице. Надо, мол, узнать, в какой палате лежит Арсений Викторович Курганов, и надо повидать этого Арсения Викторовича по до зарезу важному делу.

Фамилию Курганова тетенька в списке нашла. Но пустить Толика отказалась. Не полагается, мол.

— Но почему не полагается? Это же не заразная больница!

— Ишь ты, «не заразная»! Мало ли что! Детей вообще пускать не велено — это раз! К тем, кто недавно поступил, совсем никого так быстро не пускают — это два! И часы не приемные!

Толик уронил слезу. Санитарка смягчилась. Как раз вышел из внутренней двери и стал копаться в списках усатый мужчина в пальто, из-под которого выглядывал белый халат.

— Игорь Семенович, тут вот мальчонка просится к больному в третью палату, дело, говорит, первой важности...

Но мужчина, не отрываясь от бумаг, хмуро сказал:

— Какая третья палата... Сегодня по всему корпусу объявляем карантин. — Выдернул листок и ушел.

— Вот! — сказала тетка. — Хоть плачь, хоть не плачь. Карантин — дело категорическое.

И Толик, хлюпая носом, ушел. Он решил было на отчаянный шаг: отыскать в заборе щель, потом найти корпус с третьей палатой. Может, проскочит. А поймают — не убьют же... И не страх остановил Толика, а неожиданная мысль: Курганову нельзя знать, что хронометр остановился!

Толик — дурак! Надо было сразу сообразить: Арсений Викторович расстроится! Для него непрерывный ход хронометра — это своя важная примета. Не зря же звонил маме, просил Толика... Ему и так не сладко, а когда он узнает о хронометре, совсем разболеется. А может быть, и... ну, всякое же бывает...

Была оттепель, серый снег оседал у заборов, горлачили в больничных тополях вороны. Толик побрел к дому пешком, потому что мелочи на автобус уже не было. Мимо стадиона, мимо рынка, потом по длинному проспекту Коммунарков... Недалеко от почты он увидел синюю вывеску «Часовая мастерская».

И опять отчаянье добавило ему смелости...

В мастерской было тихо, но тишина эта состояла из разного тиканья десятков часов. Они висели на стенах и лежали на прилавке — за стеклянной перегородкой с окошком. Там же, за стеклом, Толик увидел пожилого лысого мужчину с мясистым носом. В глазу мужчины торчала короткая серебристая трубка — он разглядывал через нее часики.

Толик сказал «здрассте», мастер уронил трубку в ладонь и крунулся на стуле (видно, стул был вращающийся).

— Вам что, молодой человек?

— Скажите, пожалуйста, вы не могли бы завести и пустить хронометр? Только точно, до секунды...

— Хронометр?

— Ага. Морской... Он остановился.

— Лю-бо-пытно... — Мастер вытянул худую шею. — Разреши-ка посмотреть...

Толик, задержав дыхание, вынул ящичек из сумки. Двинул его в окошко по скользкому стеклу прилавка.

— Он исправный, только его не успели завести...

— Так-с, так-с, так-с... — произнес мастер, словно подражая крупным часам. И умело откинул крышку. — Лю-бо-пытно... В самом деле. Откуда у тебя столь интересный прибор?

— Это моего знакомого. Его в больницу положили, а он просил меня завести, а я не успел.

— Непростительная небрежность.

— Я не виноват, я поздно узнал...

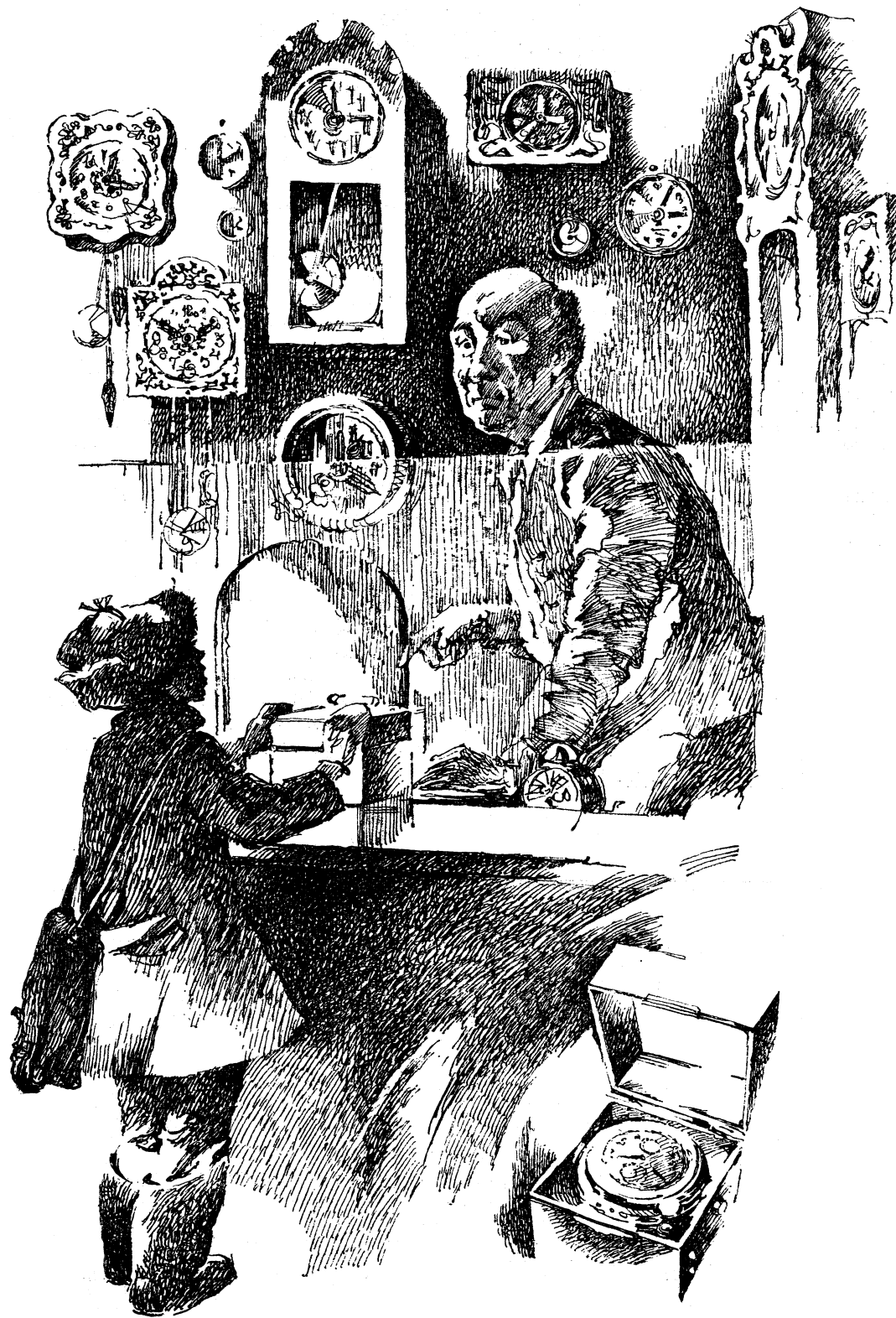
— Что узнал? — Мастер быстро глянул на Толика.

— Ну... что он просил...

— Странно... Ладно. — Мастер придвинул к себе стопку бумажек и карандаш. — Фамилия?

— Чья? Арсения Викторовича?

— Твоя.

— Зачем? — удивился Толик. И встревожился.
 — Должен же я заполнить квитанцию.
 — А... что, надо деньги платить? — растерялся Толик.

— Не в деньгах дело. Просто мне надо оформить заказ.

— Тут же только стрелки поставить да завести...
 — Это неважно. У нас, молодой человек, порядок. Я — не частная лавочка.

— Нечаев моя фамилия, — сказал Толик... — Ана-толий... Адрес надо? Заполняя, одиннадцать.

— Угу... Школа и класс?

— Это, что ли, тоже для квитанции?

— Тоже.

— Пожалуйста... Десятая, начальная. Четвертый «А».

— Прекрасно... Вечерком зайти.

— Почему вечерком? Тут же пустяк...

— У меня заказы. Не могу я заниматься твоими часами без очереди. К шести приходи. Лучше, если с хозяином хронометра.

— Он же в больнице!

— Тогда с мамой или с папой.

— Зачем?

— Ну, подумайте, молодой человек, — ласково произнес мастер и уставился на Толика похожими на коричневых жучков глазами. — Вы приносите мне уникальную вещь. Рассказываете довольно-таки путаную историю...

— Вы что, думаете, я украд? — тонким до звона голосом спросил Толик.

— Я ничего не думаю. Придешь вечером с кем-нибудь из взрослых — все будет ясно...

— Тогда... тогда квитанцию-то дайте! Что хронометр у вас...

— Квитанции мы детям не даем. Вот придут мама или папа...

— А зачем тогда писали? — обмирая, спросил Толик. Он понял, что попал в новую беду. В самую большую сегодня.

— Писал, потому что писал... Да свиданья, молодой человек. По-моему, вам в этот час надо быть на уроках...

— Подождите... — Мысли Толика застучали отчетливо, как шестеренки. — А вдруг мама к вам без меня придет? Я... я со второй смены учусь. А мама вас не знает. Напишите хоть вашу фамилию.

Не нужна ему фамилия мастера. Надо только, чтобы часовщик хоть на две секунды отвлекся. Вот так: он пожимает плечами («Фамилию? Пожалуй-ста»), берет карандаш, наклоняет голову...

Толик стремительно сунул в окошко руки, захлопнул крышку футляра, быстро — очень быстро, но плавно, без рывка — потянул к себе хронометр. Мастер вздрогнул, рука его шлепнула по тому месту, где только что стоял ящик. Поздно!

Толик ухватил футляр за ручки и спиной толкнул дверь. Услышал за собой крик. Побежал.

Он очень торопился, но даже в этом отчаянном беге помнил, что нельзя делать резких толчков. И старался, чтобы хронометр словно летел перед ним по ровной линии... Брензовая полевая сумка

с учебниками прыгала на боку. Валенки стали тяжелыми, будто сыростью набухли. Несколько раз показалось Толику опять, что сзади кричат, даже милицейский свисток почудился. Но это уже явно с перепугу...

Отдышался он только дома. Сел на кровать, поставил хронометр перед собой на половик. Стал думать с горьким удивлением: что случилось? Почему несчастья цепляются одно за другое?

Может, не стоило бежать... Ага, а если бы часовщик вечером сказал: «Какой хронометр? Я этого мальчишка первый раз вижу. Квитанция есть?» Не бывает, что ли, жуликов среди часовых мастеров? Эльза Георгиевна рассказывала, как ей до войны подменили золотой корпус часиков позолоченным...

Впрочем, какой смысл гадать, что «было бы»? Хронометр — вот он. А что делать дальше?

Стучали ходики. Неточные, домашние. Но так или иначе они показывали половину второго, и это было почти правильно, если не придираться к одной-двум минутам. Странно, что мама еще не пришла на обед... Дребезжаше играло бодрую музыку радио. Через полчаса, в двенадцать по-московскому, в два по-местному, будет опять проверка времени.

Решайся, Толик...

Казалось, что если хронометр заработает, все неприятности — и вчерашняя двойка, и сегодняшний прогул, и то, что за этот прогул будет потом, — сделаются мелкими, неважными. И болезнь Арсения Викторовича окажется неопасной. И повесть «Острова в океане» будет дописана... И все будет правильно, справедливо.

Толик поставил хронометр на стол. Открыл футляр. Повернул влево стекло в медном зубчатом ободке. Ободок пошел по резьбе мягко, легко, это слегка приобавило Толику смелости.

Он свинтил до конца и отложил стекло.

Теперь надо было сделать то, что казалось самым опасным.

Толик положил растопыренные пальцы левой руки на края циферблата. Сердце застучало так, словно где-то в пищевode запрыгал тугой резиновый мячик. Толик переглотнул. Он понимал, что если что-то надломит, сорвет, нарушит в тонком организме точнейшего прибора, не будет прощенья. Ни от Арсения Викторовича, ни от мамы, ни от себя. Ни от всего белого света...

Но отступить он уже не мог. Медленно-медленно стал поворачивать котелок хронометра в кольцо. Дальше, дальше... Ну, скоро ли? Ой... Механизм тяжело выскользнул из котелка и осел у Толика в пальцах. Секундная стрелка на миг щекочуще коснулась ладони.

Нельзя, чтобы касалась, она такая чуткая, беззащитная...

Вот оно, сердце хронометра. Медные колесики и валики с цепочкой. Вот он — горизонтальный баланси́р. Оказывается, это не кольцо, а два полукольца.

Толик, стискивая пальцы на краях циферблата, опять повернул механизм стрелками вверх. Задержав дыхание, ногтем толкнул грузик баланси́ра.

«День-так, день-так...» — радостно ожил хронометр. Секундная стрелка побежала по своему кругу. Но через несколько мгновений опять замерла — не было завода...

Толик качнул балансир еще. Еще... Вот уже стрелка рядом с цифрой шестьдесят. Не проскочила бы! Стоп... Толик придержал медный цилиндрок. Точно!

Теперь положить механизм обратно в котелок (от него пахнет медью, как от старой артиллерийской гильзы, которую Толик выменял у Васьки Шумова на трубку от противогаса). Опускать надо легко, чтобы механизм не вырвался, не стукнул о край... Ой, что-то все же стукнуло! Это контрольный шпенек вошел в прорезь на кромке котелка, это ничего...

Теперь — перевести большие стрелки. С ними просто, почти как на ходиках. Главное, чтобы минутная оказалась строго на верхней черте. Вот так. Два часа...

Толик навинтил стекло.

До пуска оставалось еще одно дело — завести пружину. Но это уже легче, Толик это умел. Надо лишь стараться, чтобы хронометр не затиал сам собой, раньше сигнала! Тогда начинай все снова.

Не затиал...

Толик поставил карданное кольцо на стопор и стал ждать.

Как всегда в таких случаях, минуты тянулись будто разжеванная ириска. И конечно, Толик извелся: то шагал из угла в угол, то на ходики смотрел, то пробовал читать новую «Пионерскую правду». То садился, то вставал... Можно было бы разогреть суп и пообедать, но про это и думать не хотелось... Думалось про сегодняшние приключения. Вспомнилось и то, что сумка от хронометра осталась в мастерской... Ну и пусть. Она старая, порванная, Арсений Викторович не рассердится.

Лишь бы хронометр пошел...

Наконец радио сказало деловитым женским голосом:

— После проверки времени слушайте последние известия. А сейчас, товарищи, проверьте часы. Третий, короткий, сигнал дается в двенадцать часов по московскому времени...

И «шелк-шелк, шелк-шелк» — застучали в репродукторе самые точные часы страны. Когда Толик их слышал, ему представлялась мощная площадь, строй солдат, а вдоль строя идет отдавать рапорт офицер с саблей наголо. Сухо бьют о камень подошвы блестящих сапог. Солнце дрожит на кончике клинка. И так — целая минута. Потом офицер останавливается...

— Вот он голубчик! Полюбуйтесь, Вера Николаевна!

Что это? Он и не слышал, как мама вошла! Слышал только шелканье и, сжавши медные ручки футляра, готовился толкнуть хронометр. Но...

— Вот он!.. Где ты был?!

И Вера Николаевна здесь. Она-то зачем?.. Нет, это потом. Все потом!

— Ну, подождите пять секунд! — Он сказал это так отчаянно, что мама и Вера Николаевна замерли.

...Офицер остановился перед генералом. Метнулась сабля — в три приема: вверх, в сторону, вниз! Тонко поет рассекаемый воздух: «Пиу... пиу... пинь!»

Раз! — Толик резко повернул ящик. И обмер: стрелка стояла... Но она стояла лишь очень краткий миг. Просто этот миг показался Толику нестерпимо долгим. И вот: «День-так, день-так...»

Толик обернулся: теперь с ним делайте, что хотите.

Портрет

В одну минуту узнал Толик, что человек он конченный. Мало того, что хватает двойки и сбегает с уроков, так еще впутался в какую-то скандальную историю с часами! Надо же — в школу звонили из мастерской! Ученик — воришка! Бедная Вера Николаевна! Она бросает все дела и мчится к прогульщику Нечаеву! И встречает маму, которая и не ведаёт о похождениях милого сына. Мама думала, что он уже взрослый. Что ему можно доверять!..

Толик был не из тех людей, которые упираются в пол глазами и каменно молчат, когда на голову сыплются упрёки. А если упрёки несправедливые — тем более!

Это он-то воришка? Мастер сам хотел зажить часы Арсения Викторовича, жулик несчастный!.. Ну и что же, что взрослый? Не бывает, что ли, взрослых жуликов? Обидно стало, что не сумел присвоить хронометр, вот и наябедничал в школу!..

Кто прогульщик? Прогульщики те, кто вместо уроков в кино ходят или на каток! А он больницу искал... А что было делать, если часы встали? Он, что ли, виноват? А кто ему не сказал вовремя про звонок Арсения Викторовича, молчал целые сутки?.. Конечно, как правду скажешь, так сразу «не смей грубить»... Ну и что же, что двойка? Хронометр-то при чем? Да и двойка-то ни за что! Если всем двойки ставить, кто к соседу повернется и два слова скажет, тогда сплошь второгодники будут... Ох уж, никогда не лупила! А летом кто его огрел по шее пучком моркови?.. Ага, «шутя»! Ничего себе шутки...

Что «после школы»? Должен был отсидеть уроки, а потом идти к Арсению Викторовичу? Ну, почему никто не хочет понять: надо было успеть, пока хронометр не остановился!

— Ну а потом-то! — мама возмущенно и беспомощно всплеснула руками. — Когда ты увидел, что он все равно остановился, почему нельзя было пойти на уроки?

— Но когда это случилось, я думал, что ли, об уроках? — в сердцах сказал Толик.

— Вот! — мама устремила в него палец и повернулась к Вере Николаевне. — С этого и начинается, верно? Сначала человек не думает об уроках и хватается двойки, потом болтается по городу, попадает в дурацкие истории. А там, глядишь, и в милицию. И до колонии недалеко...

— Тпру... — вдруг сказала Вера Николаевна.

Словно лошадь останавливала. Во время перепалки мамы с Толиком она сидела на стуле, куталась в шаль и молчала — грузная, с большим морщинистым лицом и крупными руками в синих жилках. И вот:

— Тпру... — Так она обычно в классе утихомиривала расшумевшихся своих питомцев. — Давайте-ка, Людмила Трофимовна, передохнем... Чего-то не туда мы поехали, за пять минут человека до колонии довели... А ты перестань реветь, мужик ведь...

Мама удивленно притихла. Толик вытер глаза.

— Давайте-ка разматывать обратно, — решила Вера Николаевна. — Значит, что? Часовщик этот... Ну, с ним ясно, есть такие шибко бдительные... Теперь уроки... Ну, бывает иногда в жизни и такое. Если неожиданно срочное дело, куда денешься-то? Это, как военные люди говорят, «непредвиденные и чрезвычайные обстоятельства». Муж у меня так говорил... А обстоятельства-то, я смотрю, получились из-за двойки...

— Не болтал бы на уроке — не было бы двойки, — без прежней уверенности сказала мама.

— Вот и я говорю... Да только где лекарство, чтоб они не болтали-то? — Она усмехнулась. — Может, правда связкой моркови по шее?.. Анатолий, запиши задания на завтра, а то настоящих двоек нахватает... Любитель приключений...

Толик суетливо выдернул из сумки дневник и ручку. Схватил с подоконника непроливашку.

— Пиши, — сказала Вера Николаевна. — Или лучше дай сюда, я сама. Знаю, как ты копаешься со своим почерком...

Она записала номера упражнений и задачек, потом вздохнула и крест-накрест перечеркнула вчерашнюю двойку.

Мама быстро взглянула на Толика. Он вместо радости испытал мучительную неловкость. Отвернулся и смотрел в угол. Вера Николаевна грузно поднялась со стула.

— Людмила Трофимовна, пойдемте на кухню, что ли... Пускай он уроки учит, а нам надо еще насчет родительского собрания поговорить...

Толик остался один. Сел. Вот и все, распутался несчастливый узел. Так и должно было случиться — потому что хронометр идет, как прежде... Одно только скребет душу: стыдно перед Верой Николаевной за недавние слезы. Но и это не так уж страшно. Главное, что хронометр — «день-так, день-так»...

Толик поглядел медную ручку футляра. Она была теплая. Тонкая изогнутая ручка — будто на старинном сундучке. Видно, правду говорил Арсений Викторович, что в прошлом веке хронометры были такие же... В те удивительные времена, когда еще оставались в океанах неоткрытые острова. Когда еще... как это сказал Курганов? Хорошие такие слова, будто стихи: «Когда Земля еще вся тайнами дышала...» Сразу видно, что он писатель...

Когда Земля еще вся тайнами дышала...

И было много неизведанной земли...

Два наших корабля... вокруг земного шара...

Бесстрашно пошли...

Нет, не так... «Сквозь бури и шторма на поиски пошли»...

На поиски чего?

Далеких островов вдали вздымались скалы
И тайною была морская глубина,

Ух ты, как здорово получается! Ну-ка, сначала...

...Вера Николаевна, уходя, не заглянула в комнату, не стала прощаться с Толиком. Видимо, понимала, что ему стыдно за слезы. И Толик был ей благодарен. Но мысли о Вере Николаевне скользнули и пропали. Потому что под уверенно-ласковое тиканье выстраивались в строчке слова:

Два русских корабля вокруг земного шара...

Толик вспомнил, как однажды держал земной шар в руках. Вера Николаевна попросила принести из учительской в класс глобус. Толик одной рукой сжимал подставку, а другой обнимал все материки и океаны. Шар был теплый, и казалось, что он слегка пульсирует. Словно отзывается на толчки Толькиного сердца...

Вошла мама. Постояла рядом.

— Хватит уж дуться, прогульщик...

Толик сказал, положив на стол локти, а на локти голову:

— Ма-а... Я хочу глобус.

— Да?.. Очень хорошо.

— Правда? — Толик подскочил на стуле.

— Конечно. А то захотел бы ты, например, паровоз... или луну с неба. Или, скажем, египетскую пирамиду...

— При чем здесь пирамида? — сразу обиделся Толик.

— А глобус? Где его взять-то?

— Может, на толкучке... Там всякие вещи попадают.

— Ну... если когда увижу, спрошу, сколько стоит... А что вдруг у тебя за фантазия? Ни с того ни с сего...

— Я давно хотел. Просто как-то забывал сказать... Это ведь не игрушка, а для пользы. Учебное пособие.

Мама села напротив Толика.

— Какой ты вдруг прилежный стал... Я напишу Варе, в Среднекамске есть, кажется, магазин учебных пособий. Только не знаю, продают ли там что-то простым покупателям. Скорее всего он для школ.

— Пусть она попросит как следует!

— А можно с Дмитрием Ивановичем поговорить. У него в Ленинграде есть знакомые. Там, наверно, легче купить...

— Ага, поговори... — Толик опять лег щекой на локоть. — Ма-а... А ты с ним, значит, помирилась, да?

— Анатолий! Сколько раз говорила: не суйся не в свои дела!.. А то будет не глобус, а выволочка.

— Глобус лучше, — мечтательно сказал Толик. И прикрыл глаза. И увидел почти что наяву шар с коричнево-зелеными материками, с голубыми океанами. С четкой синей линией экватора...

— Мама, а почему экватор называют равноденственной чертой?

— Ох, не знаю... не помню.

— А еще большая, — поддел Толик.

— Ну и что? Это ты сейчас географию учишь, а не я.

— Мы про такое еще не проходили... Это как-то с солнцем связано... Мама, а ты знаешь, что у Арсения Викторовича день рожденья в равноденствие?

— «День-день-день», — сказала мама. — Я смотрю, ты совсем не собираешься садиться за уроки.

— Собираюсь... А как ты думаешь, его выпишут к двадцать первому марта?

— Я надеюсь. Полтора месяца впереди.

— Я ему подарок сделаю...

На следующий день после школы Толик забежал к маме в редакцию и там у маминой знакомой Веры Максимовны попросил лист плотной желтоватой бумаги (из нее делали конверты).

Дома Толик в книжке Нозикова расчертил мелкими клетками портрет Крузенштерна. Лист он разметил крупными квадратами и перенес портрет по клеткам на бумагу. Похоже получилось! Толику даже показалось, что на большом портрете Иван Федорович стал как-то симпатичнее, мужественнее.

Разумеется, это были только основные контуры. Надо нанести тени, тронуть лицо разными карандашами. Конечно, не размалевывать, а лишь чуть-чуть добавить цвета...

Интересно, какие были у Крузенштерна глаза? Наверно, голубые, как у Толика. Он ведь тоже был белобрысый. То есть белокурый...

Толик не торопился. Несколько вечеров сидел над бумагой. Конечно, хотелось кончить поскорее, но он боялся испортить портрет. Надо было рисовать очень осторожно. Лицо человеческое — штука капризная: чуть не так проведешь черту, и все сходство куда-то пропадает... Толик сопел над листом, водил по нему то карандашом, то резинкой, и казалось ему иногда, что зря все это он затеял. Арсений Викторович сам вон как рисует! Посмотрит на Толькино «произведение искусства», вежливо похвалит, а про себя подумает: «Ну и уродину он нарисовал!»

Наверно, и правда ничего не получается. Ничуть не похоже на то, что в книжке...

Но... нет, все-таки похоже. Смотрит с бумаги строго и смело обветренный голубоглазый моряк. Флота капитан-лейтенант Крузенштерн...

Мама растрепала Толику чубчик.

— До чего талантливое у меня дитя, просто ужас. И поэт, и художник...

«Поэт!» Мама вспомнила, видимо, стихи про новгородный месяц. Новые строчки, про корабли, она еще не знала.

Никакой он не поэт и не художник. Стихи придумались сами собой, а за портрет он взялся, чтобы сделать подарок, только и всего. А в будущем он такими делами и не думает заниматься. Кем Толик собирается стать, известно давно. Еще с первого класса, когда он намалевал на руке чернилами громадный якорь — был за то поставлен Верой Николаевной у доски...

Итак, портрет был почти готов. Потому что

лицо — это самое главное. Оставалось раскрасить мундир и нарисовать на заднем плане облака и паруса. Толик решил, что эполетами, орденами и корабельной оснасткой займется завтра.

Но... на следующий день мама получила зарплату, дала три рубля, и Толик помчался смотреть старую, но самую лучшую на свете комедию «Веселые ребята». Музыкальную, с песнями.

Черная стрелка проходит циферблат,
Быстро, как белка, колесики стучат...

Словно про хронометр песенка...

Бегут-бегут, бегут-бегут —
И месяц пролетел...

И в самом деле пролетел месяц! Незаметно. Каждый день какие-то дела находились. То катанье на лыжах, то уроков целая куча, то книжка «Таинственный остров» (такая, что не оторвешься, толстенная, а Шумов дал ее всего на пять дней).

И вот уже — капель с крыши и похожие на вату облака, и смотришь — восьмой час вечера, а на дворе светло.

И Восьмое марта на носу...

Толик за три рубля пятьдесят копеек купил в киоске на углу Первомайской пластмассовый гребень с гранеными камушками-стекляшками. Будет маме подарок.

Домой Толик прибежал веселый и голодный. Был уже четвертый час, потому что в школе долго репетировали номера для праздничного утренника. Мама, конечно, давно ушла с перерыва на работу, в комнате было тихо.

Совсем тихо.

Потому что... не тикал хронометр.

Он же не мог остановиться! Толик заводил его каждое утро, в восемь ровно, ни разу не забыл, не опоздал. И хронометр шел точно, только за каждые пять суток набирал лишнюю секунду.

И стучал уверенно, звонко, весело.

А теперь что с ним? Он... его просто не было!

На средней полке этажерки, где всегда стоял хронометр, лежала записка. Мамина.

«Толик! Приходил Арсений Викторович, его наконец выписали. Он взял часы и ключ. Жалел, что не застал тебя, просил зайти. Где тебя носит? Победай и садись за уроки. Суп в кухне на подоконнике, картошка на сковороде...»

Толик сел на кровать, не сняв пальто и отсыревших валенок. Грустно стало. И даже обидно.

Привык он к хронометру. Словно к живому привок. По утрам он вскакивал, радовался медному «динь-так», и настроение становилось таким же звонким... Приходил из школы, и снова: «Динь-так, динь-так, здравствуй!..»

Жил хронометр на этажерке, но когда Толик готовил уроки, ставил его перед собой. А если читал, лежа пузом на кровати, хронометр устраивал на подоконнике, поближе к изголовью. И звонкий рога-тый месяц заглядывал в окошко и прислушивался к тиканью с интересом и легкой завистью...

Конечно, Толику и в голову не приходило, что хронометр останется у него навсегда. И хорошо, что

Арсений Викторович выписался. Но... как-то все не так получилось. Неправильно. Толик думал, что он отнесет хронометр Курганову сам, и Арсений Викторович удивится и обрадуется, как четко и точно работает механизм. И может быть, они опять разожгут камин, и Арсений Викторович спросит: «А что, если я тебе, Толик, почитаю несколько страничек, а? Я там, в больнице, кое-что написал еще...»

Потому что он и в самом деле работал в больнице. Мама говорила. Она несколько раз беседовала с Арсением Викторовичем по телефону, а однажды отнесла ему передачу: пирожки с капустой, которые сама настряпала.

Каждый раз Курганов передавал Толику приемы и говорил, что очень благодарен ему. «За хронометр и вообще...»

А теперь что?

«А теперь ничего,— подумал Толик, посидев минут пятнадцать и рассердившись на себя.— Ничего особенного. Нытик ты, Толька. Он же не виноват, что не застал тебя дома. Он же просил зайти. Что ты раскис, как манная каша?»

Когда обругаешь себя и словно встряхнешь за шиворот, делается легче. И Толик решил, что все еще будет хорошо. Придет он к Арсению Викторовичу, и будут у них интересные разговоры, и новые страницы повести, и чай с крепкими, как дерево, пряниками. И то, что не назовешь словами,— ощущение, словно ты в каюте, и поскрипывает корабельная обшивка, а сверху, невидимые сквозь палубу, но настоящие, тугие, покачивают тяжелый рангоут многоярусные паруса (и надо снять со стопора хронометр, чтобы при качке оставался горизонтальным).

И может быть, Толик в хорошую минуту признается Арсению Викторовичу, как сам пустил хронометр. Теперь можно признаться: ведь все он сделал безошибочно.

Но в тот день Толик не пошел к Арсению Викторовичу. Неудобно. Человек только что из больницы, и тут нате вам — гость...

А завтра была опять репетиция.

А послезавтра — Восмое марта.

Затем Толик подумал, что лучше отложить визит до воскресенья. Но в воскресенье началось такое таяние снега, что в валенках на улицу не сунешься, а у ботинка оказалась оторвана подошва, и мама (отругав Толика за то, что не сказал об этом раньше) пошла на рынок, где в будках сидели «срочные» сапожники.

А потом оказалось, что до весенних каникул — всего неделя. И на этой неделе чуть не каждый день контрольные за третью четверть — «предварительные» и «основные».

И среди всех этих многотрудных дел понял Толик: самый подходящий день, чтобы идти к Курганову,— двадцать первое марта. И почти каникулы уже, и день рождения Арсения Викторовича, и воскресенье — значит, он дома будет.

Но сначала надо было дорисовать портрет, и Толик просидел над ним еще два вечера.

Портрет получился размером со страницу «Пио-

нерской правды». В самый раз, чтобы повесить над камином (если, конечно, Арсению Викторовичу понравится). В правом нижнем углу Толик написал стихи.

Он решил на это не сразу. Даже маме он свои стихи показывал, продираясь сквозь смущенье, как сквозь колючую проволоку. А тут тем более... И все же он написал. Не пропадать же стихам, которые так подходили для портрета!

Краснея и сопя, закрывая животом портрет от мамы, Толик черным карандашом, старательными печатными буквами выводил:

Когда Земля еще вся тайнами дышала
И было много неизведанной земли,
Два русских корабля вокруг земного шара
Сквозь бури и шторма на поиски пошли,

Далеких островов вдали вздымались скалы
И тайною была морская глубина,
И Крузенштерн стоял отважно у штурвала,
И билась о корабль могучая волна...

Вообще-то Крузенштерн у штурвала, конечно, не стоял, это дело матросов. Капитаны дают команды с мостика. Но ведь можно понимать «штурвал» в переносном смысле...

И буду я всегда завидовать, наверно,
Тем морякам, которые ушли в далекий путь.
На карте начерчу дорогу Крузенштерна
И, может, поплыву по ней когда-нибудь...

— Да не сопи ты и не прячь, я не смотрю,— сказала мама.

Толик пробормотал:

— Я допишу и покажу...

И показал, конечно, хотя в глазах щипало от стыда.

Мама похвалила. Даже обняла Толика. И лишь одно замечание сделала: «неизведанный» пишется с двумя «н». Да еще велела после слова «скалы» поставить запятую.

На следующее утро дала мама Толику белую рубашку, натянул он свой парадный вельветовый костюм и отправился к Арсению Викторовичу. Было солнечно и тепло, сразу видно — весеннее равноденствие. Толик расстегнул пальто и хлопал по мелким лужам ботинками в новых калошах. В таком радужном настроении он и пришел на Ямскую.

Дверь на крыльце у Курганова была приоткрыта, и Толик вошел в сени без стука. Снял калоши. Поколотил во внутреннюю дверь, обитую рваной клеенкой. Услышал, как отозвался Курганов:

— Входите!

Арсений Викторович сидел за столом. Заулыбался, встал. Покачнулся. На столе увидел Толик пустую четвертинку, тарелку с винегретом, пепельницу с окурками. Пахло табачным дымом, копченой селедкой, кислой капустой.

— Толик, дорогой! — Курганов зажмурился, постоял так, потер сморщенный лоб. — Я вот тут... видишь, один немножко...

Он засуетился, убрал четвертинку под стол, подскочил к кровати, натянул одеяло на неубранную постель. Сел...

— Я вот, понимаешь... думаю, дай отмечу юби-

лей сам с собой... Гостей-то нет... Не знал, что ты придешь...

«Неужели он всю ночь так сидел?» — ахнул про себя Толик. И сказал насупленно:

— Зря вы курить начали. Вам же вредно.

— А! — будто обрадовался Курганов. — В пятьдесят лет ничего не вредно... — Он опять покачнулся, будто хотел лечь и раздумал. — А ты... ты раздевайся...

Но Толик понимал, что раздеваться ни к чему. Он нерешительно переступил на шкуре ботинками.

— Я вам принес... вот...

И запоздало подумал: а стоит ли сейчас отдавать портрет?

— Ну-ка... Ну-ка... — Курганов быстро и почти трезво встал. Взял свернутую в трубку бумагу. Шагнув к непокрашенному столу, развернул на нем лист. Толик вздрогнул — угол портрета едва не попал в лужицу вишневого сока.

— Ого... — сказал Курганов. — Да... Весьма... Иван Федорович весь как есть, очень соответствует...

Ладонь его сорвалась со стола, упругая бумага снова скрутилась, упала на шкуру. Толик быстро нагнулся, чтобы поднять. Курганов сел на корточки. Они чуть не столкнулись лбами.

— Ох... извини, — сказал Курганов. — Видишь ли... Ужасно глупо... — От него пахнуло крепкой смесью водки и табака. — Ты разделся бы, а? Я чайку...

— Нет, я пойду. У меня билет в кино, — беспомощно сорвал Толик, поднимаясь. — Я на минутку зашел. Я в другой раз...

— Да! — снова обрадовался Курганов. — Правильно. В другой раз — это обязательно. Я тут кое-что еще написал... Ты на меня не обижайся, ты приходи...

Толик не обиделся. Но было очень грустно. Толик брел домой, и теплый день его не радовал. Было жаль Курганова. Было жаль портрет. Сколько труда потрачено, а теперь что? Арсений Викторович почти и не взглянул. Чего доброго, сметет на портрет селедочные головы и отправит на помойку...

Но главное не это. Главное — ощущение потери. Словно с размаху закрыли перед Толиком дверь. И остались за дверью корабля и острова, синяя морская карта и загадки океана, горящий камин и живой неутомимый хронометр. Остались Крузенштерн и Ратманов, Лисянский и Беллинсгаузен. И матрос Курганов. И лейтенант Головачев со своей горькой и непонятной судьбой... Резанов и Шемелин... Люди, к которым Толик привык. Одних он любил, других нет, но помнил про всех. А теперь они скрылись за старой, обитой рваной клеенкой дверью. Навсегда...

«Ну, почему навсегда? — попытался утешить себя Толик, когда прошел несколько кварталов. Все-таки был первый день каникул, весна, и погружаться в уныние с головой не хотелось. — Может быть, все еще наладится. Не всегда же Арсений Викторович такой...»

Может быть, правда наладится? Ведь Курганов сказал: «Заходи»...

Вторая часть

РОБИГУДЫ

Пленный разведчик Липкин

«Заходи», — сказал на прощанье Курганов. Но Толик не заходил больше. То есть он зашел один раз, в конце весенних каникул, но Курганова не оказалось дома, и Толик вместе с досадой испытал и неожиданное облегчение... А потом начался апрель. В апреле дни хотя и длиннее, чем зимой, но бегут стремительно.

После каникул с Толиком подружились одноклассники Юрка Сотин и Стасик Новицкий по прозвищу Назарьян (потому что был похож на художника горбоносого борца Назарьяна, который прошлым летом выступал в приезде цирке). Раньше они на Толика внимания не обращали, а тут вдруг встретили в кино и говорят: «Айда играть с нами». И пошли они во двор к Сотину, напилили там из березовых жердей коротких чурок и до вечера резались в городки. Игра шла замечательно, потому что двор был мощенный каменными плитами, просохший уже и чистый.

И на следующий день они играли, и потом еще и еще. И сосед Толика по парте Васька Шумов тоже пристроился к их компании.

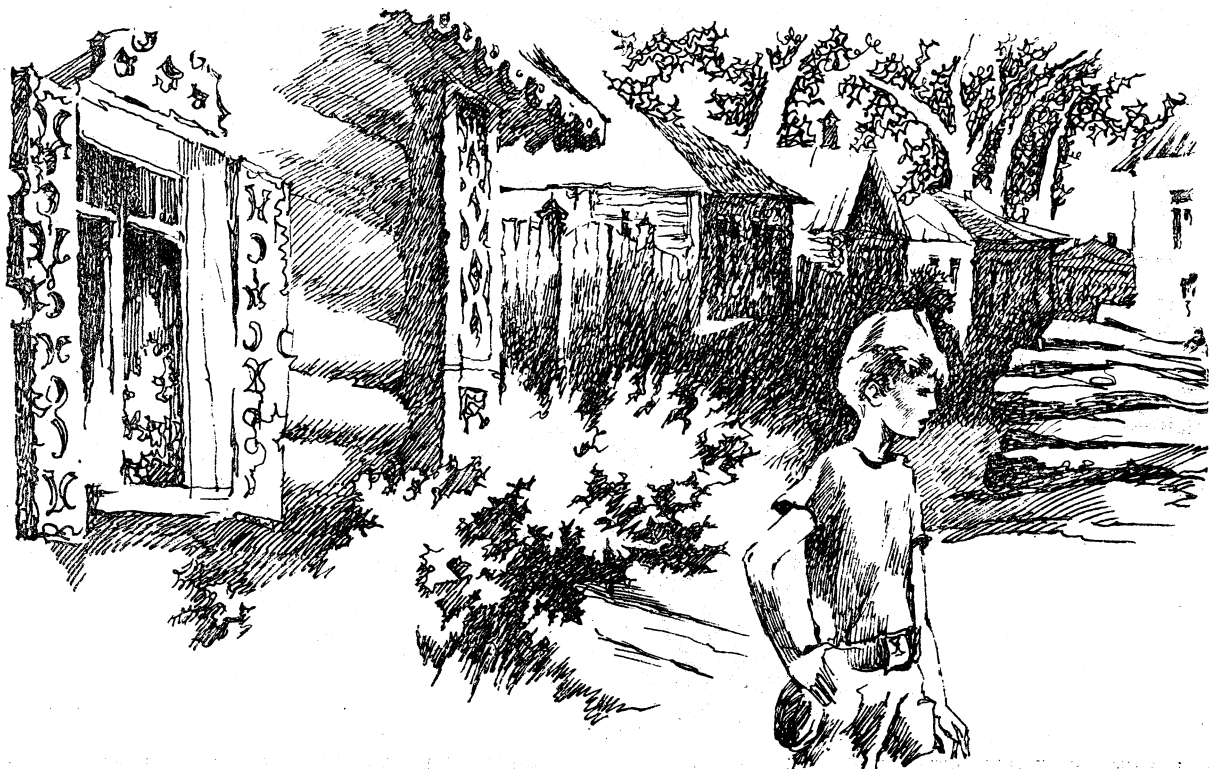
А потом Толик по пути из школы промочил в луже ноги и несколько дней сидел дома с хрипами в горле. Когда же он снова пришел в школу, оказалось, что для него и для мамы есть важная работа. Вера Николаевна дала тонкую книжицу с билетами для экзаменов и попросила перепечатать их для всех учеников четвертого «А». Мама печатала, а Толик помогал — перекладывал листы шелестящей тонкой копиркой.

Скоро билеты были готовы, и тут уже стало ясно: пора готовиться к экзаменам. Месяц остался! Ну, в конце апреля Толик готовился еще так себе, а после Первомайских праздников взялся всерьез. Потому что впервые в жизни экзамены — это всегда страшно. Правда, арифметики Толик почти не боялся, зато правила по русскому его очень беспокоили. Никак он их не мог запомнить. Непонятно было, зачем вообще эти правила, если диктанты он и без них пишет, почти не делая ошибок.

Конечно, не сидел Толик за учебниками до потери сознания. И в городки случалось играть, и к дружинному сбору «День Победы» надо было стихи выучить, и ежедневные уроки приходилось готовить, а то нахватаешь двоек и не допустят ни к каким экзаменам...

А в середине мая случилась беда: у мамы начались боли в желудке и врач велел ей ложиться в больницу. Мама успокоила Толика, что это на неделю, на обследование, но он еле удержался от слез (а по правде говоря, не совсем удержался).

Мама отправилась в больницу, попросив Эльзу Георгиевну присматривать за Толиком, а на другой

день примчалась из Среднекамска вызванная телеграммой Варя. Она Толика тоже успокоила, что с мамой ничего страшного, и принялась строго следить, чтобы он не бегал к Сотину и Назарьяну, а готовился к сессии как следует». Они даже поссорились с Варей два раза...

Через неделю мама и правда вернулась — похудевшая, но здоровая. А Варя жила дома еще три дня. Они с мамой часто посидели рядышком и о чем-то шептались, как подружки. А когда Толик оказывался близко от них, разом говорили:

— Иди, готовься к экзаменам!

Среди этих дел и событий так и не собрался Толик навестить Арсения Викторовича. Если бы дом Курганова стоял по дороге в школу или просто поближе к Запольной улице, Толик бы, конечно, не раз забежал. А шагать специально на Ямскую... Ну, правда же, не было времени!

Двадцать второго мая, в теплой от уюта рубашке, с отглаженным сатиновым галстуком, в своем вельветовом костюме и начищенных ботинках пошел Толик на первый в жизни выпускной экзамен — писать диктант. Он нес перед собой большущий букет черемухи. С той поры запах черемухи всегда стал казаться Толику празднично-тревожным, связанным со словом «экзамены»...

За диктант Толик получил «четверку» (в слове «каникулы» пропустил букву «а», обидно так!), за устный русский тоже поставили «четыре»: немного запутался в суффиксах. Зато по обеим арифметикам — письменной и устной — заработал четвероклассник Нечаев добросовестные «пятерки».

Через день после экзаменов собрался бывший четвертый «А» на выпускной утренник. Попили чаю со сладкими булочками, попрощались с Верой Николаевной и даже загрузили на несколько минут, но потом повеселели снова и разбежались по домам.

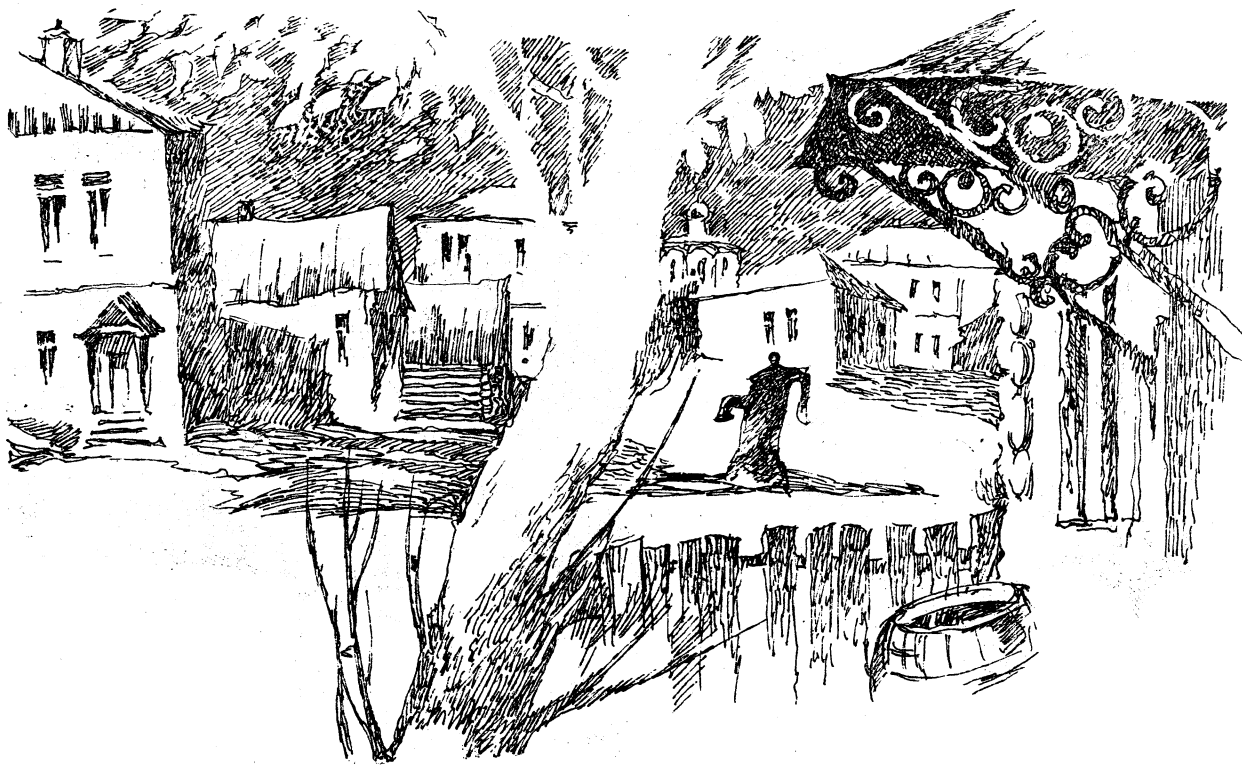
Да они уже и не были одноклассниками — в сентябре пойдут в разные школы.

И вот тогда-то наконец полностью Толик осознал, что пришли летние каникулы. И ощутил великое чувство освобождения.

Но скоро радость поулеглась, стала спокойной и даже скучноватой. Что делать со свалившейся на голову громадной свободой? Назарьян тут же укатил в лагерь, Юрка Сотин через несколько дней отправился в деревню Падерино к дедушке. Шумова мать не выпускала из дома, потому что он схватил переэкзаменовку по русскому. Другие бывшие одноклассники тоже бесследно растворились среди нахлынувшего лета. В доме, где жил с прошлой осени Толик, приятелей-ровесников не водилось. На двух этажах четырехквартирного дома обитали несколько семей, но все бездетные (если не считать грудных и трехлетних младенцев). Неинтересные были соседи. Мама с ними перезнакомилась, а Толик не очень-то и старался.

В том квартале, где стоял этот дом, подходящих по возрасту мальчишек тоже не оказалось.

Несколько раз Толик бегал на Туринку и купался там с полужакомыми ребятами в теплой желтоватой воде (мама, конечно, вздыхала, но отпускала). Но компания была так себе. В ней, чтобы казаться своим, надо было лихо дымить «бычками»

и в каждую фразу вставлять слова, которые у Толика застревали в горле. И Толик «откололся»...

Он склеил газетного змея и запустил с крыши сарая, но тут подкатила стремительная трескучая гроза, Толик заторопился, нечаянно оборвал нитку, и змей канул в гущу тополей.

Грозы — это единственное, что отравляет человеку летнюю пору. Опасливое их ожидание, страх, что появятся в небе сизые зловещие облака, постоянно сидели на дне сознания у Толика. Такую неуходящую тревогу ощущали, наверно, в старину жители степных селений, которым всегда угрожали кочевые орды...

Но нынешний июнь оказался спокойным: кроме грозы, погубившей змея, была только еще одна, да и та слабенькая...

После змея Толик начал мастерить модель подводной лодки, но летние улицы с горячим солнечным теплом и буйными травами манили к себе, хотя, казалось бы, что там делать одному?

И Толик стал бродить без всякой цели.

Скоро он понял, что не такое уж это скучное занятие. Если никуда не торопиться, все разглядываешь как следует, получается множество открытий.

Раньше Толик проскакивал по улицам, почти не глядя по сторонам. А теперь увидел, что у каждого дома свое лицо. Потрескавшаяся от старости резьба наличников была затейливой и очень разной. Деревянные накладные узоры на воротах похожи были то на солнышко из сказок, то на украшения древних теремов. Кружевные дымники над крышами, маленькие жестяные шатры над водосточными трубами, ба-

шенки над столбами ворот казались волшебным городком, выросшим над зеленью палисадников, над лопухами, заборами и прогретыми досками тротуаров. В этом городке могли жить и домовые, и гномы, и крылатые человечки, которых на ходу придумал Толик (к вечеру человечки превращались в летучих мышей и, кувыркаясь, носились в теплых сумерках)...

Странно, что в прошлые годы Толик не замечал этой старины и сказочности. Может быть, мал был еще? Или нужны были именно такие вот медленные, беззаботные, полные тихого солнца дни, чтобы внимательней взглянуть на свой город?

Оказывается, Толик и не знал Новотуринска. (Это одно название, что «Ново...», а на самом деле древность). Столько открылось незнакомых улиц и переулков даже совсем недалеко от дома! Но особенно хорошо было бродить рядом с Ямской улицей, по старой слободке, которая называлась Затуринка.

Раньше в Затуринке жили ямщики, торговцы конной сбруей и лодочные мастера (говорят, в прежние времена Туринка была полноводнее, по ней сплавляли лес и даже ходил пароходик заводчика Крутиса). Здесь было много запутанных переулков со старыми березами и елями, с похожими на терема воротами, горбатыми мостиками через поросшие одуванчиками канавы и рублеными колодцами. Вдур выгянет из-за выступа забора ступенчатое крыльцо с потемневшей от дождей и времени дверью, с ручкой старинного звонка, с кручеными железными столбиками и кованым узором навеса

(а на ступеньках умывается худой черный котенок с хитрыми зелеными глазами). Или смотришь — из-за угла высовывается облупленный кирпичный бок полуразрушенной часовенки с поржавелой витой решеткой на черном окне...

Или вдруг откроется среди полуповаленных заборов тесный проход, и не понятно, куда приведет он: или в чертополохово-репейные заросли, где с голыми руками и ногами не продерешься, или на незнакомую какую-нибудь улочку.

Лишь бы не в тот квартал на Ямской, где живет Курганов.

Проходить рядом с домом Арсения Викторовича Толик опасался: вдруг они повстречаются? Скажет Арсений Викторович: «Что же ты столько времени не появлялся?» Стыд какой... Не объяснишь ведь, что и хотел бы зайти, да теперь неудобно. Хотя и жаль, конечно: были почти друзья и как-то непонятно раззнакомились... Ту последнюю встречу вспоминать неприятно, только все равно жаль...

Может, Арсений Викторович зайдет к маме по какому-нибудь делу? Как зимой. Тогда можно было бы завести разговор, объяснить, что вот, мол, не было времени... Может, попросить маму нарочно подстроить такую встречу? Но пока маме некогда — с утра до вечера на работе, потому что вторая машинистка в отпуске...

Утром Толик подпоясывал широким ремнем новые черные трусы, которые мама сшила из блестящего и твердого, как коленкор, сатина, цеплял к ремню фляжку, совал под майку плоский сверток с куском хлеба («сухой паек»), надевал на руку старенький компас (на всякий случай) и отправлялся в экспедицию — открывать неизвестные улицы. Как раньше моряки открывали острова.

На улицах (как и на островах) обитали, конечно, местные жители. Они то и дело встречались Толику даже в самых глухих, полных тишины и стрекота кузнечиков переулках. Обычно они без всякого интереса глядели на незнакомого белобрысого пацана в сшитых навырост трусах, полинялой футболке, пыльной пилотке и старом командирском ремне. Но среди жителей имелись и мальчишки. А среди них могли встретиться такие, которые назывались неприятным словом «шпана». И поэтому в первые свои походы Толик брал на поводке Султана.

Однако с Султаном было не очень-то удобно: через забор не перелезешь, по кустам он пробираться не хочет. Надо ему то к столбику, то знакомиться со встречной моськой (которая от страха без памяти). И Толик стал ходить один. Во-первых, путешественник должен уметь рисковать. Во-вторых, нехороших встреч не случалось, и Толик осмелел...

Улицы слободки чаще всего приводили на берега Туринки или ее притока — ручья, который назывался Черная речка. (Потом Толик вырос, поездил по свету и убедился, что почти в каждой местности есть своя Черная речка.) А два переулка упирались в забор старого сада, который другим краем выходил на Ямскую. Однажды Толик рядом с этим забором, на краю высокого тротуара, присел, чтобы пожевать «сухой паек» и глотнуть из фляжки. Тут доски под

ним часто затолкались, и он услышал твердый деревянный топот.

Прямо на Толика мчался взъерошенный курчавый мальчишка.

Галстук синей матроски отчаянно колотился у мальчишки на груди. Лямки коротеньких парусиновых штанов съехали с плеч. Тюбетейка пружинисто подскакивала на коричневых кудряшках. Толик хотел вскочить, но в трех шагах от него тюбетейка сорвалась с головы бегуна, и тот затормозил. Выхватил тюбетейку из лебеды, сжал в кулаке и глянул на Толика.

Большие мальчишечьи глаза сидели широко от переносицы и были зеленовато-желтого цвета. В них мелькали и настоящий испуг, и веселье. Часто дыша, мальчик сказал:

— За мной гонятся. Не выдавай меня, ладно?

Он упал рядом с Толиком в жесткую траву пастью сумка и пополз, извиваясь, под мостки тротуара. Толик растерянно следил, как исчезают под досками тонкие ноги в коричневых чулках и новых твердых ботинках.

Ботинки дернулись и пропали, и почти сразу опять разлетелся по улице частый топот. Это, разумеется, была погоня. Четверо мальчишек. Толик принял равнодушный вид.

Конечно, Толик не знал, игра тут или ссора всерьез и кто прав, а кто виноват. Но кое-какие жизненные правила за одиннадцать лет он усвоил крепко, и одно такое правило говорило: помогать следует тому, кто слабее. Впрочем, теперь помогать было не надо. Сиди и делай вид, что ты ни при чем.

Мальчишки остановились. Двое по бокам у Толика, один за спиной, а один встал прямо перед ним.

Толик быстро глянул назад, направо и налево. А потом опять на того, кто впереди. В нем Толик угадал главного. Нет, мальчишка не был похож на шпану. Стройный такой мальчик, немного выше и старше Толика. Аккуратная ковбойка, брюки хотя и помятые, но со следами стрелок от утюга. Гладкие светлые волосы по-взрослому зачесаны назад. И лицо такое... Эльза Георгиевна сказала бы: «Удивительно интеллигентное». Однако обратился он к Толику довольно жестко:

— Эй ты! Здесь никто не пробегал?

— Что?

Мальчик со сдержанным нетерпением повторил:

— Тебя спрашивают: здесь никто не пробегал?

— Кто?

— Ты что, издеваешься? — сказал мальчик.

— Я не издеваюсь. Я не понимаю, что вам надо, — объяснил Толик с жалобной ноткой. Притворялся он лишь наполовину, потому что и в самом деле побаивался. Садняще заболел рубчик под коленом.

— Третий раз спрашиваю: ты никого здесь не видел?

— Никого, — сказал Толик и сразу понял, как он сглупил. Надо было сказать, что видел. Что курчавый мальчишка побежал вон туда, в переулок. Пусть мчатся по ложному следу.

Но было поздно.

— Врет,— подал голос тот, кто стоял сзади (Толик быстро оглянулся). Это был рыхлый парнишка с лицом, похожим на круглую булку, в мешковатых штанах и босой.— Шурка нигде не мог пробежать, кроме как тута.

— Ясно, врет,— печально подтвердил тот, что слева — мальчишка с тонкой шеей, толстым носом и оттопыренной нижней губой. За ремешком у него торчала красивая отполированная рогатка.

— Врешь,— спокойно сказал Толику главный.

— Не вру я... Чего вы все на одного?

— Ты встань, когда с командиром разговариваешь,— сказал четвертый мальчик. Мягко так сказал, будто посоветовал по-хорошему. Он и сам казался хорошим, самым добрым из всех. Был он, видимо, одноклассник Толика. Славный такой, с каштановым чубчиком и длинными, как у девчонки, ресницами. Смотрел совсем не сердито. Но Толик несмотря на это огрызнулся:

— Какой командир? Может, он вам командир, а я-то при чем? — И... все-таки встал. Потому что понял: не встанешь сам — «помогут». — Что вам от меня надо? Я сидел, вас не трогал...

Командир терпеливо разъяснил:

— Нам надо узнать про мальчика в белых штанах и синей матроске. Куда он побежал или где спрятался?

— А! — Толик будто лишь сейчас сообразил. — Он вон туда пробежал!

Это получилось так ненатурально, что засмеялись все сразу. А командир кивнул:

— Ясно. Сообщник... Ну-ка, к стенке его...

Толика ухватили за локти, в секунду оттащили от тротуара и плотно придвинули к забору.

— Ну чего... — сказал Толик.

— Пленник, молчать! — перебил командир. — Будешь отвечать, когда спросят.

Толик понимал, что это пока игра. Но именно пока.

Но... не такой уж он трус! И не убьют же, в конце концов... И глядя поверх голов, Толик с печальной гордостью произнес:

— Не буду я отвечать.

— Будешь... — просопел круглолицый, стискивая Толькин локоть. А командир коротко спросил:

— Где беглец?

— Не знаю.

— Лучше скажи сразу,— посоветовал мальчик с девчоночьими ресницами. Он аккуратно придерживал Толика за плечо.

— Сейчас заговорит,— скучным голосом пообещал мальчишка с оттопыренной губой. Вынул из-за пояса, аккуратно размотал и зарядил чем-то рогатку. Далеко вытянул шею из воротника рыжего свитера и прицелился. Прямо Толику в лоб.

— Неужели в человека будешь стрелять? — спросил Толик не столько со страхом, сколько с удивлением. Рогатка щелкнула, доска над головой отозвалась резким стуком, на волосы посыпались мелкие крошки. Видимо, пулей служил сухой глиняный шарик.

Натти Бумпо из романа «Зверобой», когда иро-

кезы метали в него томагавки, не закрывал глаза. Но у Толика такой выдержки не было. Он зажмурился и со слезинкой проговорил:

— Дурак, выбьешь глаз — отвечать будешь.

— Он не выбьет,— негромко успокоил мальчик с ресницами. — Он снайпер.

— Витя, помолчи,— попросил командир. А над самой головой у Толика опять свистнул и рассыпался глиняный шарик. Толик дернулся и услышал слова командира:

— Мишка, хватит. Это храбрый пленник, он так просто не заговорит. Надо устроить другое испытание.

«Какое еще?» — тоскливо подумал Толик. Стрелок Мишка сматывал рогатку. У командира было задумчиво-деловитое лицо: наверно, он придумывал способ развязать пленнику язык.

«Может, рвануться и удрать?» — суетливо думал Толик. — Не успею, догонят... Может, зареветь? Тогда, наверно, отпустят. Нет, реветь еще рано... Эх, Султана бы сюда... Вот влип-то. А им сплошная радость: поймали «языка». Наверно, все-таки отлупят... Фляжку бы не отобрали... А если все-таки зареветь?»

В общем, совсем не героические прыгали мысли. Но одной не мелькнуло ни разу: сказать, где беглец, и тем спастись. Это было так невозможно, что бедный Толик даже забыл про курчавого Шурку. И удивился, когда услышал тонкий голос:

— Подождите! Я здесь!

Показались из-под мостков блестящие ботинки и перемазанные сухой землей чулки. Беглец по-рачьи выбрался на траву, вскочил. Отряхнул штаны и матроску, посадил на пружинистые кудряшки тюбетейку и опустил руки по швам.

— Вот я. А его не трогайте. Олег, он несколько не виноват!

— Та-ак, ясно,— сказал командир Олег и прошелся по измятому Шурке взглядом. От ботинок до тюбетейки.

— А я тоже не виноват,— поспешно сказал Шурка. — Я по правилам убежал. Рафик и Люся в одну сторону, а я в другую...

— Убегал-то ты по правилам,— усмехнулся Олег и аккуратно поправил волосы. — А потом пошел на измену.

— Я?! — Шурка стиснул опущенные кулачки и побледнел так, что почернели его крупные веснушки: две на носу и одна на подбородке.

— Ты,— вздохнул Олег. — Потому что впутал постороннего в наши дела. Воспользовался помощью врага.

— Какой же я враг! — отчаянно проговорил Толик (его все еще прижимали к забору). — Я вам что плохого сделал?

— А почему не сказал, где он прячется? — пропыхтел круглолицый мальчишка и кивнул на Шурку.

— А ты бы сказал, если тебя просят: «Не выдавай»?

— Пленник прав,— решил командир Олег. — Он не обязан нам помогать, он ведь не наш союзник. И ведет он себя смело...

— Тогда я пойду? — обрадовался Толик.

— Не так скоро... Может быть, ты чей-то раз-

ведчик! Ты ведь не с нашей улицы. Может, еще где-нибудь такой же отряд, как у нас, есть, и вы решили наши тайны выведать...

— И, может, Шурка их уже разболтал ему, — сказал Мишка.

— Я?! — Глаза у Шурки влажно заблестели.

— Ничего он не говорил, — заступился Толик.

— Я ни словечка! — клятвенно добавил Шурка.

— С тобой разберемся потом, ты никуда не денешься, — небрежно решил Олег. — А пленника придется допросить в штабе.

— Пошли! — обрадовался круглолицый и потянул Толика за локоть. Толик уперся:

— Куда еще? Чего пристали?

Витя ласково махнул ресницами и успокоил:

— Да не бойся, мы же играем.

— Ага, «играем»! Из рогатки...

— Мишка больше не будет, — успокоил Олег. — И вообще ничего плохого не будет, если станешь говорить правду.

— Ага! Я — правду, а вы опять скажете, что вру!

— Разберемся, — побещал Олег. — Ну? Пойдешь или тащить?

— А куда?

— Недалеко, в этом квартале, — успокоил Витя.

— Пойду, — вздохнул Толик. Спротивляться было глупо. К тому же, кроме страха, сидело в Толике любопытство: что за отряд, что за игра? И ребята были, кажется, ничего. Ну, Мишка и этот вот, сопящий, так себе, а Олег и Витя — совсем неплохие. Да и Шурка. Честный такой: вылез и заступился...

— Дашь слово, что не убежишь? — спросил Олег.

Это понравилось Толику. Он кивнул.

— Пускай ремень снимет, — потребовал Мишка.

— Зачем? — Толик вцепился в пряжку.

— С арестантов всегда ремни снимают.

— Не бойся, это ведь не насовсем, — объяснил Витя.

— Все равно не сниму. Это... отцовский.

Ремень был в доме у Нечаевых давным-давно, мама в прежние годы подпоясывала им телогрейку, когда ездила копать картошку или разгружать уголь, если посылали от редакции. Откуда ремень взялся, мама и Варя не помнили. Но Толику нравилось думать, что в давние, может, еще довоенные времена этот широкий кожаный пояс со звездной пряжкой носил отец.

И сейчас у Толика закипели в душе злые слезы, и он понял, что будет биться до конца. И даже страх пропал.

Но биться не пришлось. Олег серьезно спросил:

— А отец кто?

— Он политрук был. Он под Севастополем...

— Ладно, пошли, — сказал Олег. — Ремень не трогать.

Толика привели в длинный заросший двор на Уфимской улице. Во дворе стоял дом с верандой.

В дальнем конце поднимался из репейников приземистый сарай. К боковой стене сарая был пристроен самодельный навес. Раму из жердей и палок накрывали старые половики, рваная плащ-палатка и куски толя. Боковым и задним краями эта крыша прилегала к забору и сараю, а свободным углом опиралась на кривой шест. Когда Толик задел шест плечом, весь балдахин качнулся и сверху что-то посыпалось.

— Поосторожнее, — сказал Олег.

На брусчатой стене сарая висели под навесом разрисованные картонные щиты и деревянные мечи. На утоптанной траве стоял дощатый ящик с круглым клеймом «Коровье масло». Вокруг него — ящики поменьше и перевернутые ведра.

Толику велели остановиться под кромкой навеса.

Витя объяснил чуточку виновато:

— Посторонним вход в штаб запрещен.

Грузный круглолицый парнишка (его, как выяснилось, звали Семен) остался снаружи — то ли просто как часовой штаба, то ли конвоир пленника. Олег, Мишка и Витя сели вокруг «стола», а Шурка подала, в уголке. Он тихоноко вздыхал. Олег вытащил из-под ящика тетрадку, ручку и непроливашку...

В эту минуту с забора ловко упали в заросли и оказались под навесом еще двое: высокая смуглая девчонка с короткими волосами и гибкий мальчик ростом с Толика. Им шумно обрадовались, но Олег сразу восстановил порядок:

— Тихо! Люська, садись и пиши. — Он уступил девочке место. Она ткнула пером в непроливашку.

— Чего писать?

— Пиши: «Пятнадцатое июня. В отряде была игра в часовых и разведчиков. Часовые были Олег Наклонов, Семен Кудымов, Витя Ярцев и Мишка Гельман. Разведчики были Люся Кудимова, Шурка Ревский и Рафик Габдурахманов...»

Светловолосый, синеглазый Рафик весело сообщил:

— А вы нас не поймали!

— Не до того было... Люсь, пиши: «Разведчики разбежались, а часовые...»

— Подожди, я не успеваю...

Пока Олег диктовал, Толик разглядывал щиты. Они были из тонкого картона — видимо, не для боя, а так, для красоты. На каждом акварельными красками нарисована какая-нибудь картинка или знак. «Наверно, гербы, как у рыцарей, — догадался Толик. — У каждого свой».

Рафик глянул на Толика — будто выстрелил синими огоньками:

— Эт-кто? Новичок?

— Это пленник... — сказал Олег. — Люська, пиши дальше: «Разведчик Ревский нарушил правила и впутал в наши дела постороннего, который, наверно, вражеский лазутчик...»

— Не впутывал я! — подал голос Шурка.

— Не лазутчик я, — сказал Толик.

— Пленник, тихо. Сейчас допросим, все скажешь... Люсь, пиши прямо здесь же: «Протокол допроса...»

— Шас... «П-р...» После «рэ» надо «о» или «а» писать?

— «О»,— сказал Толик и не удержался, хихикнул.

— Пленный, ну-ка без глупого смеха,— одернул Олег.— Встань смиренно и отвечай: имя и фамилия?

Толик не то чтобы вытянулся в струнку, но встал попрямее и опустил руки. Почему-то была капелька удовольствия в том, чтобы подчиниться симпатичному и строгому Олегу.

Но что отвечать на вопросы? Все как есть?

— Имя и фамилия! — повторил Олег.

У игры свои правила. Раз Толик пленный, он должен и скрывать правду и водить противника за нос.

— Липкин,— брякнул Толик.— Гришка. То есть Григорий.

— Школа и класс?

— Десятая. Четвертый «Б»... То есть уже пятый. Теперь в другую школу пойду...

Это было правдоподобно. Тем более, что в их десятой школе, в четвертом «Б» и в самом деле учился Гришка Липкин.

— Так, хорошо,— кивнул Олег.— Место жительства?

Но Люся вдруг положила ручку.

— Олег! Он врет! Я с Липкиным, с Гришкой из десятой школы, в лагере была! В прошлом году! Он маленький и черный!

— Ага, и я был,— сказал за спиной у Толика Семен.

Ох и вяпался Толик! Теперь не будет ему пощады.

— Я это... вырос уже,— пробормотал он, и все засмеялись.

Рафик обрадовался, будто приятеля встретил:

— Конечно, он разведчик! Он не с нашей улицы, и снаряжение у него разведчицкое! Фляжка и компас!

«Все...» — подумал Толик. И опять заболел и зачесался под коленом рубчик от полосного железа. Толик согнулся, чтобы почесать, и снова задел плечом шаткую подпорку навеса.

...Потом Толик вспоминал эти секунды с удовольствием. С гордостью за свою находчивость и быстроту! Как он собрал в пружину все свои небогатые силы, повернулся, дернул за рубаху грузного Кудымова и отправил его на тех, кто сидел у ящика! И рванул в сторону шест!

Уже у калитки Толик на миг оглянулся. Тряпье рухнувшего навеса ходило ходуном, из-под него неслись гневные вопли...

Эпиграф

Выскочив со двора, Толик решил было, что он спасся. Но те ребята оказались не дураки — в калитку не кинулись, а махнули через забор. И Толик еле успел проскочить мимо Рафика и Мишки. Теперь шла погоня. Бежали за Толиком все, даже Шурка грохал ботинками не отставая.

Если семеро гонятся за одним, тому ой как

плохо. Среди нескольких все равно окажется кто-нибудь быстрее, чем беглец. И пойдет обходить с фланга, на перехват.

Сейчас таким перехватчиком оказался Мишка Гельман. Да и Олег от Мишки почти не отставал. Они выскочили на дорогу и отрезали Толику путь влево. Словно знали, что ему туда и надо: к дому, на свою Запольную!

Теперь ничего не оставалось, как мчаться вдоль забора, по недавнему Шуркину пути. И деваться некуда, не залезешь ведь, как Шурка, под тротуар...

Толик чувствовал, что все равно поймают. Потому что ноги уже ослабели, сердце колотится не в груди, а где-то в горле и не дает дышать. Да еще ремень сползает и тяжелая фляжка с невыпитой водой молотит по бедру. А в сандалии набились колючие крошки...

Догонят... Может, лучше сдаться сразу, не мучиться? А что дальше? За обман да за разваленный штаб компания, конечно, разозлилась не на шутку, тут уж не игрой пахнет...

Олег и Мишка обогнали, встали на пути. Вот и все... Толик прижался лопатками к забору. Отбиваться руками и ногами или со спокойной гордостью покориться судьбе?

А до чего же обидно! Так лихо удрал, а теперь выходит — зря. Ох и будет ему сейчас!.. Толик вдавился в забор.

Что это?

Судьба изредка бывает милостива к беглецам. Широкая доска за спиной подалась внутрь. Ура!.. Толик развернулся, даванул плечом доску из последних сил и провалился в открывшуюся щель. Кувыркнулся в чертополохе, вскочил, подхватил пилотку. Повисшая на гвозде доска захлопнула в заборе ладзейку — прямо перед весело-изумленными глазами Рафика.

Толик промчался через садовые джунгли, умоляя судьбу об одном: чтобы калитка, ведущая на Ямскую, не была заперта. И ему повезло опять — калитка распахнулась от удара ладонями.

Теперь можно было не так спешить. Пока вся погоня соберется вместе, пока они посоветуются, он уж ой-ей-ей где будет!.. Толик перешел на утомленную рысь. До родных мест еще далеко, надо беречь силы. Он уже миновал садовый забор и был на перекрестке. Он совсем успокоился, и...

Прямо на него выскочили Олег, Мишка и Витя! Значит, они не побежали через сад, а кинулись в обход! Перехитрили!..

Толик рванул назад. Ему вдруг стало страшно так, будто все по правде. Будто, если попадется, то ему настоящий плен и расстрел!

Был теперь только один путь, одно спасенье. Еще немного... Вот...

Он грудью грянулся о калитку у знакомых ворот...

На крыльце Толик слегка отдышался, оглянулся. Те, кто догоняли его, заглядывали теперь во двор, но здесь была для них чужая территория, незнакомая и, может, опасная. Толик выдернул из-под ремня майку, вытер подолом лицо и постучал в дверь.

Курганов был дома — опять везенье! Он не удивился, увидев Толика. Просто обрадовался:

— Ох какой гость хороший! Молодец, что пришел, входи...

Был Курганов какой-то помолодевший, веселый. В очень белой рубашке с подвернутыми рукавами. Он взял Толика за плечи, ввел в комнату.

— Очень, очень я рад... А почему ты взмокший? Бежал, что ли? И вид у тебя такой... военно-полевой. Ты откуда?

— Я... так. Мы с ребятами в войну играли,— приврал Толик.— А потом я вот... решил зайти.

— Замечательно решил...— Курганов поспешно убрал со стола газеты, задвигал стулья.— Вот сейчас мы и чаек сразу сообразим. После жарких боев чаек полезен. А? Ты не спешишь?

— Да нет...— пробормотал Толик, представив, как топчутся у ворот преследователи.

— Прекрасно... А то мы так давно не виделись. Я... признаться, я думал: уж не обиделся ли ты? В последний раз я, кажется, был как-то не так... не очень гостеприимен... Да?

— Нет, что вы! Это я сам... Ну, сам такой лентяй, никак не собрался зайти. Да еще мама болела, да экзамены потом...— Толик согнулся и стал чесать под коленом рубчик.

— А с мамой что? — встревожился Курганов.

— Сейчас уже все в порядке!

Комната Курганова тоже казалась веселой и (если можно так сказать про комнату) помолодевшей. Наверно, потому, что впервые Толик видел ее днем. Солнце рвалось в окна. Марлевая занавеска парусом надувалась у открытой форточки. Шелестела на краю стола открытая книга. Шкуры на полу не было, пахло вымытыми половицами.

Хронометр стоял на подоконнике. Желтые винты, ручки и кольца разбрасывали лучистые блики. Стучал хронометр все так же — словно ронял на стекло медные дробинки. И в дробинках этих, казалось, тоже вспыхивают солнечные звездочки...

Карта на стене, рисунок с Нептуном, некрашенные доски полка — все было светлым, все отражало радостные лучи. Лишь черный камин выглядел сумрачно, он был не нужен лету. Толик пожалел камин и приласкал его глазами: не грусти. Глаза прошлись по чугунным завиткам от пола до узорчатого карниза, скользнули выше... И оттуда, со стены, глянул на Толика Крузенштерн.

Тот самый Крузенштерн с его, Толькиного, портрета.

— Ой,— шепотом сказал Толик.— Значит, повесили портрет...

— А как же! Сразу и повесил, как ты ушел тогда... Замечательный рисунок. И стихи прекрасные...

Толик застеснялся, подошел к камину, уперся ладонями в холодный чугун. Из каминной пасти дохнуло по ногам неприятным холодком. Толик зябко переступил и, задрвав подбородок, уставился на рисунок. Перечитал свои строчки.

Нет, стихи сейчас не казались ему хорошими. Так себе... И рисунок был не такой уж удачный. И Крузенштерн смотрел с него не в синюю даль

океана, а прямо на Толика. Укоризненно смотрел: «Что же ты не приходил столько времени?»

Чтобы оправдаться перед Крузенштерном и Кургановым, а заодно и перед собой немножко, Толик сказал:

— Я заходил в весенние каникулы, а у вас закрыто было... А потом я подумал: приду, а вы, наверно, работаете...

— Сейчас не работаю, отпуск...

— Да я не про эту работу. Я думал, что книгу пишете,— вздохнул Толик.

Арсений Викторович подошел к Толику со спины, положил ему на плечи свои ручки.

— Видишь ли, с книгой я тоже... кажется, все.

Толик крутнулся у него под ладонями.

— Кончили? Правда?

Голубые глазки Курганова смущенно радовались. Он потрогал рубец у краешка рта, словно хотел придержать неловкую улыбку.

— Видишь ли... самому не верится. Столько лет. А теперь страшно даже... Но делать нечего — кончил.

— А когда напечатают?

— Ну... что ты, дорогой мой. До этого еще... Я и не показывал никому пока. Главное, что дописал... Пойдем-ка за стол.

В углу на табурете уже булькал новый электрочайник. Толик запоздало сдернул пилотку, снял ремень с фляжкой, положил на подоконник рядом с хронометром. Незаметно подмигнул хронометру. Придвинулся с табуреткой к столу.

— Вприкуску будешь?

— Ага... спасибо, вприкуску... Арсений Викторович, а чем кончается повесть?

— Ну, как тебе сказать... Кончается тем же днем, что и начинается. Крузенштерн уже в годах. Размышляет. Может, это и не очень интересно, не приключения, но как бы это сказать... необходимо для смыслового завершения...

— Почему не интересно? Там все интересно!

— Да? Тогда... может быть, прочитать последнюю главку, а? Ты пей, а я читаю... если хочешь, разумеется. А?

— Ну, конечно же! — Толик зажал в зубах алмазно-твердый осколок рафинада, поставил на край стола локти, сжал в ладонях теплую кружку и прижался к ней щекой.

Арсений Викторович, оглядываясь, вытянул с полки папку.

Читал Курганов минут десять. Толик слушал с ощущением, словно ничего не кончалось. Словно лишь вчера они сидели у горящего каминка, а потом неожиданно наступило летнее утро и за ним очень быстро — день. А повесть будто и не прерывалась...

— Ну вот так, значит...— Курганов закрыл папку и глянул на Толика нерешительно и выжидательно.

— Хорошо,— сказал Толик, застеснявшись этого взгляда.— Правда, Арсений Викторович, хорошо. Немного печально, но, наверно, так и надо, да?

— По моему, да. Значит, ты это почувствовал?

— Ага... Эпilogи всегда немного грустные,— со знанием дела заметил Толик.— Это ведь эпilog?

— Видишь ли... это не совсем эпilog. Он будет

дальше, отдельно. А это просто конец последней главы.

— А-а...—Толик почувствовал, будто его слегка обманули. Вернее, он сам сглупил. Арсений Викторович поспешно сказал:

— Впрочем, наверно, ты прав, это эпилог. А дальше—как бы отдельный еще рассказ, окончательное послесловие.

— А там про что? Можно почитать?

Курганов улыбнулся:

— Можно. Только это ведь самый конец. Может, уж лучше все по порядку, а? Своими глазами. Если, конечно, интересно...

— Ой, правда?—Толик даже чай расплескал.— А вы дадите? Все, что написали?

— Я вот что подумал... Может быть, твоя мама согласится перепечатать рукопись? Почерк у меня разборчивый... Мама бы перепечатала, а ты бы прочитал заодно. По печатному-то легче. И впечатление более правильное... А?

— Ой, ну конечно!—Толик вскочил.— Она согласится!

— Вот и хорошо. Ты спроси, а я...

— Да чего спрашивать!—Толик испугался, что Арсений Викторович передумает.— Я и так знаю! Мама недавно говорила, что хорошо бы дополнительную работу найти, а то денег совсем нет... Ой... Нет, она вам, наверно, и бесплатно...

— Ну-ну, это уж ты не туда поехал,—засмеялся Арсений Викторович.— Ни к чему такое дело. Главное—чтобы не очень долго. Хочется до осени показать свое творение знающим людям, а в издательстве не возьмут, если не на машинке...

— Я прямо сейчас могу отнести,—нетерпеливо сказал Толик.

— Да? А...—Курганов нерешительно замолчал.

— Думаете, я потеряю? Вы не бойтесь, ничего не случится!

— Я не боюсь. В крайнем случае у меня черновики есть...—Курганов посмотрел вдруг серьезно и ласково, сказал тихо:—Ничего плохого не случится. Ты мне всегда приносишь удачу...

Толик застеснялся, зачесал ногой ногу и засопел. Но Курганов и сам смутился:

— Да, тут еще такое дело... Там сразу на первом листе... Ты знаешь, что такое эпитафия?

— Это... ну, такие строчки в начале книжки, да? Из какого-нибудь другого рассказа или стихов...

— Вот-вот... Ну, и так уж получилось у меня... Видишь ли, ты мой первый читатель. И стихи у тебя очень подходящие. В общем, я, как говорится, взял на себя смелость... сделал их эпитафией к повести. Если ты не возражаешь...

— Ой...—у Толика щекам стало горячо от радости и благодарности.— Но ведь это еще не такие... не настоящие стихи.

— Как тебе сказать... Они хорошие. Для моей повести—очень хорошие. Самые подходящие. Я так и подписал: «Четвероклассник Толик Нечаев, первый читатель этой повести». Можно?

— Конечно... Только я ведь уже в пятый перешел.

— Это неважно. Когда писал стихи—был чет-

вероклассник. Будешь потом расти, а в стихах останется твое детство... А?

— Ладно,—прошептал Толик.— Но я боюсь не-много...

— Чего?

— Вдруг мама не разрешит. Скажет: куда тебе в настоящую книжку... Скажет: не заслужил еще.

Курганов медленно проговорил:

— Во-первых, ты очень заслужил...

Толик нерешительно поднял глаза:

— Чем?

Курганов будто не слышал. Сказал:

— А во-вторых, маму мы уговорим.

Толик совсем не боялся засады. Ему казалось, что он пробыл у Курганова чуть ли не полдня. Кто же станет караулить его столько времени?..

Попался он, когда миновал сад и перекресток.

Мишка, Рафик и Люська прыгнули из-за пустого киоска. Семен выбрался из разошедшейся бочки, что валялась у изгороди (бочка при этом развалилась). Олег и Витя подскочили сзади.

Обступили плотно.

Толик притиснул к животу тяжелую папку.

— Ребята, вы что! Я сейчас не играю!

— Мы тоже не играем,—разъяснил Олег.— Мы в самом деле берем тебя в плен.

— Но я сейчас не могу! У меня важное дело!

— Ай-яй-яй,—медовым голосом сказала длинноногая Люська, и глаза ее были безжалостны.— А нам-то что? Тащите его, робингуды.

Семен влажными ладонями ухватил Толика за локти.

— Но я же правда не могу! Мне домой надо! Вот видите—папка? В ней важные документы, у меня мама машинистка!

— Вот и посмотрим, что за документы!—обрадовался Рафик. Синие глаза его засияли лучистым любопытством.

— Там, наверно, тайные планы против нас,—вздыхнул Семен.

Они не понимали! Им нужны были тайны, охота за шпионами, чтобы жизнь была интересной! А ему как быть? Если отберут или растреплют рукопись, растеряют листы, что он скажет Арсению Викторовичу?

«Ты мне всегда приносишь удачу...» Принес удачу!

— Вы какие-то совсем глупые,—с тихим отчаянием проговорил Толик.—Сейчас ну несколько не до игры. Если с папкой что-то случится, знаете, что будет? И мне, и вам...

— Ох как страшно,—хихикнула Люська.

Но Олег сказал:

— Нам твоя папка не нужна, если в ней ничего про нас нет. Ты сам нам нужен.

— Да зачем?

— Как зачем? Протокол-то еще не дописан,—вредным голосом напомнила Люська.

— Мы так и не выяснили, кто ты такой,—махнув ресницами, разъяснил Витя.

— Ну, Толька я! Нечаев Анатолий! На Запольной живу!

— А зачем говорил, что Липкин? — сказал Семен. — Липкина-то мы знаем.

— Я думал, что игра такая: раз попался в плен, надо обхитрить... А теперь же не игра!

— А зачем по нашим улицам ходил, если ты с Запольной? — вмешался Рафик. — И все высматривал.

— Да не высматривал я! Просто гулял!

— Подозрительно это, — решил Олег. — Надо все выяснить до конца и записать. Пойдешь добровольно?

Толик решил на крайний шаг:

— Знаете что? Я папку отнесу и приду! Сам приду, честное слово! Честное пионерское! Вот, за звезду держусь! — Он вырвал у Семена локоть и взялся за звездочку на пилотке. И подумал: будь что будет, лишь бы с рукописью не случилось беды.

Но Олег сказал:

— Не выйдет. Ты уже давал слово и нарушил. Сказал, что не убежишь, а сам драпанул.

— Да еще штаб развалил! — весело добавил Рафик.

Толик искренне возмутился. Так, что даже боится забыть.

— Вы что врете! Я слово дал, что не убегу, пока вы меня по улице ведете! А больше никакого слова не было!

— Выкрутился, — сказал Олег. — А сейчас опять слово дашь и снова потом причину выдумаешь уважительную.

— Как наш Шурка! — вспомнил Мишка. — Сперва пообещает, а потом: «Мама не пустила. Разве можно не слушаться маму?»

«Шурка-то ваш лучше вас всех», — подумал То-

лик, вспомнив честные глаза курчавого мальчишки. И сказал насупленно:

— Он тоже ни в чем не виноват. А вы все на него...

— Виноват или нет, мы сами разберемся, без посторонних, — сказала Люся.

— Конечно, — подтвердил Олег. — Хотя... почему без посторонних? Вместе с ним и разберемся. — Он кивнул на Толика. — Пускай доказывает, что наш милый Шурочка ни в чем не виноват.

— Как? — удивился Толик.

— Он за тебя заступился, когда мы тебя поймали? Заступился. Вот теперь ты заступайся, раз он тебе так нравится.

Толик хотел спросить: откуда они взяли, что совсем незнакомый Шурка ему нравится? Но спросил вместо этого:

— Да как заступаться-то?

— Очень просто. Докажи, что ты не разведчик и он тебе ничего про нас не рассказывал.

— Опять вы одно и то же... — безнадежно проговорил Толик. — Как еще доказывать? Головой о забор, что ли, стукаться?

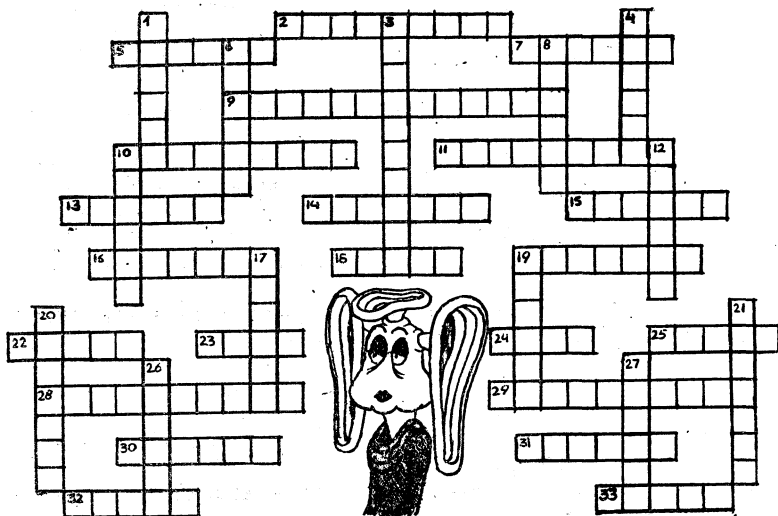
— Стукаться не надо, — спокойно растолковал Олег, а остальные внимательно слушали командира. — Приходи сегодня в штаб, когда мы с Шуркой будем разбираться. Там все и объяснишь подробно... И никакого слова от тебя не надо. Придешь — хорошо. Не придешь — значит, будет Шурка изменник, а ты трус.

— Во сколько приходиться-то? — сердито спросил Толик.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Кроссворд «Алиса и другие»

Составил Э. Бабкин (Москва)

По горизонтали: 2. Великий изобретатель: у самого сорок авторских свидетельств и более трехсот — у его учеников. 5. Материал, необходимый К. Булычеву для создания фантастических произведений. 7. Первый ребенок, родившийся на Марсе. 9. Наука, занимающаяся раскристаллизацией, открытием, разбором. 10. Высокогорный космодром на Земле. 11. Фрукт-гибрид. 13. Первоначальное состояние иконы. 14. Громадное и свирепое перелетное насекомое. 15. Ньюфаундленд, от которого зависела судьба человечества. 16. Человек с перестроенной биологической структурой. 18. Тара для содержания динозавра. 19. Аппарат для накопления свободного времени. 22. Космический пират. 23. Транспортное средство. 24. Предмет внеземной красоты. 25. Геолог, участник экспедиции на планету гусей-лебедей. 28. Улица в городе Великий Гуслияр. 29. Инопланетянка, основой жизни у которой служит аммиак. 30. Гостиница на улице Горького в Москве. 31. Муравей, умеющий читать. 32. Гравитационный космический корабль второго класса. 33. Имя человека, способного повернуть течение Нила.

По вертикали: 1. Обыкновенный человек: чемпион мира по шахматам и изобретатель машины времени. 3. Озеро в окрестностях Великого Гуслияра. 4. Изобретатель телевизора с объемным изображением. 6. Питекантроп, вывезенный из прошлого на машине времени. 8. Начальник стройконторы в Великом Гуслияре. 10. Имя женщины, носившей своего мужа в сумочке. 12. Содержимое продовольственного столбика зеленого цвета. 17. Знаменитая эстрадная певица. 19. Изобретатель «Глаза». 20. Представитель цивилизации, поставившей на своей планете памятник земной женщине. 21. Мальчик, житель эпохи легенд. 26. Трехглавая комета с драконьим хвостом. 27. Апатозавр, выведенный из яйца, найденного в вечной мерзлоте.

ЧЕМ СЛАВЕН УРАЛ?

Юрий ЛИПАТНИКОВ

Не могу не поклониться памяти историка науки и техники на Урале Анатолия Григорьевича Козлова... Десятки лет он полнил конверты, в кои собирал сведения об изобретателях, творцах машин. Этот его неповторимый «конвертарий» был с тысячами ячеек памяти о достославном крае Родины — об Урале. Жаль, что у Анатолия Григорьевича было мало учеников (быть может, оттого, что он не любил торопливых, а молодые люди спешат самоутвердиться), и те ячейки памяти уж более не пополнятся. Профессор считал: история науки и техники — это тоже история духа. О том, что сию очевидную истину нужно доказывать, говорит хотя бы следующее: охрана памятников техники еще не стала таким же делом, как охрана памятников искусств. Когда говорят о достижениях конструкторов космической техники — все хорошо. Отчего же мы отказываем в духовной ценности изобретениям прошлых веков? Относим все это к истории технической мысли, которая может интересовать якобы лишь специалистов...

Люди ищут истоки рек, чтобы пройти и посмотреть, как начинается их сила и слава. Не так ли происходит с нами в потоке времени? Хочется знать, откуда и как начались эти быстрые перемены и где истоки НТР и куда она нас несет? Будем ли мы счастливы в быстромеменяющемся мире? Были ли счастливы предшественники в медленном потоке времени? В чем-то же они были счастливы? Нельзя ли извлечь урок из их образа жизни? Хочется внимательно взглянуть в их бытие. И сберечь вещественные доказательства их существования, их технического прогресса.

Приборы, механизмы, машины стали называть в последнее время памятниками культуры. Даже появился специальный термин — «памятник науки и техники». Совсем не обязательно эти памятники должны быть непременно уникальными, штучной работы. Ценны и машины, с которых начаты серии. Они ведь тоже неповторимы. Материалы меняются, и трудно воспроизвести в точности серийную вещь вчерашнего дня. Даже обыкновенную парадную дверь старинного дома почти невозможно идеально продублировать. Нет такого же качества досок. Точно так же и с медью, и со сталью. Они стали иными. В чем-то лучше, в чем-то хуже, но иными. Точную копию прибора сделать можно, но материал будет фальшивить. Вот почему знатоки старинной техники охотятся за оригиналами, тащат в дом ржавые конструкции, отхаивают их. Только такая вещь источает безобманный аромат минувшего. Ведь не только знаний мы ищем в творениях предков, но их психологию, их дух. Это больше, чем знания. Так мы родимся с пращурами. Становимся по ощущению не случайными, а закономерными людьми. Ощущение этого сообщает силу.

В одном из залов Свердловского историко-революционного музея висят гроздью бронзовые церковные колокола... Мы же приближаемся к чугунному колоколу. Он не укра-

шен орнаментом, в его облике нет ничего парадного. Это рабочий, заводской колокол. На нем круговая надпись: «наполовину из чугуна, наполовину из магнита лит в 1702 году».

Это самое старинное (из сохранившихся) изделие уральской промышленности. Колокол, говоря фигурально, возвестил о начале промышленной эпохи Урала. И стал ее первым памятником. О чем он ныне молчит? Что помнит, звавший работный люд не к богу, а к труду? Он будит в нас память о том, чем славен Урал, чего достиг во благо отечества в доэнтэровские времена. Слышат ли его те, кто устремлен в будущее?

У административного корпуса завода имени В. И. Ленина в Перми стоит памятник техники — пушка, изготовленная уральцами в 1868 г. Ее вес 2800 пудов, вес ядра — 30 пудов. Уральская царь-пушка. Это не копия. Настоящая реликвия горнозаводского Урала. Жаль, что мало людей ее видит. Туристские потоки текут мимо нее. Значит, сохранить — еще полдела, надо уметь показать бережному. Возможно, и стоит царь-пушку установить на высоком берегу Камы, у краеведческого музея, где ее можно было бы увидеть даже с борта туристского теплохода.

Чем богат Урал? Железом. Чем славен? Мастерами. Почти за три века со времен Петра уральцы совершили в технике немало такого, о чем историки говорят: сделано впервые в России. Первая драга из Невьянска. Водяная турбина из Алапаевска. Первый пароход (стимбот) из Пужвы. Список первенцев столь изрядный, что, явись кому идея создать музей уральских раритетов такого рода, получился бы всемирно известный технический вернисаж, славящий трудовую смекалку уральцев. История Урала — по преимуществу история техники.

Настоящая память о прошлом деятельна...

...К Свердловску из Серова, громыхая на стыках рельс, подходит поезд. На перрон выходит человек. Он с трудом удерживает в руках странный багаж — кусок рельса. С ним он идет сквозь удивленную толпу к остановке такси. Едет в машине к краеведческому музею, удерживая на коленях свой «багаж». Надпись на рельсе: «Надеждинский завод» — дата.

Больше тысячи экспонатов собрал для музеев области сцепщик вагонов Серовского металлургического завода (теперь пенсионер) Николай Антонович Котельников. Не только паровоз дал на века России Урал, но и первые рельсы. Котельников пополняет коллекцию рельсов уральской работы; известный собиратель уральской старины Иван Данилович Самойлов создал музей народной архитектуры и живописи, а теперь строит целую деревню, где будет сельская кузница и мельница-крупорушка.

Еще один человек создал музей в Алапаевском районе — это Александр Григорьевич Потоскуев из села Коптелово, возникшего задолго до появления на Урале заводов. В крестьянской избе он собрал предметы быта, в кирпичном здании — инвентарь земледельца. А почему бы не

сделать и такое: провести пахоту на конях, сев из лукошка, или сенокос по старинке, или жатву? При стечении народа, молодежи. Забывают молодые, как давался на Урале предкам хлебушек!.. Николай Котельников, Иван Самойлов, Григорий Потоскуев... Собиратели уральской старины. Поклон им. Но не странное ли дело: чем крупнее город, тем меньше встретишь собирателей уральской техники, которым бы удалось сделать что-то такое же заметное, чего добились Котельников, Самойлов, Потоскуев? Не взынет ли практическое, деятельное краеведение (хотя бы в том же Свердловске) в словопрениях на конференциях, в клубных заседаниях?

Вот Исторический сквер Свердловска... Пустынность его очевидна. Из Исети бьют редкие струи фонтанов...

Почему бы здесь не построить настоящее, большое водяное колесо, да чтобы оно приводило в действие большой кричный молот? Сделать бы эту фантазию реальностью. Вертится колесо, бьет молот, дети в восторге смотрят на его работу. Неизобрательны мы в том, что касается оживления нашей памяти...

Это по всей России все еще так: памятники техники сберегаются хуже, чем памятники искусств. Аquareль, выполненная художником средней руки, находит место в картинной галерее. Кованая ажурная решетка (ею кузнец искусно украсил дом) идет на переплавку. Из металла, добытого ценой уничтожения красоты, делают уют и садовую лопату. Сомнительно, что экономическая и духовная мощь России от такой рачительности прирастет... Исчезла в огне мартена еще одна частица славы отечества, еще одна деталь его самобытного убранства.

Мы словно глухи и слепы и, создавая новое, равнодушно обмолачиваем и перемальваем все, что с таким тщанием, искусством и любовью создавали деды из металла и дерева, чтоб украсить свои (и, значит, наши) дома снаружи и изнутри. Мы охотимся, и уже давно, за старинным железом. Изукрашено оно — все равно считаем его металлоломом. Мы гордимся своей готовностью отдать прожорливому Вторчермету все без разбора. Мы — сознательные граждане и понимаем: стране нужен металл! Горняки руют прекрасные пейзажи ради железной руды. И нас греет экологическая догадка: собирая лом, мы спасаем какой-то красивый уголок природы, уменьшаем наступление горнорудной промышленности на родную природу.

Итак: плата за быстрый технический прогресс — вынужденная переплавка металла, в том числе и художественного?

Однажды в Свердловске был случай... В Историческом сквере сохранили ворота Екатеринбургского завода. Более ста лет назад их увенчали фонарями великолепной кузнечной работы. Учащиеся ПТУ, озабоченные сбором металлолома, бестрепетной рукой срубили чудесные фонари и заодно сняли кое-какие кованые решетки. Как триумфаторы вошли они с этой добычей во двор родного училища. Прошло несколько лет, думается об этом поспокойнее, да и, кажется, теперь есть объяснение поступка молодых людей: на их глазах здесь, на берегу Исети, был разрушен почти полностью крупнейший в Европе завод XVIII века. Размах и безоглядность сноса не могли не произвести впечатления на молодежь. Что там какие-то фонари — завод разрушили, с которого начинали город. Потом историки напишут: снос в Свердловске завода — редчайший случай неадекватности. Старинные корпуса, видите ли, стали портить вид центральной части города. А, впрочем, он, административный центр, через несколько лет после этого стал перемещаться на другое место. Вместо того чтобы привести в божекий вид завод и разместить в нем музей уральской техники, его снесли, оставив два корпуса. Образовался по берегам Исети облагороженный

деревцами, глыбами камней и плитками пустырь. А из реки бьют летом струи фонтанов. Они должны, очевидно, оживлять пейзаж. Скукой веет от Исторического сквера, его пустоту можно заполнить только заводом. Неужели его придется когда-либо восстановить, как те фонари, что сорваны для Вторчермета...

Да, говорят прагматичные люди, все старое — в металлолом. Ну там оставить для всероссийского музея техники кое-что (он, кстати сказать, до сих пор не создан), а остальное... Так рассуждают те, кто ослеплен успехами нынешней технологии, зачарован лавиной предметов, сходящих с конвейеров. Жестокое заблуждение! Доля старинного металла в шихте домен невелика. И прежде чем отправить в лом бытовую вещь или заводскую машину, надо сто раз подумать, посоветоваться со знатоками истории техники. Вдруг это реликвия! Никакого постоянного государственного контроля за списыванием техники нет. Где она, первая уральская драга? Где он, первый экскаватор Уралмаша? Исчезли в огне, восстав в образе других машин? Невосполнимые потери. Легко теряем сегодня то, чему вчера всем сердцем радовались. Те, кто сделал первый экскаватор, живы, жива их память о первенце отца заводов. А завтра что будет помнить потомок? Право, мы слишком скромны. Стыдимся проявить сметку в деле сохранения технического наследия. Боямся быть рачительными в области музейного дела и не учимся хозяйству в музеях. Почему не сделать экспонатом шагающей экскаватор? Поставить его для всеобщего обозрения именно здесь, где его придумали и сделали, именно на Урале, в Свердловске. Многим ли довелось, даже тем, кто работает на Уралмаше, не горюпясь, обойти вокруг богатырскую машину, испытать это гордое чувство: велик человек, а какие махины выходят из его рабочих рук. «Сколько металла-то пропадает! — воскликнет трезво мыслящий посетитель музея уральской техники (он тоже до сих пор не создан). — Шагающие экскаваторы, отработав свое, должны шагать в сторону домны... Никуда больше!»

Символ Урала — домны. Высокие, круглые, будто колонны, или, говоря по-старинному, столпы. Они в действительности — столпы отечественной экономики. Она стоит на металле. Чем его больше, тем разнообразнее машины на полях, на дорогах, в шахтах. Тем мощнее поток железобетонных деталей и металлоконструкций.

Петр Великий определил специализацию Санкт-Петербурга на Неве и Екатеринбург на Исети. Морское дело России начинал и двигал невольский город, железное дело России, в масштабах до Петра невиданных, повел исетский город. Там — адмиралтейство, здесь — обербергамт, управление горными заводами. Адмиралтейство заказывало обербергамту пушки и якоря. И уральские пушки открыли России выход в море...

В пустое ли место указал перстом царь-реформатор? Было ли горное дело на Урале до Строгановых да Демидовых? Было... Кустарное мужицкое железнорудное. С каким трудом археологи восстанавливают подробности того, как, проявляя смекалку, безмянанный россиянин ставил свой крохотный чудо-заводик. Однако, увы, в натуре он нигде до сих пор не восстановлен. Тайны землепроходцев нас как-то больше привлекают, чем тайны первопроходцев в железном деле России. А ведь и самый отважный путешественник шагу бы не сделал без топора и пицали. Фигурально говоря, Сибирь открыл кузнец. Уж никак не один, не сам по себе казак. Рядом с именем Ермака надо бы ставить имя Кузнецова, ибо не напрасно же страшились татары казаков — они были одеты в железо и несли в сибирские пределы огнестрельное оружие.

Но еще до русских пушкарей, колокольников и железнорудельцев в Уральских горах вел горное дело народ, можно сказать, до конца не познанный. Его опыт практически

пресекал. Разрозненные следы его деятельности — копи — издавна называют чудскими. В 1774 году в одной из шахт на Урале обнаружили березовую крепь и две меховые рукавицы. А вскоре и кожаные сумки, два медных лома, железный ножик с костяным черенком, обожженную лунину, совки с ручками, металлическую лопату и опять рукавицу — баранью. В последние годы археологи восстанавливают на Думной горе древнюю плавильную печь, здесь обнаружены литейные формы и инструмент. Археологи мечтают: на Думной горе должен быть открыт музей древней металлургии.

Русские насельники, раздувшие огонь в горнах в XVII веке, не могли опереться на опыт неведомой чужды. Он не сохранился, ни в чем не был запечатлен. Вспомним, первый на Урале завод появился более 350 лет назад. Отыщем на старинной карте. Он стоял на реке Нице. Руду для него добывали из Большого озера и на участках земли, где бурый железняк брали с давних пор и плавили железо в ручных печках безмянные русские мужики. Первый железодельный завод помог уменьшить дорогостоящую доставку кованого инструмента для крестьян Сибири из центральных районов страны. Завод на Нице был одним из крупных заводов Московского государства. За сезон он выдавал 400 пудов железа.

Память об уральской старинной технике — память о духе дедов и отцов, память духовная, а не техническая, которая волнует лишь историков и любознательных инженеров. Это память о стойкой и негромкой верности стране, об умении делать долговечные вещи...

Как это нередко у нас бывает: сапожник — без сапог. Не так ли и Урал? Много ли он, край мастеров, сохранил своих диковинных творений? Он их щедро рассеял по России.

Первый паровоз бегал по уральской земле. Его строили «для показа» в столице. То есть с особенной отделкой, франтоватым. Канул в Лету первенец. То ли в Москве, то ли в Петербурге от небрежения распался на части, то ли на Урале пропал, то ли в пути где свалился с барки на дно Чусовой и лежит на дне? Ничего толком не известно. А установлены на пьедесталах (в Свердловске и Нижнем Тагиле) модели не первого паровоза Черепановых, а второго. Это подтверждает красочный чертеж паровоза Черепановых, недавно обнаруженный в Государственном архиве Свердловской области. На архивном листе изображен именно тот, франтоватый паровоз, что делали «для показа» в столице. Мы же говорим: поглядите, как выглядел первенец отечественного паровозостроения. Так, да не совсем, оказывается, так...

Свердловский архитектурный институт разработал проект действующего музея-завода в Невьянске. Он станет центром практической ориентации молодежи на «железные» рабочие профессии. Есть эскизы музея, чертежи, макет, старинные фотографии и рисунки Невьянского завода.

Поучителен опыт архитекторов прошлого, создавших своеобразную промышленную архитектуру Урала. У Ю. А. Владимирского, и. о. профессора Свердловского архитектурного института, есть масса чертежей и рисунков старых корпусов заводов.

Уже к началу прошлого века Урал стал высокоиндустриальным районом России. Здесь сложился центр инженерной мысли. Плодотворно работали также и зодчие, образовав особую творческую школу. Свиязев, Малахов, Комаров, Чеботарев, Вяткин, Луценко — вот имена архитекторов, которые строили своеобразно, используя металл и легкие конструкции для покрытия заводских зданий.

Недавно была сделана редкая краеведческая находка — папка старинных фотографий, на которых изображены с самых разных точек Кыновский завод. И мы впервые получили возможность видеть большой фоторепортаж из

прошлого (1910—1911 гг.). На снимках — сцены труда. Тут и углежог, складывающие длинные поенья по-особому, чтобы выжечь древесный уголь. Тут погрузка железа в барки. Здесь работа в кричной, где на весах, коромыслах взвешивают добротное листовое железо. Здесь групповой портрет бородатых мастеров железного дела.

Никогда до сих пор не удавалось краеведам отыскать такого всестороннего фотографирования жизни старого уральского завода. Такой подборки фотографий не оставил даже известный уральский фотограф В. Метенков.

Эта серия фотографий создает ощущение визита к предкам...

Уральцы немало отковали и отлили оград и решеток для других городов. А как храним произведения литейщиков и кузнецов? Музея художественного металла на Среднем Урале нет. Художественное литье в основном так и останется в музейных запасниках. Почему? Экспонировать его — нужно много места, да, кажется, и опыта большого нет, как показать кружева, сошедшие с наковальни. Ревнителю старины и ценителю прекрасного вывешивать из-под бульдозера кованую решетку принесут в квартиру и каким-нибудь манером устанавливают ее. Получается декоративная выгородка. Любо-дорого. Старинные дома сноют, художественный металл ухватывают владельцы дач. В Свердловске недавно шел снос целого квартала под торговый центр. Много лет был ежедневный путь мимо двухэтажного бревенчатого дома с резными наличниками, что стоит рядом с Домом крестьянина. Каждый день на глаза попадал железный флюгер (с просечной цифрой «1909 г.») бревенчатого дома, кованая решетка вокруг флюгера. Словом, наверняка было нечто отменное у дома, горделивое, радостное, сказочное. И вдруг: дом еще цел, а флюгер и решетка исчезли! Не в небе же растворились? Кинулся в детский клуб «Алый парус», где инженер Юрий Андреевич Каленков с ребятишками собирает всякую старину, так образуя музей утвари и всего того, из чего состоит старый дом. Заградительная решетка оказалась у них. И как сохранилась: связана кузнечом крепко-накрепко. Каленков с юными помощниками понимал, что это реликвия высокого ранга, ей место в государственном музее. Замечательно. Но вопрос: ю десятку лет любовались свердловчане, проходя улицей 8 Марта, а когда они ее увидят снова — в музейной экспозиции? Никто не ответит...

Нет, робки мы в музейном деле. Нужен просторный павильон для показа старинного уральского железа, не довольно ли так работать — только копить его? Такие выставки поднимают национальную гордость: вон какие чудеса творили кузнецы с железом, какие узоры плели, как хитро машины придумывали! Выставка достижений предков может только воодушевить. Чего же боле? Разве этого мало? Но мы робки в музейном деле. Не будь случайных помощников, иногда музейному работнику просто-напросто и не снять с разрушаемого дома кованую решетку редкостной красоты. Идет быстрое обновление исторической части Свердловска (именно обновление, а, увы, не реконструкция, не реставрация), железо, составляющее красоту домового убора, гибнет, растаскивается, но сбор его для музеев не поставлен как серьезное дело. Чтобы люди были с инструментом, с транспортом и т. д. И потухни у отдельных музейных работников собирательский энтузиазм — вовсе иссякнет приток старого железа в запасники.

...Техника настоящего, ее много. Когда кончится срок ее службы, она должна (частично, разумеется) стать экспонатом уральского технического музея. Повторим: мы с размахом строим выставки достижений сегодняшних, но и выставки старинной техники не хуже бы настраивали на ударную работу. Да их воздействие и шире. Они воодушевляют, укрепляют патристические чувства.

ГОЛОСА АМУРА

Александр ТРОШИН

Тысяча судов у орденосного Амурского пароходства! Буксиров-толкачей, сухогрузов, рефрижераторов, танкеров. А вот пароходов не осталось ни одного. Последний амурский пароход, буксировщик «Артем», стал на последнюю зимовку в 1979 году, а затем был отправлен в мартены.

Но прежде пароход послужил киноискусству. В многосерийном телевизионном фильме «Мужество» «Артем» играл роль самого мощного на дальней русской реке буксировщика «Рабочий». И вот конфуз. Хоть и придали художники «Артему» внешний облик, сходный с знаменитым силачом-буксировщиком, но когда бывшие капитаны «Рабочего» услышали голос судна с экрана, то сказали: «Нет, мы не так «говорили!»...»

На «Рабочем» стоял трехтонный гудок. Трехтонный не по весу, конечно, а по количеству тональностей: «бас», «тенор», «альт». «Бас» предназначался для широкого раздолья, где можно без зазрения совести «рвякнуть» во весь свой могучий пароходный голос: «Прочь с дороги, мелкота. Не видишь — «Рабочий» с тяжеловесным караваном барж идет!» «Тенор» звучал на портовых рейдах, где нельзя сильно шуметь. Самый высокий по тону сигнал — «альт» — использовался, например, для вызова с палубы на мостик вахтенного матроса или боцмана.

— Самыми голосистыми на Амуре в наше время были пароходы «Почтари» — «Держинский» и «Чичерин», русской постройки, — вспоминал Илья Архипович Богодайко, кавалер ордена Ленина, который трудится на реке с 1926 года. Сейчас он — лоцман на Среднем Амуре. Илья Архипович рассказал мне немало увлекательного о пароходных гудках.

До революции на Амуре насчитывалось свыше двухсот пароходчиков. В основном эти были купцы и золотопромышленники, большинство из которых жило в Благовещенске. Каждый судовладелец старался чем-нибудь «утереть нос» своему конкуренту. Ставили на суда звучные гудки, похваляясь: «На моем-то пароходе свисток: в Благовещенске аукнется, так аж в Хабаровске откликнется. Сила!»

Славилась умением придавать гудку мелодичность и приятную тональность благовещенские механики, из которых почти каждый слыл искуснейшим гармонистом. Перед выходом парохода весной такой механик мог сутками регулировать тембр звукового устройства. Для этого мастеровой забирался на пароходную трубу с гармоникой в руках и регулировал паровую шель в гудке с помощью деревянных колышков.

Наиболее опытных механиков купцы переманивали, платя повышенную зарплату. И шли по реке не суда — оркестры. Самым знаменитым «гудошником» был отставной флотский кондуктор, известный под именем Ерофеич, сторож Благовещенского речного училища. Он умел придавать гудкам неповторимые оттенки. Бывало, для этого к Ерофеичу пригоняли суда, и они сутками стояли в ожидании «голоса».

Особо голосистые гудки меняли своих хозяев по несколько раз. Старожилы рассказывают: благовещенский

купец, золотопромышленник, владелец пароходов «Владимир», «Аврора», «Алена», «Меркурий», «Экспресс», а также своего дебаркадера для пассажиров у городской набережной с рестораном и отличным оркестром, решил пустить между Благовещенском и «золотой» Зеей такое быстрое комфортабельное судно, которое бы вытеснило с этой линии (ездили здесь обычно золотопромышленники и удачливые старатели) все другие суда. Он направил в финский город Гельсингфорс самого расторопного приказчика, наказав: «Закажи мне самый мощный пароход. Поставь условия, чтобы судно по Зее птицей летело, но при сильной машине имело небольшие размеры. Река наша капризная, с кризисами, да и мелет больно часто...»

Накануне первой мировой войны судно было построено и в разобранном виде морем доставлено на Амур. Купцу так понравился мощный пароход, что он приказал на колесных кожухах — «сияниях» поставить собственное имя.

В первый рейс из Благовещенска в Зею пароходчик повелел на «Ивана Опарина» пассажиров не сажать, а пригласил прогуляться своих приятелей. Но пароход, мощный и вместительный, по реке Зее «летать» не сумел. Он буквально выхватывал из-под себя воду, и, чтобы не поломать колеса на мелководье, а тем паче не посадить судно на отмель, капитан приказал механикам убавить обороты машины наполовину. Хвастливый купец учинил разнос команде парохода: «Я вас нанимал работать не вполсилы, а во всю мощь. Выгонию...»

Доконал разгневанного купца игрушечный пароходичко «Бомнак». Разворачиваясь носом по течению, судно крошка издало такой звонкий, мелодичный и мощный гудок, что купчина и рот раскрыл. Вызвал он спрятавшегося от хозяйского гнева приказчика: «Беги на «Бомнак». Скажи, понравился гудок Опарину. Ничего, мол, он за него не пожалеет».

Вернулся приказчик, доложил: «Хорош гудок, Иван Александрович. Его купец Мазур, владелец «Бомнака», в Нижнем Новгороде на ярмарке на орловского рысака выменял... Дешево нам не отдаст».

Вмиг Опарин оказался на берегу и через час с трудом донес до своего парохода понравившийся ему паровой гудок с пароходика купца Мазура. «Новый лабаз за него отдал, — сказал честолюбивый купчина капитану, передавая ему свое приобретение. — Да не жаль и лабаз за такую голосистую штуковину».

Забегая вперед, скажем, что «Иван Опарин» в 1918 году был угнан белогвардейцами на Сунгари, в Харбин. Он носил там название «Хайчин», а в 1929 году возвращен речникам Амуре и до середины 60-х годов ходил с гордым именем «Карл Маркс».

Случались с пароходными гудками и странности. Так, на старинном зейском почтаре «Адмирал Чихачев», известном современным речникам под новым именем «Роза Люксембург», гудок мелодичнее звучал при пониженном давлении пара. Команда судна, зная это, заведомо понижала давление в котле при подходе к очередной пристани.

Изготавливали гудки до революции на благовещенских заводах, а также их делали русские мастера в Харбине. На каждом предприятии был мастер, который владел секретами сплава, из которого изготавливались паровые сигналы. В конце века, например, самыми дорогими гудками считались «харбинские», их ставили обычно на буксировщики. Они выдавали звучный, басовитый, низкой тональности звук, который как бы «стлался» над поверхностью реки и был далеко слышен. Сигнал особой громкости давали гудки, отлитые благовещенскими рабочими путейских мастерских. Именно по пароходным гудкам в Приамурье старожилы могли задолго до появления судна у селения точно назвать, какое судно следует по реке.

В ОГНЕ НЕ ГОРИТ, В ВОДЕ НЕ ТОНЕТ...

Борис МАРКОВ

Когда она появилась? Ответ на этот вопрос дает музей военной одежды: в 1802—1803 гг.! Шинель скромна, простонародна. Сильно ворсистая, белесоватого цвета. Воротник стоячий, обшлага рукавов — сложенные, вместо хлястика — веревочный гуж. Вроде и не похожа она была на сегодняшнюю шинель. И все-таки сразу узнаешь прообраз «родимой» нашей.

В шинели русский воин победил Наполеона, со славою защищал Севастополь, сражался на Шипке, прошел поля первой мировой, а советский солдат — гражданскую и Великую Отечественную войны. Она и поныне в строю.

С появлением массовых армий шинель становится все более популярной. Постепенно она изменяется. Вождь уже и воротник стал отложным, и обшлага рукавов зашты, и вместо тяжа — хлястик... Так она выглядела до 1918 года. 7 мая 1918 года Народный комиссариат по военным делам объявил конкурс «по установлению формы обмундирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Требовалось создать такие формы одежды, которые бы, «вполне отличаясь от старых, должны быть спортивно строгими, но изящными в своей демократической простоте и отвечающими по стилю духу народного творчества...»

Интересно, что в 1919 году новая шинель именовалась... кафтаном. И в самом деле, чем-то она напоминала стрелецкий кафтан. Алые или синие (по роду войск) ромбовидные и сменные (ради экономии) петлицы, из более темного сукна воротник и обшлага рукавов, яркие хлястики-застежки, или «разговоры», на груди...

И все же в основе своей наследница стрелецкого кафтана и крестьянского армяка осталась прежней. Не изменилась, например, ткань. Да и нужды в этом не было: на Всемирных парижских выставках в 1897, 1901 и 1909 годах русские шинельные сукна завоевывали призы.

Достоинства и преимущества шинели... Несмотря на плотность ткани шинель мало стесняет движения. В ней можно вести рукопашный бой, преодолевать различные препятствия. Тело в ней хорошо «дышит» и в то же время защищено от холода и ветра. В сильные морозы солдат может поддевать теплое белье и телогрейку; для этого есть запас. Сукно хорошо оберегает здоровье солдата даже при прямом контакте с холодной землей («эффект стельки»). Есть еще «эффект бурки». Намокшая шинель прилично «держит воду», едва пропуская ее внутрь. Если дождь недолог, водоотталкивающая пропитка не дает шинели намочиться... А в итоге ей подвластны почти все времена года, весь диапазон климатов!

Сухое шинельное сукно — неплохой изолятор. Поэтому солдата в шинели реже поражает электрический ток. Шинельная ткань плохо горит. Кстати, этим качеством сукна воспользовались люди огненных профессий — металлурги, сварщики и т. д.

Шинель нелегко порвать. Она износоустойчива.

Если солдат служит в южных районах, то его, спяще-

го в шинели, не тронут змеи, скорпионы, тарантулы и фаланги — они боятся овечьей шерсти.

Как бы шинель ни загрязнилась на грунте, ее стоит лишь просушить, вытряхнуть и выбить — и она опять чистая. Ее нетрудно и постирать, сукно не сядет и не сомнется.

О том, что она значит для солдата на отдыхе, лучше, чем в «Василии Теркине», не скажешь:

Взял шинель да, по присловью,
Смастерил себе постель,
Чтоб под низ, и в изголовье,
И наверх,— и все
шинель.

ПОЮЩАЯ ГЛИНА

Борис КУБАРЕВ

Более двухсот занимательных свистулек из различных уголков страны выставлено в зале краеведческого музея г. Шуи. Невозможно не обратить внимания на яркую и выразительную игрушку мастеров известной Дымковской слободы. Филимоновскую игрушку отличают вытянутые пропорции и символический орнамент в виде желтых, красных и зеленых полос. Особая таинственность, необычность формы характерны для игрушек из Средней Азии. Фантастические звери, сказочные персонажи, румяные барыни и веселые солдаты, словом, чего только не увидишь в витринах! Свообразны игрушки Прибалтики, Украины и Белоруссии.

В коллекциях многих музеев страны можно видеть игрушки народов СССР, собранные и подаренные страстным любителем народного искусства, литератором и искусствоведом Геннадием Михайловичем Блиновым. Приятно сознавать, что подвижничество Г. М. Блинова не остается незамеченным, люди благодарны ему, и об этом свидетельствуют записи в книге отзывов: «Большое спасибо за экскурсию в глубину народного творчества. Это настоящее приобщение к прекрасному. Увидев такое собрание игрушек из глины, дети понимают, как изобретателен был народ, сколь жизнерадостен, каким умением обладал, чтобы из комочка глины сотворить настоящее произведение искусства, уникальные вещи».

СУДЬБА ОДНОЙ КНИГИ

Александр ШМАКОВ

Давно известно, что в судьбах книг часто отражаются судьбы их авторов. Мне хочется представить читателю невзрачную с виду книжечку небольшого формата, в мягкой обложке из оберточной бумаги. Издана Пермским государственным областным музеем в 1929 году. Удивляешься ее долголетию и счастливой судьбе. Она сберегла в памяти многих людей и имя автора, мысли, волновавшие его, и дела, которым были отданы все силы и накопленные знания. «Краеведческий вопросник» — так называется книга, написанная патриархом уральского краеведения Владимиром Павловичем Бирюковым.

Это практическое пособие адресовано краеведам, которых В. П. Бирюков называл ответственными секретарями народа. В нем он освещает все стороны исследовательской работы, делится своим опытом, раскрывает значение краеведения в жизни страны.

В. П. Бирюков организовал в Шадринске, где жил тогда, научное хранилище и музей. При его участии в 1923 году издавался журнал Шадринского общества краеведения. В 1924 году он создал «Шадринское научное хранилище».

Эта начальная пора краеведческой деятельности Владимира Павловича высоко отмечена академиком А. Е. Ферманом — одним из инициаторов массового краеведческого движения в нашей стране. Ученый побывал в Шадринске в 1925 году. Ознакомившись с работой В. П. Бирюкова, он назвал его Героем краеведения. И это не было преувеличением.

В. П. Бирюков был влюблен в Урал и всю свою жизнь боролся за разумное использование духовных и материальных его сокровищ. В те годы многие откликнулись на призыв В. И. Ленина — изучать свою Родину, раскрывать ее богатства и ставить их на службу социализма. Краеведы исследовали все стороны природы и хозяйства родных мест, духовной жизни народа и его культуры в прошлом и настоящем. Они изучали местные архивы, историю революционного движения, составляли летописи городов и сел, заводов и колхозов, занимались исследованием и охраной памятников народного творчества. Читаем в пособии:

«Культурное и хозяйственное строительство края всегда основывалось на том или ином знании местных условий. В дореволюционное время попытки сделать изучение местного края массовым наблюдаются лишь после 1905 года. В советское время дело круто меняется. Достаточно взглянуть во всю глубину слов «власть на местах». Они не только обозначают, что за местами признается право думать и заботиться о своих нуждах именно так, как того требуют эти нужды. Больше того: за местами, пусть ими будет маленькая деревушка, захудалый городок, какой-либо уголок «немогущей Сибири», признается другое великое право, право считать себя такими же равноправными звеньями своего государства, какими являются отдельные автономные области, республики, города краевые и столичные».

Краеведением занимались во всех уголках нашей

страны. Направляли ее работу видные государственные деятели — Н. К. Крупская, В. В. Куйбышев, А. Е. Ферман...

В. П. Бирюков писал в 1925 году: «Великая краеведческая стихия неудержимо разливается по лицу СССР. Она стремится завоевать необъятный безбрежный океан, имя которому — естественные производительные силы. И представить себе трудно, какие величайшие богатства скрыты в пучине этой безбрежности! И каким могучим станет пролетариат, когда хотя бы часть этого океана подчинит себе».

«Краеведческий вопросник» был полезен не только для краеведов Урала. Трехтысячный тираж, по тому времени немалый для практического пособия, разошелся быстро. Была ли книга официально разослана по областным обществам краеведения, сказать трудно, но вот один экземпляр вернулся на Урал из Воронежа. Его подарил совету «Бирюковских чтений», которые традиционно проводятся в Челябинске, воронежский ученый-литературовед О. Г. Ласунский. Дар его ценен не только тем, что воскрешает важную страницу в биографии краеведа, но является теперь редчайшим изданием, сохранившимся в единичных экземплярах даже не во всех уральских музеях и библиотеках.

Интересна судьба этого экземпляра. Он попал в коллекцию библиофила О. Г. Ласунского от покойного воронежского краеведа В. А. Прохорова. Им она была приобретена, если судить по надписи, оставленной на обложке, у Г. Н. Яковлева. Как удалось установить О. Г. Ласунскому, первый владелец книги — Яковлев был активнейшим краеведом-энтузиастом из города Острожка Воронежской области.

Этот экземпляр «Краеведческого вопросника» положил начало книжной коллекции, связанной с проведением «Бирюковских чтений». Кроме редких книг и брошюр уникальность коллекции составляют фотографии Владимира Павловича, сделанные при его жизни участником чтений лингвистом В. П. Тимофеевым; письма, адресованные писателю А. Деметьеву, энтузиастам литературного краеведения — В. Кандалову и А. Черепанову, магнитофонная запись живого голоса Бирюкова, подаренная известным уральским краеведом Ю. М. Курочкиным; книги с автографами краеведа и некоторые мемориальные предметы, переданные родственниками.

Так по крупицам, дорогим нам, полученным от участников «Бирюковских чтений», накапливается оригинальная коллекция, посвященная жизни и деятельности ответственного секретаря народа Владимира Павловича Бирюкова.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА

Валерий МИРОНОВ
Рисунки Ольги Горячевой

И Ю Н Б

В Древнем Риме июнь первоначально был четвертым месяцем года и назывался по своему числовому обозначению — «квартидилисом». К концу VIII века до нашей эры он получил название «юниус». О происхождении этого имени существуют различные версии. По одной из них, имя месяца происходит от слова «юниор», что означает «юный», «более молодой», по другим данным, свое имя он получил в честь римского консула Юния Брута, по третьим — от женского имени Юнона...

Перволетний месяц голландцы и датчане, норвежцы и шведы называют «юни». Так же звучит его имя и на суахили. А созвучно этому в целом ряде стран мира: в Англии и Индии (на урду) — «джун», в Греции — «иониос», в Индонезии — «дьюни», в Испании — «хунио», в Италии — «джуньо», в Португалии — «хуньо», во Франции — «джуин», у арабов — «йоунья», на эсперанто — «джунно».

В Китае июнь — «шестая луна», в Японии — «безводный месяц». В период Великой французской революции и в дни Парижской коммуны во Франции первый месяц лета называли «полевым месяцем» или «месяцем жатвы».

В июне происходит солнцеворот, когда солнечное колесо, достигнув наибольшей высоты, начинает спускаться вниз. Это месяц лучистого солнца, белых ночей, самый светлый месяц года.

Украинцы, болгары, чехи и словаки называют июнь «червенец», поляки — «червецом». Червец (червь) в Древней Руси служил сырьем, из которого добывали красную краску.

От слова «червецъ» в древнерусском языке образовалось слово «червленный», что означает «красный». В славянских языках в значении «красный» до сих пор употребляется болгарское слово «червен» и сербское «црвен». Вот и выходит, что июнь — «красный месяц». До XVI—XVII веков слово «красный» в русском языке применялось в значениях багряный, красивый, нарядный, ясный. Все эти эпитеты можно отнести и к шестому месяцу года.

Середину месяца, когда буйно растут травы, молодые ветки начинают твердеть, а березовый лист в соку, окреп, стал пахучим и обогатился целебными свойствами, называют «вениковым» временем. В это время погожими днями заготавливают веники для бани в средней полосе России. Иначе еще говорят — «время веники вязать».

До 21 июня Солнце находится в созвездии Тельца, а потом — в созвездии Близнецов.

Июнь — время сбора подберезовиков, сыроежек, маслят, шампиньонов и лисичек, начало заготовки подосиновиков. В июне поспевают земляника и брусника.

В соответствии с так называемым календарем «счастливых камней» лету посвящается рубин, символизирующий яркость и зной летнего солнца, а июню — лунный камень и жемчуг, соперник рубина и изумруда.

По календарю камней, приуроченных к созвездиям, июню до 21 дня соответствуют агат и созвездие Близнецов, а потом — изумруд и созвездие Рака. По календарю цветов июню соответствует роза.

ПРИМЕТЫ, ПОГОВОРКИ, ПРИСЛОВЬЯ...

Июнь — месяц белых ночей, цветущих трав, поющих птиц.

В июне первую ягоду в рот кладут, а вторую домой несут.

Май — радость, июнь — счастье.

Май творит хлеба, а июнь — сено.

Проводит июнь на работу, отобьет от песен охоту.

Не жди лета долгого, а жди лета теплого.

Зима лето строит: зимнег тепло — летний холод, зимой вьюги — летом ненастье, зима снежная — лето дождливое, зима морозная — лето жаркое.

Дважды в году лету не бывать.

Роса, образовавшаяся после захода солнца и исчезающая до его восхода, к ухудшению погоды.

Если в девять часов вечера температура на поверхности травы значительно ниже, чем в высокой термометрической будке, то это признак хорошей погоды.

Хорошая погода сохранится, если ночью и утром тихо.

Вечером выпала обильная роса — завтра будет солнечная погода.

В радуге больше красного цвета — дождь прекратится, больше синего — усилятся дождь и ветер.

Туман утром стелется по воде — будет солнечная погода.

Продолжительное ненастье скоро кончится, если появляется вечерняя радуга.

Дождь ослабевает, перерывы в дожде увеличиваются — ненастье кончится.

Бледное солнце с утра — быть дождю к вечеру.

Ясный Млечный Путь летом — к ведрю.

К полудню появляются черные толстые облака — вечером дождь.

Солнце вечером за тучи зашло — быть ненастью.

Если дождь идет при солнце, скоро прекратится.

К ночи появляется обильная роса или туман — к устойчивой хорошей погоде.

«Плачут» окна, роса на них — к дождю.

Малый дождь землю грязнит, а большой — очищает.

Парит, парит — потом дождь ударит.

Чем меньше капли дождя, тем дольше он будет идти.

Пузыри на воде — к пущему дождю.

Если во время грозы слышатся раскаты грома, жди затяжного ненастья.

В пасмурный вечер хорошо видны предметы на горизонте и отчет-

ливо слышны звуки — завтра будет дождь, а возможно, и гроза.

Как сполохи заиграла, значит, погода переменится.

Луна в кругу — к пасмурной погоде.

Радуга как упрет в ручей, говорят: набирает воду — к дождю это.

Вечерний дождь больше суток не живет.

Как роса падет утром — ведрое будет.

Частые раскаты грома, сливающиеся в непрерывный гул, предвещают град.

Если радуга после дождя скоро пропадает — к ясной погоде, а если долго стоит — к ненастью.

Радуга утром — к дождю.

В радуге больше красного цвета — к ветру.

Очень быстрое движение облаков (подобно дыму) предвещает усиление ветра у поверхности земли через один-три часа.

Усиление ветра после продолжительной тихой погоды — к дождю.

Подула свежак — дождя не жди. Ясную погоду предскажет и ранняя роса.

Погода переменится, жди ненастья, если дым костра клубится, ест глаза, стелется по земле, угли в костре тлеют ярко.

Хорошо пахнет жимолостью — к дождю.

Небо еще чистое, голубое и бездонное, а цветки мальвы сложили свои лепестки, словно увяли, — скоро пойдет дождь.

Если звездчатка не раскрывает свои цветочки утром и держит их закрытыми целый день — ожидай дождя.

С утра мокрица распустилась и осталась раскрытой весь день — к хорошей погоде.

Закрыли свои оранжевые чашечки-соцветия ноготки — собирается дождь.

Первый туман лета — верная грибная примета.

Сильные росы — к плодородию, а частые туманы обещают урожай грибов.

Идет дождь — несет рожь.

Цветки белой лилии закрыты — будет дождь.

Если на цветках дремы-хлопуши сидит много белых ночных бабочек — завтра жди дождя (через 9—12 часов).

Если цветки заячьей капустки (кислицы) на ночь остаются открытыми, то с утра будет дождь.

Канны «плачут» перед дождем за 6—10 часов, горчица — за 9—12, жимолость — за 15—20, конский каштан — за 1—2 суток, клен — за 3—4 суток.

Перед ненастьем цветы одуванчика, гвоздики-травянки, смолевки поникшей закрываются, как бы прячась от дождя.

Вечером и ночью в лесу теплее, чем на открытых местах, а в низинах заметно прохладнее, чем на склонах и вершинах холмов, — к хорошей погоде.

Перед дождем донник лекарственный издает очень сильный запах. Если небо хмурится, а цветы лютика раскрыты, — дождя не будет.

Если цветок звездчатки не поднимается и не раскрывается до девяти часов утра — днем жди дождя.

Перед дождем полевой вьюнок плотно закрывает свои бело-розовые «граммофончики».

При приближении сильного ветра листья цветка дремы закрываются.

Красный клевер незадолго до бури вертикально вытягивает стель.

Листья клена начинают «лить слезы» еще за трое-четверо суток до дождя, выделяя капельки сока у основания черешков.

Перед дождем листья кислицы складываются.

Закрывается цветок у фиалки, она низко сгибается, кланяясь своей головкой близкому ненастью, — цветок оказывается под листками.

Стал будто ближе дальний лес, стал будто ниже свод небес — к дождю.

Воробы и куры купаются в песке или в пыли — перед дождем.

Соловей поет всю ночь — будет солнечный день.

Грачи играют — к хорошей погоде.

Беспрерывно ныряют и плещутся утки — будет дождь.

Вороны хохлятся — к непогоде.

Сыч кричит по ночам — к дождю и холоду.

Цыплята прячутся — к сырой погоде.

Слышно протяжное «пи-и-и-и» коршунов — к ненастью.

Перед ненастьем разносятся усиленное стрекотание стрекоз.

Если в солнечный день стрижей не видно, надо ждать сильного ветра или дождя.

К хорошей погоде парят в небе коршуны.

Если лебеди вечером раскричались — завтра будет дождь.

Грачи летом пасутся на траве — скоро будет дождь.

Когда утки крикают и хлопают крыльями, будет дождь, а если притихли, — жди грозу.

Кроты выбрасывают землю больше обыкновенного — к дождю.

До начала землетрясения у не-

которых животных и рыб наступает момент сильного беспокойства.

Коли овцы блеют да друг за дружкой бегают — это к дождю.

Перед дождем шерсть овец становится влажной.

К дождю свинья тревожится в хлеву.

Стадо к вечеру разревелось — будет дождливо.

Если муравьи ищут для жилья затемненные влажные впадины — жди засухи.

Паук-крестовик при заходе солнца сидит в своей паутине — сухая погода впереди.

Лягушки на суше прыгают — к дождю.

Лягушка днем квакает — дождь зовет.

Если пчелы роем гудят на цветущей рябине — завтра будет ясный день.

Если утром пчелы не летят в поле, а сидят по ульям и гудят — жди дождя.

С раннего утра пчелы отправляются за добычей — будет хороший день.

Крупный овод — колос будет крупный, мелкий овод — колос мелкий родится.

Будет хорошая погода, если роем летают комары.

Муравьи спешно заделывают входы в муравейник — пойдет дождь.

Если пчелы обленили акацию — будет дождь.

Если вокруг муравейника много муравьев — к хорошей погоде.

1 июня. Здравствуй, лето красное!

Если первые два дня июня льет дождь — весь месяц сухой.

Дожди идут слепые, грибные, в просины.

Садовые ноготки к дождю закрывают цветки.

Цветы сильнее пахнут — перед дождем.

Раки выходят на берег — перед ненастьем и дождем.

2 июня. Грядочник, тепловей — прясла вей.

День-огуречник: сажают огурцы. К урожаю огурцов — множество шишек на елях.

3 июня. Льносейка, длинные льны.

Закончат сев хлебов — сеют лен и коноплю.

Кукушка закувала, рябина зацвела, на дубе почки раскрываются — пора сеять лен.

Хорошо рябина цветет — к урожаю льна.

Лен сей при теплом ветре после полудня. Посеешь при северном — вырастет жестким.

Лен с ярью не ладит: по льну нельзя сеять яровые хлеба.

Ячмень сеют, пока цветет калина.

Обилие сосновых и ольховых шишек, почек у вяза, крупные почки у осины — предвещают богатый урожай ячменя.

4 июня. День-синитель, васильковый повелитель.

Не сеяли, не пахали — этот день пережидали, чтоб поля не засорились, васильки не уродились.

5 июня. Конопляник, огуречник, сажают огурцы.

Коноплю в поле сей и на рябину гляди: коли цвет в круги — и конопля долги.

Массовое появление паутов (оводов) — к урожаю огурцов.

Комары и мошки столбом — к ведру.

7 июня. Завистник птиц, гусятник.

Сильные росы — на хороший урожай.

Без росы и трава не растет.

11 июня. Колосяницы (колосницы), колосава, во ржи колосья.

Сухой туман во время цветения вредит хлебу.

Колосится рожь — много грибов найдешь.

Знойный июнь — на боровики плонь.

12 июня. Змеевник, змеиный праздник, змеи скопляются.

Когда цветут бобы, трудно с хлебом, а когда цветет мак — уже не так.

Горох — изобилия рог.

13 июня. Распрягальник. Начало лета по народному календарю.

14 июня. Брусничные губы.

Где хорошие пары, там и природные дары.

15 июня. Зеленые святки, украшение домов березками, плетение венков, конец хороводам, пекут караваи.

Поздний пар — пустой амбар.

Кто много навоза в поле кладет, тот всегда верной прибыли ждет.

16 июня. Ветер юговой — урожай яровой.

Если вихрь медленно поднимается кверху и долго перемещается, вращаясь, погода будет ясная.

17 июня. День тем силен, что выгибает лен.

Лен удастся, так шелк, а не удастся, так щёлк.

Тощее поле и небольшой заморозок прихватит.

18 июня. Начинаются самые короткие, воробьиные ночи (по 26 июня).

Если погода теплая и ясная — зерно будет крупное.

21 июня. Настоящий летний день. Летом свет во всю ночь.

Коли роса — конопля полоса.

Большая роса — к урожаю льна и конопля.

Обильные росы предвещают урожай.

Если роса до полудня не высохла — дождя нынче не будет.

Дождь хлеба прибьет, солнышко подымет.

Каня (канюк) плачет — пить дождя просит.

Птицы перестают петь за три часа до грозы.

Грачи недовольно и хрипло вскаркивают — перед грозой.

Перед грозой лес притихает.

Духота без грозы не обходится.

Темнеют солнца лучи — жди сильной грозы.

Июнь грозами богат.

Если при закате солнца облака сгущаются и становятся темно-свинцового цвета, жди ночью грозу.

Грозы предвещают плодородие.

Утром слышен гром — к вечеру он принесет дождь, особенно если гремит непрерывно.

Если гром беспрерывен, быть граду.

Глухой гром — на тихий дождь, гром звонкий — на ливень.

Гром в июне веселит крестьянское сердце — предсказывает хороший урожай.

Если гром долго гремит — ненастье надолго, а если он переходит с места на место — будет град и холод.

Град голода не делает.

Если будет град, будет холод и урожай.

Молния — дитя растений.

До первого покоса птенцы полевых жаворонков покидают гнезда.

22 июня. Конец весне, начало (почин) лету, распадницы.

Самый длинный день, самая короткая ночь.

В июне день не меркнет.

Цветенье ржи — сигнал к началу сенокоса.

Лучшая косьба — перед цветеньем трав.

Каково лето, таково и сено.

С лесного цвету гуще меду нету.

В каждой копне, коль сребрена не в дождь, пуд меду найдешь.

Хвались сеном, а не травой.

24 июня. Худое лето, коли сена нету.

25 июня. Солнцеворот вершит поворот.

Солнце на зиму, а лето — на жару.

Солнце укорачивает ход, а месяц на прибыль идет.

26 июня. Вздери (задери) хвосты, скот бегаёт по полю задравши хвосты, бесится (строчится) от оводов, мух, комаров, мошек — жукует.

Пойдешь лесом — комары взбесят.

Мошкара толчется кругами — к хорошей погоде.

28 июня. Овес пошел в рост.

У Земли за год самый тихий ход.

Певчие птицы затихают, перестают петь (кроме кукушки и соловья).

Смолкает птичья звонница.

30 июня. Солнце застаивается, медлит в зените.

Если в июне частые зарницы — будет хороший урожай.

Пролетел стриж низко — непогода близко.

Наохлились воробышки — на сильный дождь.

Вечерняя радуга — к хорошей погоде.

Закат багровый — к ветру или буре.

Июнь — самый светлый месяц года.

Июнь — медовый месяц природы (лета).

Июнь по погоде соответствует декабрю, декабрь — июню.

Знойный июнь — на рыбалку плюнь.

Лето идет вприпрыжку, а зима — вразалочку.

Лето дождливое — зима снежная, морозная.

Ночью было тихо, утром слегка повеял ветерок, днем он усилился, сменил направление, а к вечеру снова стих — будет хорошая погода.

Северный ветер всегда вытесняет ненастье.

Во время восхода солнца стоит духота — к ненастью.

К дождю на скаты крыши садится дым.

Дождь, начавшийся после полудня, будет лить весь день.

При заходе солнца заря желтая, золотистая или розовая (но не красная) — к хорошей погоде.

Пошел дождь зарею — скоро перестанет.

Радуга на западе — к дождю, на востоке — к хорошей погоде.

Месяц красен — к дождю.

Ночная гроза — к хорошей погоде днем.

Высокая и крутая радуга — к ветру, пологая и низкая — к дождю.

Росы нет — будет дождь, а возможно — и ненастье.

Радуга появилась вечером — завтра будет погода, а если утром — день будет дождливым.

В летнее время вечером становится теплее, чем днем, — признак перемены ясной погоды на ненастную.

Частые летние зарницы — к урожаю.

Цветная радуга переходит в белую — продолжительное ненастье скоро кончится.

Закат красный — будет ясно.

В цвету трава — косить пора.

Сливы второй раз зацветут — заморозки придут.

Где дерево, там и гриб растет.

Накануне солнечного дня полевой вьюнок обязательно раскрывает свои граммофончики даже в пасмурную погоду.

Примерно за полчаса до дождя никнут цветки лугового сердечника.

Перед дождем цветы маргаритки закрываются.

На бурю сосна, если внимательно слушать, звенит, а дуб — стонет.

Цветки мальвы закрываются — к дождю.

Земляника, калина, шиповник в цвету — к сыроежкам.

Если розовые и красные мальвы поникли, то скоро пойдет дождь.

Гром и молния растят на поле хлеб.

Закрылись цветки полевого вьюнка и лугового клевера — будет дождь.

Цветки фиалки раскрыты — будет продолжительная солнечная погода.

Перед бурей клевер стоит очень прямо, складывает свои листочки, а цветок его наклоняется.

Цветы желтой акации обычно сильно пахнут вечером, если же их аромат слышен и солнечным утром — к грозе.

Много в поле кашки — быть сенозною.

Утром трава пахнет сильнее обычного — к дождю.

Перед дождем желтые цветочные венчики чистотела поникают.

Ласточки летают высоко — будет хорошая погода, а если стелются над землей — жди дождя.

Кукушка кукует — хорошая погода будет.

Пищухи (сенокоски) носят ши-

рокие листья и закрывают ими свои стожки — перед ненастьем.

Кричат совки — к ненастью.

К хорошей погоде звонче звенит серебряный напев зяблика.

Перед дождем оляпка и зимородок удваивают рацион своим птенцам.

Жаворонок возвещает о хорошей погоде на весь день.

Чайка ходит по песку — моряку сулит тоску, села чайка на воду — жди хорошую погоду.

В хороший летний день дятел сильно стучит клювом — скоро будет дождь.

Грачи пасутся на траве — будет дождь.

Мелкие птички прячутся в гнездах — к дождю.

Голуби прячутся в ведро — к ненастью.

Если собака ест траву и вообще мало ест и много спит — к дождю.

Если розатый скот по дороге на водопой брыкается и фыркает — жди ненастья.

Бобры перед дождем работают всю ночь, а лягушки выползают на берег.

Коровы перед ненастьем поднимают голову вверх, нюхают и сильно вдыхают воздух, облизывают губы.

Много комаров — готовь по ягоды коробов, много мошек — готовь по грибы лукошек.

Если во время хорошей погоды муравьев почти не видно — к скорому ненастью.

Перед ненастьем на лугу не слышно кузнечиков.

Рыба играет у поверхности воды в реке, то и дело выпрыгивая из воды, — к сырой погоде.

Вода чиста, как никогда, — к дождю.

Убыль реки — к дождю, прибывь — к погоде.

ЮМОР ИСТИЧЕСКЕ

МИМАТИРЫ

ГЕРМАН
ДРОБИЗРИСУНКИ
РОЗЫ АТЛАСВЫНОСЛИВЫЕ
ДЕТИ

С некоторых пор у школьников развивается примечательная черта, которую, за неимением более подходящего термина, можно определить как выносливость. Вот и в школе, которую мы недавно посетили, нам сообщили, что многие ребята покидают ее, как говорится, не с пустыми руками: они выносят за школьный порог прочные и ценные знания. Причем начинается это с малых лет.

Так, третьеклассник А. вынес из школы мудрое правило: «Ученье — свет, а неученье — тьма», вывинтив его из настольной лампы на столе учителя.

Ученик шестого класса Б. вынес закон Ома, оформленный в виде катушки, проводников, вольтметра и амперметра.

Ряд положений новой науки информатики, воплощенных в импортном компьютере, вынес ученик десятого класса В.

Неисчерпаемым источником остается библиотека. Только за последний месяц вынесены: образ пятнадцатилетнего капитана в одноименном романе Жюль Верна, образ советского разведчика в произведениях Юлиана Семенова, тема обличения самодержавия в сказках Пушкина в подарочном оформлении и образы людей будущего в избранном Стругацких.

Наиболее пытливые дети не ограничиваются пределами школьной программы. Так, восьмиклассница Г. вынесла из школьной раздевалки самую последнюю молодежную моду на куртки и плащи.

Уносят с собой и добрые школьные традиции — чтобы нести их дальше по жизни, как это сделал, например, выпускник Д. с так называемым «последним звонком», представляющим собою красивый серебряный колокольчик. Благодаря выпускникам Е., Ж. и З. далеко за порогом их родной школы станут известны традиционные цвета тренировочных костюмов сборной школы по легкой атлетике.

Вследствие этих успехов на сегодняшний день в школе из более или менее ценных знаний остались: правило биссектрисы в виде деревянного треугольника с веревочкой и Периодическая система элементов Д. И. Менделеева, выложенная мозаикой на стене химического кабинета, что делает ее практически невыносимой.

В связи с этим неизбежно встает вопрос о необходимости непрерывно пополнять школьные знания, а иначе — что же вынесут отсюда следующие поколения?

ДУША И ПОНЧИКИ

«Дорогая редакция! Трудно говорить откровенно слова о собственных родителях, но не могу молчать! Правильно пишут другие мальчики и девочки: нас не понимают! Когда тебя не понимают незнакомые, это еще можно пережить. Но если это твои отец и мать? Вот только два примера.

Чудесное весеннее утро. Настроение — хочется обнять весь мир! И вдруг: «Сходи за хлебом». Как объяснить им, мещанам, им, обывателям, что у меня в душе поют вешние ручьи и Валерий Леонтьев?! Разве можно так грубо вламываться в хрупкий внутренний мир девушки!

Или. Хмурое зимнее утро. За окном редкий, равнодушный ко всему снежок. На душе неуютно, хочется уйти в себя, многое пересмотреть, с чем-то, может быть, и расстаться. Вдруг: «Выймой пол». Насколько же надо не понимать собственного ребенка! Бездушием, черствостью, отсутствием деликатности возмущают меня мои родители.

Дорогая редакция! Напечатайте, пожалуйста, это письмо, и пусть откликнутся другие, такие же ранимые души. Может, кто-то поделится опытом, как он выходит из описанных выше ситуаций. Потому что дальше так жить я просто не могу. Вот и сейчас. Пишу это письмо, заперлась в своей комнате, и уже трижды раздавался грубый стук в дверь, сначала мать, потом отец и снова мать: «Ты выйдешь, наконец, к ужину? Твои любимые пончики. Грею в третий раз!» Пончики ей, видите ли, не лень греть, а кто мне душу согреет? Об этом они и не думают. О, мещане!

Марина З.»

ИЗВОЛЬТЕ ПОБРИТЬСЯ

Все чище становится атмосфера нашего детского спорта, но есть еще отдельные примеры несознательности, расхлябанности и малодушия. Вот и на последнем первенстве «Кругленький мячик» произошло несколько случаев, требующих осуждения.

Так, дурными манерами отличались некоторые игроки синегорского «Огонечка»: несмотря на требования судей они неоднократно выходили на поле небритыми.

В хашабадском «Юлдузике» вратарь Алекпер Рахматуллаев выглядел курносый блондином, что не могло не озадачивать.

Из команды «Звездочка», прибывшей с далекой Чукчатки, что, сами понимаете, недешево обошлось, в разгар соревнования сбежал домой полузащитник Петя Ватрушкин, мотивируя свой поступок тем, что якобы получил телеграмму, извещавшую об опасной болезни сына. Расследование показало, что сын был вполне здоров, просто жена Ватрушкина купила горящие путевки в санаторий и приказала мужу срочно присоединиться к своему отдыху.

И уж совершенно диким выглядит поступок тренера Честнюкова: посмотрев на тренировки соперников, он увез свою «Ласточку» обратно домой, мотивируя свое решение тем, что его ребята не смогут вести на поле силовую борьбу, так как приучены уважать старших.

Всем этим горе-спортсменам хочется поставить в пример центрального нападающего из нижеберезовской «Ракетки» Вовика Трудягина: пятый год подряд приезжает он на эти соревнования, пятый раз объявлен лучшим игроком турнира, а он все тот же скромный крепыш-семи-

классник, разве что немного раздался в плечах, да в бородке нет-нет и сверкнет предательски седина, подчеркивая, как нелегко дается ветеранам долголетие в школьном спорте. Но — седина в бороду, а бес — в ребро: редко кто из защитников может угнаться за Вовиком. А некоторые просто боятся подходить.

Хочется, чтобы на следующее первенство команды прибыли все, как одна, чисто выбритыми, в безупречно выглаженных рубашках и с тщательно выправленными документами. И чтобы на поле поменьше базили, особенно младшая возрастная группа, что не может не производить неприятного впечатления.

БЛЖе К ЖИЗНИ

Вот, говорят, школьные программы сложными стали, дети не успевают понять, разобраться. Могу подтвердить: так и есть, мой сын тоже не успевает. Вернее, до последнего времени не успевал. А теперь все успевает, все понимает. Поэтому что я ему любые абстракции объясняю на доходчивых примерах из жизни. Например, он говорит:

— Нам рассказали про активные и инертные вещества. Я не понял. Почему к одним атомам электроны переходят, а к другим не переходят? Объясни.

— Пожалуйста. Прием стеклотары тебе известен? Похожая картина. Один атом приносит другому электроны сдавать, а тот не берет: «У меня под такие электроны тары нету». Это и называется — инертный атом. Понял?

Выясняется — отлично понял.

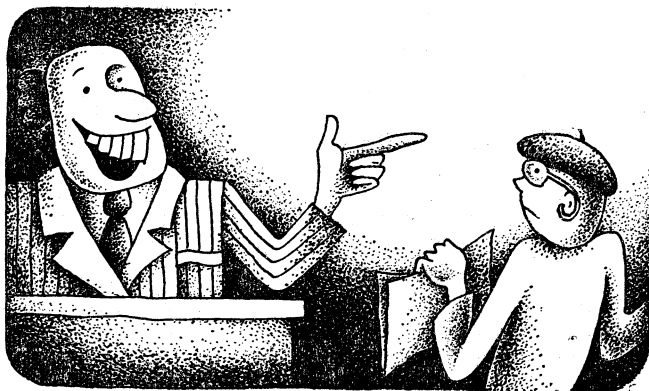
Или просит объяснить процесс кипения.

— Пожалуйста. Помнишь, ты рассказывал, что у твоего приятеля Сережи в семье творится? Похожая картина. Сначала молекулы воды живут спокойно, держатся друг за друга. Потом начинается разогрев, страсти накаляются, связи ослабляются, и отдельные молекулы испаряются в неизвестном направлении, как некоторые папы от некоторых мам. Понял?

Отлично понял!

Вот так, по моему твердому убеждению, и нужно строить учебный материал.

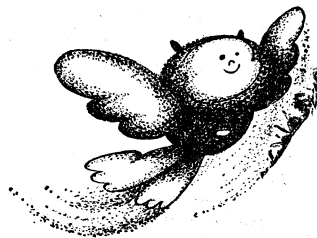
Возьмем классическую задачку о бассейне и двух трубах: из трубы А вливается, из трубы Б выливается... Спрашивается, сколько... если?..

Все абстрактно. А почему бы не сделать такой злободневный вариант: из трубы А в бассейн нашей городской реки вливается три кубометра сточных вод в секунду, из трубы Б — пять кубометров, спрашивается, до каких пор?..

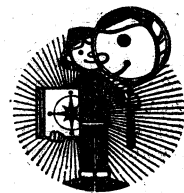
Или: задают сыну выучить стихотворение в прозе. «Как хороши, как свежи были розы...» Классика, красиво, не спорю. Но не злободневно. А почему бы не рассудить так: если розы были свежими, значит, куплены у кого? У частного, у спекулянта. Вот и прочесть детям из уголовного кодекса: «Спекуляция, то есть скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы, наказывается лишением свободы на срок до двух лет с конфискацией имущества или без таковой, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до трехсот рублей...» И задать это им наизусть как стихотворение в прозе.

Давайте же научим детей этому реальному пониманию наук и искусств! Если, допустим, пришел школьник в оперу, «Кармен» послушать, так чтобы не отвлекался на любовную историю, а разглядел единственное, что там актуально: связь девушки с табачной фабрики с контрабандистами, из чего следует, что на фабрике идут хищения, не поставлен заслон «несунам». А если перед ребенком задача про пешехода, который идет из пункта А в пункт Б, то вопрос не в том, когда он придет, а в том, когда между этими пунктами будет налажено бесперебойное автобусное сообщение. Друзья, ближе к жизни!

МИР НА ЛАДОНИ

Серьезное с курьезным

Солнце на спицах

В 1801 году уральский крепостной мастер Е. М. Артамонов изобрел велосипед. На нем он проехал от Верхотурья до Петербурга. Справедливости ради отметим, что в XVII веке в Германии и Франции появились четырехколесные повозки-самокаты, но до появления первого двухколесного велосипеда с педалями должно было пройти почти сто пятьдесят лет.

«Быстрые ноги» (именно так переводится с латинского «велосипед») завоевывали все большую популярность. Горячим их поклонником стал Л. Н. Толстой. Кататься он научился... в 67 лет. Был почетным председателем Русского общества велосипедистов. 21 февраля 1896 года граф Толстой получил от городской управы Москвы специальный билет, разрешающий ездить по улицам города. Но даже пример великого писателя не спасал велосипедистов от насмешек.

«...В столице,— писал в 1897 году Санкт-Петербургский журнал «Велосипед»,— публика смотрит на велосипедиста как на исключительное явление, не имеющего определенного положения в обществе и не признанного им».

Почти до конца прошлого столетия в России существовало убеждение, что велосипедный спорт — не для дам. «Я лично смотрю на женщину на велосипеде почти с таким чувством, с каким смотрел бы на турецкого пленного, посаженного на кол», — признавался один из ретроградов в том же «Велосипеде».

Но жизнь брала свое. В 1895 году в Москве было 35 велосипедисток, через два года — 60. В 1897 году по улицам Санкт-Петербурга разъезжало 500 светских красавиц. Среди них выделялась Л. А. Лашеева. Каждое утро она преодолевала путь в пятьдесят километров.

Велосипед приносит человеку радость, бодрость, здоровье. Во время велопробегов расширяются кровеносные сосуды, снижается уровень холестерина в крови. Велосипед — экологически чистый вид транспорта. Поэтому у него не только бурное прошлое, но и славное будущее.

Д. ЛЕОНИДОВ

Борьба миров

Помните, у Уэллса: всемогущих марсиан, нагрянувших с войной на нашу планету, смогли победить... земные микроорганизмы.

Разумеется, прямых аналогий между инопланетянами и творящим научно-технический прогресс человечеством проводить не следует. Но факт остается фактом: непрерывно создавая новые материалы и все более сложные технические устройства, человек сталкивается с тем, что живая природа все активнее разрушает творения рук его...

Если наших предков заботило лишь то, как уберечь от грызунов амбары, то теперь приходится защищать от тех же грызунов и технику, и кабели, и многое-многое другое. Прежде от моли предохраняли лишь шерстяную и меховую одежду. Теперь аппетиты ее возросли: она

«полюбила» синтетические ткани и пластмассовые изделия, от нее приходится спасать различные приборы и покрытия.

В список организмов, повреждающих материалы, вошли представители практически всех групп органического мира. И конца этому списку не видать...

В результате деятельности бактерий изменяется углеводородный состав топлива, образуются стойкие слизи и эмульсии, которые закупоривают фильтры и насосы двигателей. Грибы повреждают стекла оптических приборов, полимерные материалы, силикаты, кожу, древесину, бумагу, камень... Водоросли, моллюски, поселяясь на подводной части судов, значительно снижают их скорость, почти наполовину повышают расход топлива.

Большой урон хозяйству наших среднеазиатских и кавказских республик наносят термиты, повреждая древесину и деревянные конструкции, минеральные строительные материалы, ткани из стекла и волокна, алюминиевую фольгу, пористую резину...

Устраивая гнезда на опорах линий электропередачи и заплетая в них проволоку, грачи вызывают потери электроэнергии, а подчас и серьезные аварии...

Наступление живых организмов на технику, на возводимые человеком сооружения все усиливается. Если в начале 50-х годов мировой ущерб от биоповреждений измерялся двумя процентами объема промышленной продукции, то в 70-х годах он уже превысил пять процентов! Причем значительная часть ущерба вообще не поддается экономической оценке, ибо живые организмы подчас непоправимо портят памятники искусства, архивные материалы, уникальные музейные экспонаты...

В нашей стране разработкой мер по защите техники и сооружений от повреждений живыми организмами занимаются многие научные и научно-производственные организации, в том числе и Академия наук СССР. Усилия ученых координирует Научный совет АН СССР по биоповреждениям.

Что именно привлекает микроорганизмы в определенных материалах и изделиях? Почему, к примеру, насекомые заползают в приборы, грызуны жуют изоляцию, птицы гнездятся на радиолокаторах, опорах линий электропередачи, фермах мостов и в других местах?

Узнав это, можно будет наделить материалы и изделия «отпугивающими» свойствами.

Е. БОРИСОВ

Львы Ленинграда

Среди многочисленных памятников города на Неве немало скульптур, посвященных животным: верблюд, медведь, собака, лошадь. Но больше всего в городе львов. Мраморные, бронзовые, гранитные, чугунные, медные скульптурные изображения царя зверей украшают двери особняков, пристани, набережные, дворцовые решетки.

Первые львы были выписаны в «северную Венецию» из Италии самим Петром I. Сейчас в Ленинграде и пригородах насчитывается около сотни львов. Самое большое их число расположилось перед домом номер 40 на

Свердловской набережной. 29 сторожевых львов охраняют парадный въезд особняка, построенного в 1773—1783 годах архитекторами В. Баженовым и Д. Кваренги. Особняк, как и его львы, хорошо сохранился до наших дней. Замечателен дом не только львами, но и тем, что в нем в свой приезд в Россию останавливался автор «Трех мушкетеров» знаменитый Александр Дюма.

Л. ДАНИЛОВ

Когда они за рулем...

В Англии определены самые плохие водители страны. Худшая за рулем — Карен Каллен — начала учиться вождению автомобиля десять лет назад. С тех пор она проваливает все экзамены в автошколе, к которым допускается. А на специальном конкурсе Каллен продемонстрировала редчайшие по несурзности и непредсказуемости действия.

Серебряный призер этого конкурса Хильда Эндрус, которая занимается в автошколе уже 25 лет, довела одного из своих инструкторов до инфаркта.

Еще одна участница конкурса, сев за руль, проломилла автомобилем стену и снесла гараж.

Хобби древнего селянина

Клад медных и серебряных русских денег восемнадцатого века пополнил нумизматическую коллекцию музея города Нерехты. Передала их доярка колхоза «Путь к коммунизму» В. Красовская. Ее сын Геннадий, учащийся СПТУ, проходя мимо только что распханного участка залежи возле околицы села Холомеево, обратил внимание на вывернутый из земли лемехом плуга глиняный горшок.

Количество монет было невелико — полтора десятка штук. Но зато все они оказались разными. Будто собирал их не скопидом, а опытный нумизмат. В «коллекции» были представлены монеты, чеканившиеся в годы царствования Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II и Павла I. Самая ранняя монета имеет дату «1738».

Любопытно, что в собрании есть монета четырехкопеечного достоинства, выпущенная при Петре III. Она была в ходу только в 1762 году. После дворцового переворота изъятая из обращения, она подлежала немедленному обмену. Сохранивший эту монету «нумизмат» из костромской деревеньки не побоялся ослушаться царского указа.

В. ПАШИН

Рисует ЛКК

У нас в гостях — Ленинградский клуб карикатуристов (ЛКК). О деятельности клуба можно рассказать и с помощью прилагательных превосходной степени — активнейший, интереснейший, популярнейший, и с помощью фактов, цифр, которые говорят сами за себя. Второй способ более объективный. Мы им и воспользуемся.

АНКЕТА КЛУБА

Год рождения: 1974.

Количество членов: 22.

Возраст: от 17 и до 45 с половиной лет.

Профессиональный состав: художники-оформители, иллюстраторы, дизайнеры, инженеры, служащие, рабочие, студенты и даже учащиеся старших классов.

Количество публикаций: более 3000 рисунков в различных газетах и журналах Советского Союза.

Участие в выставках: 53 союзных и международных.

Призы, награды, премии: 14 — на общесоюзных и 12 — на международных выставках.

Общий вес членов клуба: 1653 кг.

Общий рост: 38 метров 29 сантиметров.

Общая мощность клуба: 88 пегасо-сил.

Девиз клуба: «Карикатура — это приглашение к раздумью».

Планы на будущее: книга-альбом лучших рисунков, созданных за 10 лет.

Отношение к юмору — восторженно-дружеское, к сатири — уважительно-серьезное, к горной системе Урал — любовно-туристическое, к уральским юмористам — как к игрокам родной футбольной команды.

Анкету заполнил **М. КУЗЬМИН**

На 3-й стр. обложки рисунки членов ЛКК

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

продолжение первой книги нового романа **В. Крапивина** «Острова и капитаны»;

стихи **А. Чечулина**, песни **А. Городницкого**;

очерк поэта **О. Поскребышева** «Ко украшению земли»;

фантастический рассказ **Т. Титовой** «Остановка»;

очередная подборка рубрики «О братьях меньших» под редакцией **Б. Рябина**.

Главный редактор **С. Ф. МЕШАВКИН**

Редколлегия: **Е. Г. АНАНЬЕВ**, **В. П. АСТАФЬЕВ**, **М. ГАЛИ**, **Г. В. ИВАНОВ** (зав. отделом прозы и поэзии), **В. П. КРАПИВИН**, **Ю. М. КУРОЧКИН**, **Д. Я. ЛИВШИЦ** (заместитель гл. редактора), **Н. Г. НИКОЛОВ**, **О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ**, **А. К. СЕМЕРУН**, **К. В. СКВОРЦОВ**, **В. А. СТАРИКОВ** (отв. секретарь), **А. Н. СТРУГАЦКИЙ**.

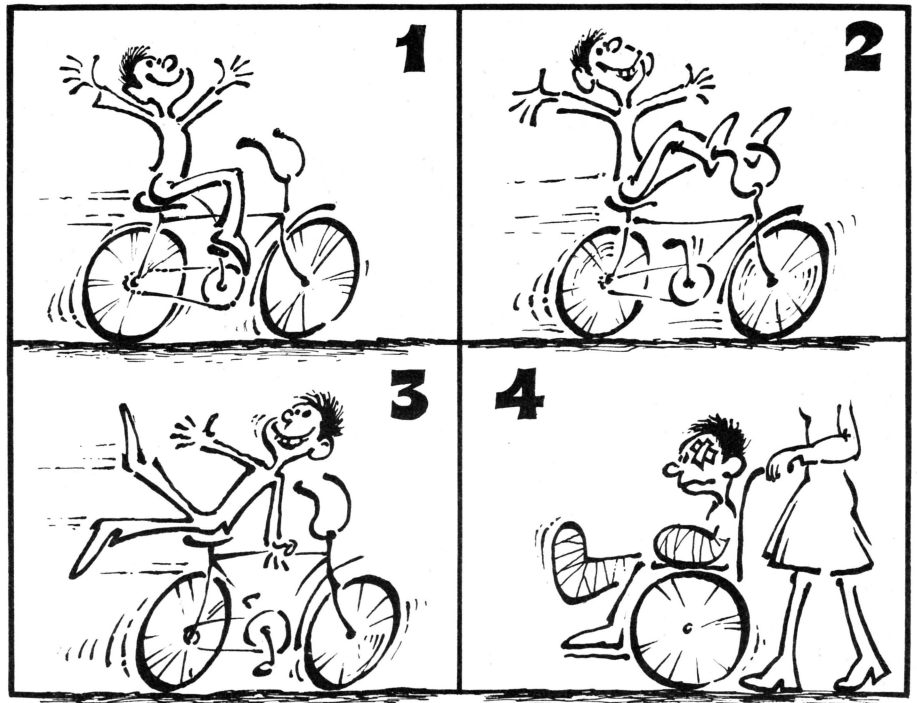
Редакция: **В. И. Бугров** (отдел фантастики), **Л. С. Будрина** (технический редактор), **В. В. Бурангулова** (корректор), **Л. Г. Гончарова** (секретарь-машинистка), **А. Д. Кононова** (отдел писем), **Ю. В. Липатников** (отдел науки и техники), **Е. И. Пинаев** (художественный редактор), **Ю. В. Шинкаренко**, **Н. А. Широкова** (отдел публицистики и следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (фантастики, прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 09.03.87. Подписано к печати 20.04.87. НС 32506. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 409 200 экз. (1й завод: 1—250 000). Заказ 469. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.

ДМИТРИЙ МОСКИН

ЕВГЕНИЙ ОСИПОВ

БОРИС ХОТИН

ДМИТРИЙ МАЙСТРЕНКО

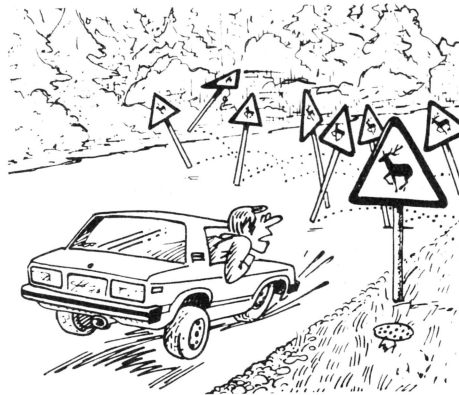
НИКОЛАЙ ВОРОНЦОВ

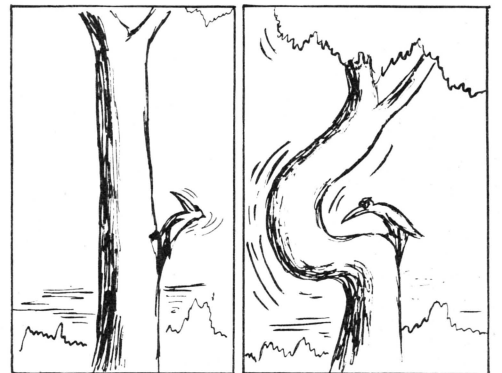
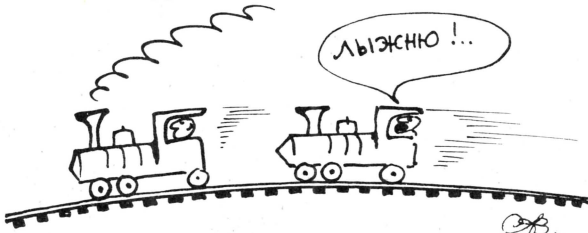
ДМИТРИЙ МАЙСТРЕНКО

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВ

ВЛАДИМИР ФРОЛОВ

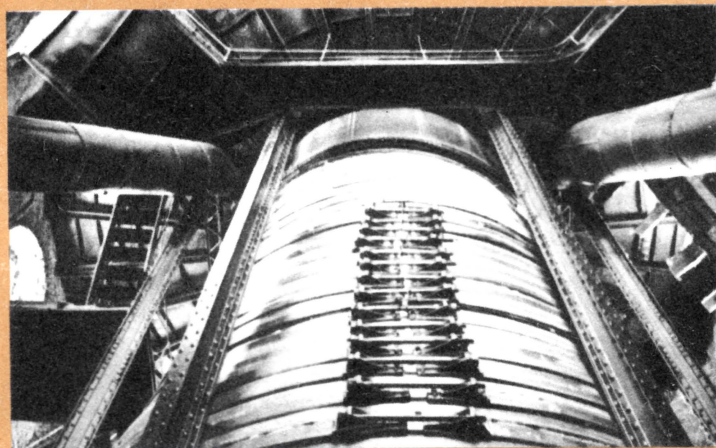

ВИКТОР БОГОРАД

42-10
ЧЕМ
СЛАВЕН
УРАЛ

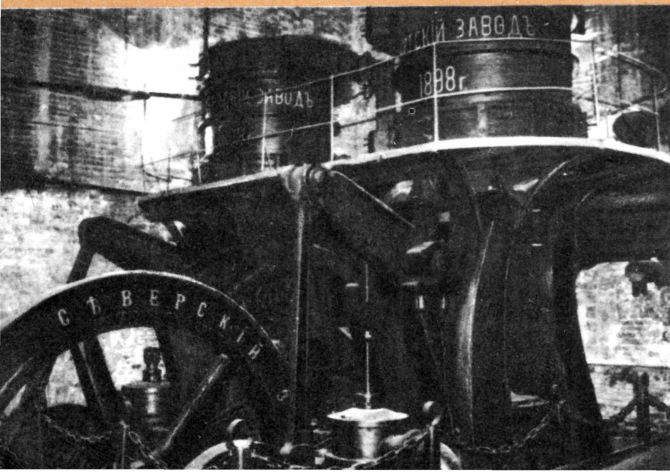

Домны... Коллекционировать их, как самовары, нельзя. В музей и маленькую домницу не поставишь. Ее нужно хранить там, где построена. В городе Полевском Свердловской области, на территории трубного завода сохранилась едва ли не единственная в стране домна прошлого века. Стоит она у плотины; с круглой и островерхой крышей, как богатырь в шлеме. В ней жива большая воздухоудная машина. По крутой лестнице можно подняться туда, где засыпали в печь и топливо и руду. На диво сохранилась домна. Подарок истории! Ей бы стоять в эпоху электрометаллургии и надвигающейся бездомной выплавки металла памятником. Но уже лишилась она литейного двора... А это значит не уметь понятно — без литейки-то! — рассказать потомкам, показать им, как выпускали металл (торжественно, под звон колокола!), как разливали по формам.

Необдуманно снесли литейку северской домны. Однако, видно, ускорение началось и в области реставрации. Недавно на заводе решили: надо литейку восстановить. Урок себе. Урок другим, кто безоглядно перестраивает заводы, кто полагает, что на заводских территориях общекультурных ценностей не бывает. А в самой северской домне будет музей.

Рисунок Роальда Каптикова,
фоторепродукции и снимки Игоря Горячева.

Цена 40 коп. Индекс 73413
Уральский СЛЕДОПЫТ, 1987, № 6, 1—350.